

Василий ФЁДОРОВ

ЖЕНИТЬБА
ДОН ЖУАНА

* * *

... НЕОКОНЧЕННАЯ
«КНИГА ДУШИ»

Кемерово 2012

ББК 84(2РОС=Рус)6-5я44
Ф33

Фёдоров В. Д.
Ф33 Женитьба Дон Жуана. Неоконченная книга
Души [Текст] / В. Д. Фёдоров; сост.: А. Северный. –
Кемерово: Кемеровский государственный универси-
тет культуры и искусств, 2012. – 347 с.

ISBN 978-5-8154-0255-3.

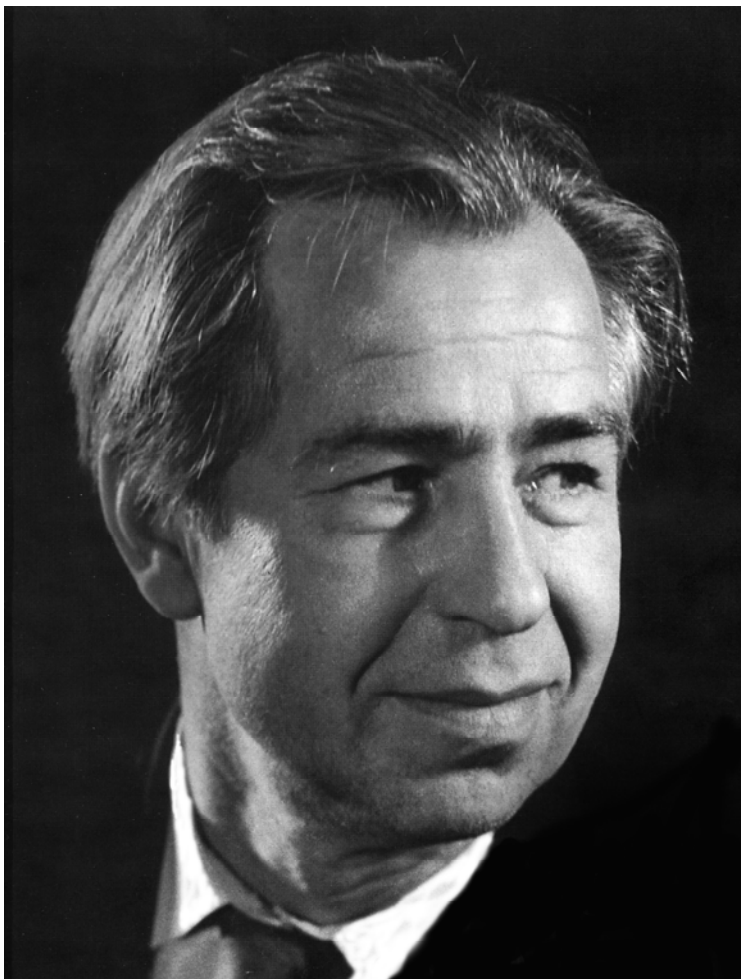
Издание посвящено 95-летию со дня рождения великого русского поэта советской эпохи и восполняет не осуществленный при жизни авторский замысел. Поэзия уроженца Кузбасса современна в XXI столетии, значимость ее предстоит открыть современным читателям и исследователям.

Выражаем благодарность за издание книг: «Книга Любви», «Книга Веры», «Женитьба Дон Жуана. Неоконченная книга Души» Кемеровскому государственному университету культуры и искусств.

ББК 84(2РОС=Рус)6-5я44

ISBN 978-5-8154-0255-3

© Северный А., 2012
© Басалько А. С., 2012
© Кемеровский государственный
университет культуры и искусств, 2012

Василий Дмитриевич Фёдоров
23.02.1918 – 19.04.1984
Народный русский советский поэт,
лауреат Государственных премий РСФСР (1968)
и СССР (1979)

*Моему невидимому
Учителю,
Духовному
Наставнику,*

*Русскому Поэту,
Поэту Сибири,
Поэту Неба,
Есенину Сибири...*

***Василию Дмитриевичу
ФЁДОРОВУ***

*Нет Ваших Книг
На пыльных полках...
СТИХИ! –
Витают в облаках...*

Александр Северный

ОТ АВТОРА

МОЙ ДРУГ ЖУАН

О замысле поэмы «Женитьба Дон Жуана»

Полагаю, что обращение к классическим образам мировой литературы было давней традицией русской поэзии. В наше время мне видится особенный смысл. Современный буржуазно-коммерческий мир, на мой взгляд, уже не способен дать новую жизнь ни Фаусту, ни Дон Жуану. В мире, где любовь запросто продается и покупается, было бы странным создавать образ художника страстей, по сути, занятого поиском прекрасного. Такова, на мой взгляд, философская основа, позволившая мне приступить к работе над поэмой в семи песнях «Женитьба Дон Жуана».

В поэме у меня получилось так, что в нашу реальную жизнь врывается мифический Дон Жуан. Но этот прием не увел меня в мир фантастики – поэма получилась реалистической, в каком-то роде злободневной. К Дон Жуану меня привела моя «Книга Любви», над которой я работал всю жизнь и которая из года в год, дополненная новыми стихами, выходила отдельными изданиями. В одном из стихотворений я пытался выяснить для себя последствия женитьбы человека, соблазнителя с мировой славой.

В конце концов мой Дон Жуан оказался жертвой «собственных подражателей». Любое подражательство безнравственно, а в любви оно преступно. На Дон Жуана опрокинулось все темное, что, сам того не ведая, он породил за века. Еще более трагической окажется судьба его жены...

Над поэмой я работал около пяти лет. Наконец-то она закончена.

A decorative border with a repeating floral or scrollwork pattern surrounds the text.

Женитьба Дон Жуана

*Ироническая поэма
в семи песнях*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

У Бога мертвых нет...
Древняя мудрость

Пройдя через века
По многим странам,
Стихам,
Поэмам,
Драмам и романам,
Пройдя легенд мистический туман,
Познав мужей ревнивых гнев и ропот,
Душой устав и накопивши опыт,
В наш новый век женился Дон Жуан.
А впрочем, к безрассудному почину
Имел Жуан двоякую причину.

Женился он,
Сказать приятно мне,
Не где-то, не в какой-то там стране,
А именно у нас, в Стране Советов,
Где появился после тех времен,
Когда стал замечать, что обойден
Вниманьем своих западных поэтов.
Не мнил и здесь к Суркову
В стих попасть,
Но знал, что в новизне
Новей и Страсть.

О, Страсть Любви!
От самых давних дней
Он дивным был художником страстей,
Но многоцветье высших ощущений
Сгубила буржуазности печать,
Когда нужды не стало обольщать,
Все женщины пошли без обольщений.
А если чувства словом не цветут,
От Страсти
Обновления не ждут.

Лишь страсть ценна.
Прожив века, он знал,
Как изменялся жизни идеал,
Как старики к безусым шли на милость,
Как занимали троны торгаши,
Как падала во всем цена души,
Как все менялось, билось и дробилось,
Но Страсть Любви
Во все века и лета
Была как неразменная монета.

Явился он
В предел моей страны,
Конечно же, не в поисках жены.
Скорей всего хотел поволочиться.
Когда ж увидел стройку вертопрах,
Ее ошеломительный размах,
Решил остаться и переучиться,
Чтоб смыть с Души
Без прежнего цинизма
Родимое пятно феодализма.

Итак, на стройке
Страсти пилигрим
Прижился даже именем своим:
Жуан ли, Жан ли, был бы работяга.
В то время, как теперь сдается нам,
К туманным иностранным именам
Была у нас особенная тяга,
Хоть римский Цицерон, к чему чиниться,
Звучит по-русски
Вроде Чечевицын.

И все-таки потом
Приставку «дон»,
Как ни звучна была, отбросил он,
Взял и отсек без всякого терзанья,
Как отсекают, взятую в щепоть,

Вполне живую, трепетную плоть
При тягостном обряде обрезанья.
Жуан без «дон» по собственной охоте
Стал проще,
Как еврей без крайней плоти.

Не диво ли,
От первого «ЛЮБЛЮ»
У нас закон оберегал семью,
А строгому закону в подкрепление
Через цехком, завком и женсовет,
Партком и комсомольский комитет
Был и закон общественного мнения,
И тот, кто преступал за грань закона,
Не избегал порой
И фельетона.

«Вот хорошо, –
Подумал жен желанник, –
Что у семьи так много добрых нянек,
Особенно для грешных, кто, как я,
Решил навек оставить круг порочный,
С такой подмогой счастье будет прочно.
Долой разврат!
Да здравствует семья!»
Тогда еще не знал он иносказ:
«Семь добрых нянек,
А дитя – без глаз».

«Долой разврат!»
Сказать-то просто. Кстати,
Поговорим немного о разврате,
Перелестнем страницы словарей,
Откроем те, где есть определение
Разврату, как порочному явлению,
С позиций моралистов наших дней.
Увы, воображенью не мешая,
Молчит Энциклопедия Большая.

С послушностью
Наипримерных чад
Вослед Большой и Малые молчат.
Но тут себе позволю замечанье:
Встречаются и в жизни иногда
Такие рассуждения, когда
Бывает вразумительней молчанье.
Ну сами посудите: для морали
Не стало б легче,
Если бы орали.

А может,
Надо только ликовать,
Что дали мне возможность толковать
Добра и зла житейские приметы.
Меж ними очень узенький порог:
Чуть-чуть переступил – уже порок,
Чуть-чуть недоступил – порока нету.
А мера где, чтобы в разврат не впасть?
Одна лишь мера –
Истинная Страсть.

Не бойтесь Страсти,
Но в Любви горячей
Любая Страсть
Должна быть только зрячей.
Пусть синие померкнут небеса,
Пусть голубые рухнут небосводы,
Но писанные Матерью-Природой
Любви своей храните адреса.
В Мужчине с Женщиной
Есть святой дух,
Когда хранится ими
Тайна Двух.

Открывший Тайну –
У порока в нетях,
К Ночам Любви не подпускайте третьих

Ни воспаленных, ни холодных глаз,
Чтоб трезвым не раскаиваться завтра,
Из Ласк Любви не делайте театра,
Не выставляйте Счастье напоказ.
А для картин о чуде женских ножек
Нам нужен не развратник,
А Художник.

Еще и ныне вызывает спор
Рембрандта мудрого
«Ночной дозор».
На той картине в призрачном луче
Стоит среди дозорных, в их оплоте
Не то девчонка-нищенка в лохмотьях,
Не то принцесса в золотой парче.
В лохмотьях – тем,
В ком мало интереса,
Влюбленному Любовь –
Всегда Принцесса.

Иной готов
При чувстве небогатом
Любое чувство называть развратом.
Увидев наготу на полотне,
Такой спешит с поспешностью кретина
От самой благороднейшей картины
С тупым упреком к собственной жене.
Хоть крик борца
Со всяческими «мини» –
Не крик ли
Воющего в пустыне?

Художник – полубог,
Когда творит,
Влюбленный – Бог,
Когда Душой горит,
Но по возможности воспламеняться,
По высшему призванию творцов –

Детей, картин ли –
В качестве отцов
Они местами могут поменяться.
Прекрасна Страсть, взлетевшая высоко,
А Холодность Души – душа порока.

Как часто бьют
В ревнительный набат,
Как часто говорят:
«Разврат!.. Разврат!..»
Разврат – когда из низких побуждений,
Когда же побужденья высоки...
Не Юноши, а чаще Старики
Скользят на тропках темных походов.
Нет, Истинную Страсть, ее азарта
Не надо путать
С путами разврата.

Душа Жуана,
Как одна из ста,
Была Добра, Наивна и Чиста,
Страдательно доверчива к тому же,
На Красоту отзывчиво-легка,
Пред Женщиной до ужаса робка, –
Что вовсе странно для такого мужа.
Еще странней, что в нем преобладало
Не Мужество,
А Женское Начало.

И вот теперь
Из этого клубка
Потянем нить с понятием «робка»,
Посмотрим и заметим, к удивленью,
Что эта робость в нитке не одна,
Что эта робость мудро сплетена
С готовностью к ее преодоленью.
Так Истинный Актер,
Талант бесценный,

От робости дрожит
За шаг до сцены.

И все же
В ситуации любой
Жуан по Страсти
Был самым собой.
Жалка лишь подражания печать,
Поскольку подражатели желают
Того, кому нахально подражают,
Перешуметь,
На крик перекричать.
Нет, не Жуан смешон,
Смешней всего
Слепые подражатели его...

Мы с ним сошлись,
Встречаясь на работе,
На зауральском авиазаводе.
Не жалею, что жизнь меня свела
И крепко подружила как-то сразу
С конструктором, тогда из цеха плазов,
Из группы элерона и крыла.
Здесь, как в любви
Негаснущего жженья,
Конструкторам нужно воображенье.

Высокий,
Строгий,
То горяч, то тих,
Глядел он на творенье рук своих,
На связь узлов очерченного плана.
Скажу, на сердце руку положи,
Жуан при толкованье чертежа
Был строже толкователей Корана.
Недаром святость плазового цеха
Была для заводских,
Как туркам – Мекка...

В то время
Из туманной красоты
В нем проступали четкие черты.
Так юности нетронутые лица,
Всегда чуть-чуть хмельные без вина,
Всегда в туманце, будто после сна,
Вдруг обретут гранитные границы.
А эта четкость, эта твердость камня
У женщин будит
Большие желанья.

Так и случилось.
Изо всех дорог
Они искали всяческий предлог
Прийти к Жуану, как на техэкзамен,
С холодным равнодушьем напускным
Поговорить о срочном деле с ним,
Остекленев влюбленными глазами,
Потом уйти,
Не выяснив значенья
Каких-нибудь деталей сочлененья.

Но так себя вели,
Боясь изнанки,
Скорей всего студентки-практикантки,
А женщины постарше тех девиц,
Без всяких институтов и теорий
Познавшие законы траекторий,
Стрелять умели из других бойниц.
Они-то ведали, что платя вырез
Глаз ловко заглянувшего
Не выест.

Как всякий
Положительный герой,
Он в строгости переборщал порой,
Легко судил себя, судил других.
Не будьте строги

К собственным изъянам,
Вину за них отдайте обезьянам,
Поскольку мы произошли от них.
История в стремленье к идеалу
Нам не дала
Другого матерьяла.

К своей жене,
Чтоб не казалась мелкой,
Не подходите с необъятной меркой,
Иначе с ней не сжиться и не спеться.
От женщины, коль не мудрит сама,
Не надо ждать сверхмудрого ума,
У женщины должно быть умным сердце.
Она решает в случае любом
Сначала сердцем,
А позднее – умом.

Жуана моего,
Чтоб не мрачить,
На этот счет не мне было учить,
Но в нашем мире – мире небывалом,
Где истины не ходят нагишом, –
Мы устоим на принципе большом
И вдруг заспотыкаемся на малом.
Так у него случилось в ходе дела
С Аделаидою из техотдела.

Она была,
Признать открыто надо,
Не мирового женского стандарта,
А если говорить начистоту,
Ее до встречи с ним я видел трижды,
Да, да, и ничего, а вот поди ж ты,
Мой друг в ней заметил красоту.
Увидел он всей зоркостью своей
Прелестное ушко среди кудрей.

В нем были хороши до удивленья
Все линии, их матовые тени,
Сферически-лирический овал,
В другой овал миниатюрно вхожий.
А кожа!.. Боже мой, так грубо кожей
Я чудо несказанное назвал.
Теперь представьте
Тот эффект великий
От сказочных светильников
При лице.

Для женщин,
Чтоб занять достойный ряд,
Два ушка вот таких же – сущий клад.
Но среди нас бывают добряки,
Все хвалят в женщине – и то и это,
Того не зная, что и две строки
Из пухлой книги делают поэта.
Недаром за ушком
В тенистой прядке
Мой страстный друг
Помчался без оглядки.

Как встретились
И чем была награда,
В подробностях рассказывать не надо.
Он счастлив был, но говорил:
– Пойми,
Во мне все та же вековая рана,
Я счастлив
Прежним счастьем Дон Жуана,
А не спокойной радостью семьи.
Хочу иметь жену, иметь при ней
Разноголосый выводок детей.

Почти супруг,
Почти уже родитель,
Он гордо оглядел свою обитель,

Для этой цели годную вполне,
Как пьяный в упоительном угаре,
Вдруг потянулся к вековой гитаре,
Тихонею висевшей на стене,
С которой в прошлом,
Будучи влюбленным,
Пел серенады
Всяким разным доннам.

«Обманутый в жизни
Судьбою зловещей,
Не внял, не прозрел я
Пути своего.
Потратил я жизнь
На разгулы и женщин,
Ни те, ни другие
Не стоят того.

Бессмертную славу
Меняю охотно
И сердце вручаю
Лишь смертной судьбе.
На что мне бессмертье,
Бессмертье бесплодно,
Пока не увижу
Творца я в себе.

Одну назову лишь
Своею судьбиной,
Одна лишь на свете
Мне станет родной.
Любви упоенье
Найду я в любимой,
Все прелести мира
Открою в одной...»

Так пел он,
Фантазируя при этом,

Как, став отцом,
Позднее станет дедом.
Но счастье создавалось невзначай
И так же невзначай оно распалось.
Кого на радость завлекает малость,
Тот и от малости впадет в печаль.
Как ни смешно,
А роль судьбы зловещей
Аделаидины сыграли вещи.

О, вещи, вещи!..
С темных древних дней
Они друзья и спутники людей,
Как лошади, собаки и коровы.
У них есть память,
Есть особый взгляд,
Что человек забыл, они хранят,
Не говоря до времени ни слова.
Зато каким,
Однажды неминучий,
Бывает злым их говорок скрипучий.

Все вещи
По служивости своей
Сживаются с характером людей,
Порой перенимают их недуги, –
Быть может, в том и состоит уют, –
Кряхтят, скрипят и даже предают,
Как давние и близкие подруги.
Иные женщины об этом знают
И потому так часто
Их меняют.

Не знала Ада,
Только молодилась,
Хотя Жуану в нянюшки годилась.
Для разных специй был и разный срок:
Зимой – охлада сыворотки млечной,

А жарким летом – нежно молодечный,
Зеленоватый огуречный сок.
Зато она казалась молодой,
Пока не привела его домой.

Воскликну
Без намерений придиры:
О, наши коммунальные квартиры!
Тыходишь в них не просто, а нырком,
Чутьем пройдя то занятое место,
Доставшимся от бабушки в наследство
Каким-нибудь громоздким сундуком.
Потом тебя от прочих потаенно
Ведут куда-то в темень,
Как шпиона.

Переступивши
За второй порожек,
Жуан увидел пару стройных ножек.
Нет, нет, я не хочу интриговать
И прикрывать их кружевной оборкой.
Читатель милый, то была кровать
С подушками, уложенными горкой.
А за кроватью, сторожившей вход,
Стоял буфет, стул,
Столик и комод.

О вещи, вещи,
Даже без обновки,
Как людям, вам нужны перестановки.
Иной себя сто раз переметнет –
И там нехорошо,
И здесь не климат,
Но вот однажды в угол передвинут,
Глядишь, и свое место обретет.
У Ады и в простенках и в углах
Все вещи были
На своих местах.

Одно забыл.
Стоял еще трельяж,
Имевший тоже ветерана стаж.
Трельяжиком его назвал бы я,
Перед которым Ада то и дело
Легко порхала – о, она умела
При госте прихорашивать себя,
И как бы этим меж собой и им
Создать не что иное,
Как интим.

Но что интим!
Все атомы интима
На этот случай пролетали мимо.
Душа его, как прежде – налегке,
На зов ее любви не отзывалась.
«Где красота?
Куда она девалась?» –
И цепенел в позорном столбняке,
Меж тем на кухне женщины-чистюли
Со злым усердьем
Чистили кастрюли.

Коль ты в гостях,
Умей себя улыбить,
Предложенный напиток надо выпить.
Чудак Жуан впервые пить не стал,
А не имей он прошлого отрыжек,
Не помни про себя известных книжек,
То выпил бы, а выпив, и воздал,
Но Байроны и прочие Мольеры
Избаловали парня
Больше меры.

Померкла Ада.
В прежнем нежном стиле
Светильники Жуану не светили,
Они погасли, стала вялой речь...

Как это горько!
Чуткое на жалость,
Мое бы сердце от сочувствий сжалось,
Душа зажглась бы, чтоб любовь зажечь,
Хоть в случае таком же наши Ады
Бывают с нами
Так же беспощадны.

Кто виноват?
Скажу не воровато,
Скажу открыто – вещи виноваты.
Послушны вещи лишь по мелочам,
Но в главном, даже взять и стул-калеку,
Не вещи потакали человеку,
А человек прилачился к вещам.
Они-то Аду, равную годами,
И делали при них
Такой, как сами.

Есть заведенья,
Где на первый взгляд
Поношенные вещи молодят,
Продельвая сложные работы:
Как женщин красят, клеят ловко так,
Что, нанеся на них волшебный лак,
Им возвращают прежние красоты,
Но дни пройдут, и где-нибудь, однако,
Реальный возраст
Глянет из-под лака.

У красоты нет возраста, когда
Ничем не нарушима красота,
Когда ее изнанка мудро скрыта.
Земля в цвету юна, но шрам косою
Геологу откроет мезозой
И меловые тайны мезолита.
А наша Ада, как заметил гость,
И без ущерба виделась насквозь.

Жуан подумал,
Не желая лгать:
«Пока не поздно, надо отступить.
Еще одна победа – шаг к полону,
Но если отступленье суждено,
Пусть будет подготовлено оно,
Иначе быть великому урону...»
И тут мой друг задумался, решая,
Как отступить,
Ее не унижая?

На этот счет
У многих разнбой,
Но вывод общий: поступишь собой!
Жуан глаза, припуская веки,
Трагически закрыл на этот раз.
– Вы хороши... Я недостоин вас!.. –
И прочее... Ну, словом, как Онегин...
Все мы цитатчики,
Все мы богаты
Не на свои слова,
А на цитаты.

Они расстались,
Что тут говорить,
Расстались так, что некого корить
И некого оплакать горьким плачем.
Мой друг, неуязвимый до сих пор,
Покинув затемненный коридор,
Унес отраву первой неудачи.
И сам я в юности немалый порох
Растратил в этих жалких коридорах.

Вперед, вперед!
Но строй моих октав
Нетороплив, как смешанный состав
Вагонов пассажирских и товарных.
Сам виноват, неторопливость их,

Должно быть, от созвучий кольцевых,
От полных рифм,
Нерасторжимо парных.
Зато октавы и прочны и строги,
Такие не рассыплются в дороге.

Я сам
И пассажир
И машинист,
Сам для себя даю гудки и свист,
Сам провожу ремонтные работы,
Сам стрелочник, состав перевожу,
Когда приходит время поворота.
На повороте жизненных путей
Судьба героя
Нам всегда видней.

Кто раз обжегся,
Тот позднее всеуе
И на холодное все время дует.
Так и Жуан, с женитьбою – молчок,
Замкнулся, на работе окопался,
Я было начал... Бедный забрыкался,
Как молодой некладеный бычок,
Когда тому, пощекотав слегка,
Ярмо надели
В качестве венка.

Зато Жуана –
Новость громче грома! –
Избрали председателем цехкома,
А старого решили проучить,
Пустить хотя бы временно в негодность
За то, что сам, имея очередность,
Не смел себе квартиры получить:
Мол, если для себя не стал ты прытче,
То для других
И вовсе не добытчик!

Сей случай,
Как внушительный урок,
Лишь глупым и стыдливым был не впрок.
«Нет, воле избирателей своих, –
Иной подумал, – нечего перечить.
Себя сначала надо обеспечить,
А уж потом подумать о других.
С такой программой,
Посудив заглазно,
Глядь, снова изберут единогласно».

Читатель мой,
Ты спросишь поневоле:
«А как Жуан в руководящей роли?»
Ну что ж, скажу. Предшественник его,
Перемотав ему и многим нервы,
Стал в списке на квартиры снова первым.
«А что еще?»
Пока что ничего.
Как раз в те дни,
Когда он в роль входил,
Я отпуск взял и к морю укатил.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

У нашей свахи так:
хожено, так слажено,
а расхлебывайте сами!
Русская пословица

О море, море!..
В юности когда-то
Я изумился, что оно горбато,
Но позабыл об этом в малый срок,
Познав его божественную дивность.
Нырнуть в него –
Вернуться в первобытность,
Вновь народиться – выйти на песок.
Недаром же, пожившие на свете,
У моря мы безопаснее, чем дети.

О море, море,
Как я наслаждался!
Ходил в ущелье, загорал, купался,
Пил горькую, медок и даже квас,
И чтоб со мною не случилось худо,
Что именно, я говорить не буду,
Меня втащили Музы на Парнас,
А на Парнасе, все же это знают,
Уже не пьют,
А только сочиняют.

Там сочинял и я,
Пока жених
Не перепутал замыслов моих.
Тогда к столу с лукавым выраженьем
Подсела Муза, подперев щеку.
–Что, не выходит?.. Дай-ка помогу!..
Не женится?! Ну если надо, женим!.. –
Так, отогнав сомнения и страхи,
Ко мне явилась Муза
В роли свахи.

Был замысел ее
Житейски прост:
– Во-первых, твой Жуан имеет пост,
Пост в наше время свадьбе не помеха,
А во-вторых – награда по труду! –
Жуан теперь все время на виду,
Что очень важно для его успеха.
Судьба не раз женила и венчала
Вот на таких
Общественных началах.

Есть у меня
Наташа Кузьмина,
Вся для посева, были б семена,
Не девушка – восторг любви заветной.
Возьми сведи их, а потом жени.
Поверженное зло соедини
С Душою и Любовью первоцветной.
Тут, грешного, меня сомненья взяли,
И я спросил:
– А самому нельзя ли?

– Как это «самому»?! –
Вспылив мгновенно,
Меня отчитывала Муза гневно: –
Ты – не творец! Терзайся и страдай,
Влачись в пыли, валяйся под горою,
Но лучшее в себе отдай герою,
Из сердца вырви, а ему отдай.
В том и беда творцов пера и кисти,
Что пишут
Из тщеславья и корысти.

Стихи поэта –
Горшая из нив,
Речь Музы – нету строже директив.
Хотя корила, так сказать, приватно,
Но дал ответ на то не сразу я:
– Ну вот, с тобой и пошутить нельзя,

А с Кузьминой получится неладно.
Ты знаешь, что Наташа Кузьмина
Два года
Как с другим обручена?

Не удивилась Муза,
Мне внимая,
Лишь горько улыбнулась:
– Знаю, знаю!..
Они клялись, когда тот призван был,
Но в том и грех, что паренек служивый
В присяге чувству оказался лживый,
Письмо ей написал, что разлюбил,
Что женится в стране Дальневосточной,
Что остается в службе
На сверхсрочной.

– И что Наташа?
– А Наташа плачет,
Не понимая, что все это значит. –
Мне жалость горькая сдавила грудь:
– Нам не оставить ли ее в покое
До выяснения, что же с ней такое?
– Нет, нет! Со свадьбою нельзя тянуть!
Жуан красив, начнет любить и нежить,
Она утешится.
Пора утешить!

Сказала так,
Как будто отрубила,
Вздохнула – и уже миролюбиво:
– Ты – сочинитель, призванный творить,
Вот и твори, на горькой правде зрея.
Как бесполезно жизни быть добрее,
Так безрассудно и жесточе быть.
Об остальном когда-нибудь доспорим,
Теперь пойдя
И попрощайся с морем.

О море, море,
В этот час прощанья
Как мне любезно волн твоих качанье
И шум, когда волна о берег бьет.
На море море в шумах не походит,
Балтийское колотит, как молотит,
А Черное, хоть гневно, но поет.
Мне, человеку северного круга,
Роднее почему-то
Море юга.

Оно во мне
Еще так долго пело
Уже в моем краю, в метелях белых,
Оно играло снежной белизной,
Когда спешил я к двери ресторана
На свадьбу ожененного Жуана,
Сведенного с Наташей Кузьминой
Не где-то, не в каком-то частном доме,
А на одном собрании
В завкоме.

Русоволоса,
Издали видна,
Она была высока и стройна,
Во всех приманках вызревшая к сроку,
Был у нее чего-то ждущий взгляд,
Каким невесты, как во сне, глядят
На все еще пустынную дорогу.
Тут мой Жуан, подвинутый судьбой,
И очутился
На дороге той.

Все ладно бы,
Но чем утишить стыд
И боль Аделаидиных обид?
Мне показалось, верьте иль не верьте,
В просвете ресторанного окна

Туманно обозначилась она
И растворилась в снежной круговерти.
Должно, где свадьбы,
Там в бессонном бденье
Загубленной Любви
Блуждают тени.

Как не спешил,
Но опоздал настолько,
Что за столом уже кричали «горько!»,
И вот Жуан, обняв плечо жены,
Склонился над лицом наивно-юным,
Затмил его, как при затменье лунном,
Когда Земля закроет лик Луны.
Но из-за тени, тенью не затроган,
Сиял и вился
Золотистый локон.

Из века в век,
Изо дня в день еси
Звучало «горько» на святой Руси.
Казалось бы, в обряде есть накладка,
Но хитр и мудр был древний драматург:
Кричали «горько», выходило ж вдруг
Не горько вовсе, а хмельно и сладко.
И то-то рады все,
Что губ слиянье
Не горечь принесло,
А лиц сиянье.

Всего пустяк,
Десятки лет назад
Неделю длился свадебный обряд,
Женились тоже не на две недели,
Те свадьбы было принято «играть»:
Ну, например, невесту выкупать,
Притворно плакать,
А как славно пели!

От свадеб тех –
Друзья, какая жалость! –
Нам только слово «горько» и осталось.

Теперь не то,
Но есть уже прогресс,
Есть бракосочетания дворец,
Есть кольца, есть фата –
И все на сцене! –
Есть очередь на счастье, но, друзья,
Без очереди к счастью нам нельзя,
Иначе мы и счастья не оценим.
И есть еще для полноты обряда
Напутственное слово депутата.

Все это есть,
Но не о том рассказ.
Кричали «горько» уже третий раз.
И снова, улыбаясь благодарно
Неистово хмелеющим гостям,
Жуан, устами падая к устам,
Затмил свою подругу планетарно.
Но это, не в пример минувшим теням,
Уже казалось
Солнечным затмением.

Здесь пировали,
Как заметил я,
Не дружки, а подружки и друзья,
Подружек было, как березок в роще.
Средь них, смешливых,
С тягой поболтать,
Невестина главенствовала мать,
В дальнейшем именуемая тещей,
Хоть и была она крупней и строже,
Но все же мать и дочка
Были схожи.

Даю совет
В предсвадебные дни:
Нашел невесту, тещу погляди –
И счастлив будь, когда души не ранит.
Иной зятек ее скорей бы с глаз,
Нам теща – преждевременный рассказ
О том, какой жена однажды станет.
В смотринах мамы весь сюжет невестин:
Начало смутно,
А конец известен.

Должно, посватал
В доброе число,
Жуану и на тещу повезло.
Она была, и не средь юных токмо,
Простите, что делюсь ее словцом,
Осанкою, внушительным лицом –
Раскольница, не скованная догмой.
Бысть такова, смотревшая сугревно,
Жуана теща,
Марфа Тимофевна.

Еще скажу,
Пока помехи нету,
Два слова в дополнение к портрету.
Друзья мои, представьте тот портрет
В обветренной базальтовой скульптуре
И повторите в мраморной фактуре,
Отбросив ровно половину лет,
Тогда второе из творений ваших
Точь-в-точь и будет
Дочкою Наташей.

На шумной свадьбе –
Вот-вот-вот жена! –
Была Наташа вся напряжена.
Глаза ее то стыли в стыни стуж,
То таяли от тайного желанья,
То снова гасли в муках ожиданья

Минут, когда ей мужем станет муж.
Что ж, девушка всерьез
Тогда родится,
Когда супругу
Замужем годится.

А что Жуан?
Из родичей его
На свадьбе я не встретил никого.
Да, да, они отсутствовали все:
Де Молино, затеявший игрушки,
Мольер, лорд Байрон, женоверец Пушкин,
А также худосочненький Мюссе.
Их не было при нем
В отцовском чине
По очень уважительной причине.

Зато друзей –
Совсем наоборот, –
Их было, так сказать, невпроворот,
Но многие молчали как-то странно,
Так, будто личный понесли урон,
Как на поминках, после похорон
Великого, бессмертного Жуана.
Я тоже был в друзьях его, а впрочем,
Хотя и друг,
Но вроде бы и отчим.

Тяжелый крест!
Скажу, из жизни зная,
У отчима обязанность двойная.
Чем пасынка родитель был знатней,
Тем неизбежней между ними стычки.
Отцам не мед,
А пасынка привычки
Для отчима и в сотню раз трудней.
Он должен знать, что в пасынке участие
Не горе принесет тому,
А счастье.

Но это к слову.
Как же в самом деле
Не рассказать, что пили и что ели.
Вот раньше то-то были мастаки
По описанью разносолов разных:
Грибков, и огурков, и рыбин красных,
А нынче хватит и одной строки.
Нашлась бы рифма,
Если бы, как яство,
Муксун и нельма
Выставились на стол.

Однако были
Из большой реки
Поджаренные в масле окуньки,
Ершишки были в огненном томате
И заливная щука там была.
А вот стерлядка мимо проплыла,
Хоть нет ее, но вы не унывайте.
В утратах века
Стерляди скелетик
Найдут потомки
Через пять столетий.

Друзья мои,
Товарищи родные,
К чему теперь претензии смешные!
С тех пор как люди сделались людьми,
Они все ели с радостью до пляса.
А может быть, ихтиозавра мясо
Вкусней всего, что было,
Но ведь мы
Не просим нынче,
Не попросим завтра
Жаркое из филе ихтиозавра.

Друзья мои,
На нашей кухне русской

Еще нашлась нам добрая закуска.
Не воду пили, чтоб галушки есть,
Нет, было блюдо к чести ресторана,
Которое и тонкостям гурмана
Во время свадьбы оказало честь:
Дымились в чашах,
Полные томлений,
Домашние сибирские пельмени.

Они вкуснейши
Сами по себе,
Наивкуснейшей по одной судьбе.
Я их не ел – блаженствовал, вкушая,
Я праздновал на празднике еды,
Хвалил их между тем на все лады,
Соседям по столу напоминая,
Что на мешке
Мороженых пельменей
Родился знаменитый Менделеев.

Пельмени.
Оо!..
Но те превыше слов,
Когда берется мясо трех сортов:
От нетели, от свинки и овечки.
Его бы все ж не мясорубкой мять,
Так мясо может соки потерять,
А изрубить с лучком
В корытце сечкой,
Поперчить, посолить, потом слегка
Для сочности добавить молока.

В моей Сибири
С добрым знаком плюс
Мы ценим их за вид, потом за вкус.
Есть крайнее из самых высших мнений,
Да буду я за дерзость несудим:
Один едим, а на втором сидим –

Вот это настоящие пельмени!
Сейчас, когда пишу я эти строки,
Во мне кипят
Желудочные соки.

На свадьбах,
Когда сыт и весел гость,
Он затевает песню. Так велось.
Как теща бы сказала, – «а теперьча»
На свадьбе, юбилее ли каком,
Как будто на активе заводском,
Звучат все больше пламенные речи.
Их начинают, связывая ярко
С глубинным смыслом
Своего подарка.

На этот раз
Торговый недодел
Речам глубинным положил предел.
Поскольку в уголочке в виде стопок
Стояло и лежало на виду,
Довольно дефицитных, в том году,
Пять схожих чаш и десять сковородок,
Да прислонилась к меди самовара
Добытая в столице
Мной гитара.

На смену той,
Игравшей на износ,
Жуану я подарок преподнес.
Тот взял гитару, вняв желаньям нашим,
Чтобы она свой голос подала,
Чуть отступил от тесного стола
С поклоном легким в сторону Наташи,
Тряхнул рукой, куда-то глядя вчуже,
Как будто бросил наземь
Горсть жемчужин:

«Радость,
Нежность
И тоска,
Чувств нахлынувших сумятица.
Ты – как солнце между скал,
Не пройти и не попятиться.

На тебе
Такой наряд –
Сердце вон за поглядение.
Ты светла, как водопад,
С дрожью,
С ужасом падения.

Ты загадочна,
Как Русь,
Ты и боль и врачевание.
Я не скоро разберусь,
В чем твое очарование».

Похлопали певцу,
А там уж в зале
Затанцевали, буйно заплясали,
Но строгий строй моих иных октав
Для описанья плясок не годится.
Тут я решил со свадьбы удалиться,
Молодоженам должное воздав.
Виктрола повторяла неустанно
Разнеженный мотив:
«О, Марианна!..»

«О, Марианна!» –
Слышал сквозь снега,
«О, Марианна!» – как издалека.
Неведома,
Незрима,
Но желанна,
Смущая ум и сердце горяча,

Бог весть какая и черт знает чья,
Терзала мне мой мозг «о, Марианна!».
Пустой мотив любовного страданья
Стал для меня
Мотивом мирозданья.

Таинствен Мир
В своей надземной выси,
Его звезда, летящая в капризе.
Сто раз благодарю отца и мать
За то, что молодыми повстречались,
За то, что встретились и не расстались,
За то, что мир мне дали повидать,
Где есть следы моей судьбы рабочей,
Где есть Любовь
И тайна брачной ночи.

Вся Жизнь нам тайна,
Но тебе, поэт,
Доступно все, что требует сюжет.
Не глядя в щель,
Не прячась за гардину,
Услышав только фразу или две,
Как древних див по косточке – Кювье,
Ты воссоздашь правдивую картину.
Да не смутит тебя других услада, –
Где такт и мера есть,
Стыда не надо.

В делах квартирных
До сих пор упорны
Поборники системы коридорной.
Им нравится в ней буча и шумиха.
Замысловатый коллективный лад.
Жуан привел жену,
Жуан был рад,
Что поздно было и довольно тихо.
Но как назло, от нетерпенья стало,

В замочной щелке
Что-то заедало.

На площади
Житейского квадрата
Из благ семейных было небогато:
Кровать, да стол, да этажерка книг,
Чертежная доска с бумагой белой.
Но тут Наташа тотчас усмотрела
Невиданного цвета алый крик.
То нагло цвел,
Презрев наш грозный градус,
На подоконнике заморский кактус.

Она к нему,
Желая за цветеньем
Укрыть свое стыдливое волнение,
Но и над цветом думала о том,
Что неизбежное, оно, конечно,
Уже должно случиться неизбежно,
А лучше бы потом, потом, потом...
И мучилась, придерживая сердце:
«Разденет сам
Или самой раздеться?»

Рука Жуана,
Добрая рука,
Была на раздевание легка,
Она в подходе тайнами владела.
Вот, скажем, буря стань озоровать,
Ей все равно одежду не сорвать,
А солнышко согрело и раздело.
Явились вдруг, поставленные косо,
Сибирской пальмы
Белые кокосы.

– Наташа! –
Восхищенье и восторг

Так, только так и выразить он смог,
Когда же заиграли светотени,
Сбегая за сорочкой, и когда
Открылись бедра, словом – красота,
Хотел упасть пред нею на колени,
Но лишь – Наташа! – снова произнес,
Взял на руки Наташу
И понес...

Забавно, право!
Это же ведь казус,
Что цвел так нежно
Мексиканский кактус.
На вид он непригляден и жесток,
На нем колючки, каждая – как лучик,
И вот среди таких лучеколючек
Родился удивительный цветок,
Подобный колокольчику, в котором
Почти что слышен звон
О счастье скором.

Как откровенье,
Как любви призыв,
Был цвет его особенно красив,
Красивей роз, красивее пионов.
Все кактусы, цветущие вот так,
Как слышал я, выхаживать мастак
Не кто-нибудь, а Леонид Леонов,
А он, мы знаем, добрым делом занят
И пустяков выхаживать
Не станет.

Признаюсь запоздало,
Что уж тут,
Я сам не знал, что кактусы цветут,
Зато читал, и это даже лестно
Для кактуса, не бывшего в чести,
Что надо бы его нам завести

В пустынное, засушливое место.
И не было б, писали, выше дара,
Чем этот сочный кактус
Для отары.

Я верил в мудрость
Этого проекта,
Пока огнистого не встретил цвета
И не представил радость поселян,
Глазеющих, как на пустынном поле,
Наукой возрожденном лучшей доле,
Сей милый цвет жует себе баран,
Питается безводно и бестравно
Таким цветком.
Не правда ли, забавно?

А все – мой такт,
Заставил все же такт
Писать меня о кактусе трактат,
Пока Жуан в своем стремленье лучшем
Наташу в ее прелести земной
Не сделал настоящею женой,
А сам не стал ей полномерным мужем.
Она уже, смахнув с лица слезинку,
К себе тянула
Белую простынку.

Все жены любят,
Хоть не говорят,
Когда их за любовь благодарят.
Жуан отрадно в бережном наклоне
И целовал, и взгляд жены ловил,
Ласкал ей груди, словно бы кормил
Два жадных клюва с ласковой ладони,
Дивился втайне, что дитя Сибири
Вело себя,
Как женщины Севильи.

Мужчины все,
Чем более грешны,
Тем больше и в желаниях смешны.
Чтобы жена была и не тиха,
Но отвечала нормам идеала,
Чтоб знала все и ничего не знала,
Чтоб, согрешив, не ведала греха.
Уж не на этой ли душевной криви
Родился миф
Безгрешности Марии.

В делах Любви,
В игре огней и стуж
Взывают часто к родственности душ.
Неправда это, здесь нужна полярность,
Здесь нужен тот особенный магнит,
Который тем вернее породнит,
Чем больше нежность и сильнее ярость,
Но гаснет страсть,
Когда за общим плугом
Жена и муж становятся
Друг другом.

Все это так,
Но не о том же речь,
Чтобы душой влюбленной пренебречь.
Кто любит только телом, счастье губит,
Меж ними не должно быть дележа.
Как долго любит верная душа,
Как яростно, но кратко тело любит.
И все же, если тело устает,
Душа – не жди,
На помощь не придет.

Прекрасна ночь,
А женщина прелестна,
Когда и ранним утром с ней не тесно.
Бывает же, на мир и на уют

Не все в такую ночь сдают экзамен:
Ложатся спать хорошими друзьями,
Врагами молчаливыми встают.
У наших же супругов без печали
Все было так,
Как сказано вначале.

Уже пришла пора
Другим вставать,
А новобрачным было впору спать.
Но вот к полудню, жалуясь на сердце,
Явилась теща чуть ли не бегом
С еще горячим рыбным пирогом,
Завернутым от стужи в полотенце,
Оценочно прищурилась с порога
И подвела итог:
«Ну слава богу!»

Очаг семейный –
Добрый костерок,
В потемках жизни разведенный впрок,
Заблудшему дающий направление.
И я себя погрел у костерка,
И мне того досталось пирога
Да беленькой к нему – для вдохновенья,
Чтоб их поздравил, также и себя.
Итак, свершилось.
Родилась семья!

Из всех проблем,
Из всех больших идей
Семьи идея мне всего милей.
Все дело в том, что изо всех историй,
Прошитых кровью по живой канве,
Из многих философских категорий
Главнейшими считаю только две.
На первом месте в роли верховода
Есть отношенья:
Люди и Природа.

А на втором
Из категорий вечных,
Из отношений чисто человеческих,
Дающих вездесущей жизни ход,
Рождающих и радость, и кручины,
Есть отношенья Женщины с Мужчиной,
А можно говорить наоборот.
Все остальное, если вам угодно,
От этих отношений производно.

И даже то,
Что люди страстно бьются
Оружьем мятежей и революций,
Прозрев любви зарю в кромешной тьме.
Ах, сколько в распрях от огня и стали
С мечтою о грядущем погибали,
Душою апеллируя к семье!
Сам Энгельс относил,
Свергая царства,
Вопрос семьи
К вопросам государства.

Но вот беда,
Читатели упрямы,
Им подавай трагедии и драмы.
А где их взять?
Не просто же возвесть
До ранга драм скандальчики соседей.
В том и трагедия, что нет трагедий,
Хоть жертв любви вокруг не перечесть.
Влюбленные все больше с каждым годом
От всяких драм
Спасаются разводом.

Зато Жуан,
Пусть будут хоть напасти,
Сжег все мосты на переправах страсти.
Теперь он только одного хотел
Хотением души, хотеньем тела,

Чтобы одна Наташа им владела,
Чтоб только он Наташею владел.
Но вознесенная до неба верность
В нем слишком скоро
Возбудила ревность.

О, ревность,
Неподвластная уму,
Она легко ревнует ко всему.
Вот пошутил сосед довольно плоско,
На шуточку ответить бы тремя,
Но ревности холодная змея
Уже ползет извилинами мозга
И, ясному сознанию вопреки,
Прочерчивает адовы круги.

Он ждет ее
С лицом белее стенки,
Чтоб заглянуть в обманчивые зенки,
Чтоб взглядом взгляд сурово повстречать,
Чтоб на лице, невиннейшем когда-то,
Холодного, постыдного разврата
Увидеть потаенную печать.
Но вот пришла и ахнула канашка:
– Ах, Жуня!..
Ты не ужинал, бедняжка!..

О, Женщина!
Соблазнами красот
Она и бога с неба низведет
И смертным его сделает, шалунья.
Ах, до чего жесток любви полон!
Был Дон Жуаном,
Был Жуаном он,
Теперь же для Наташи просто Жуня!
Счастливый дар людей – воображенье
Во всем, ревнуя,
Видит униженье.

Меж тем Наташа,
Хлопоча о муже,
Проворить стала небогатый ужин.
Жуан остановил ее:
– Постой!.. –
Наташа обернулась удивленно,
Наташа улыбнулась так влюбленно,
С такою откровенной чистотой,
Что мой Жуан,
Стыдясь за окрик грубый,
Стал целовать Наташу
Страстно в губы.

В Америке
Для сердца и души
Давно изобретен детектор лжи,
Довольно хитроумная машинка,
Через которую с вопросом – вдруг:
– Ну-с, изменяла? –
Ревностный супруг
Ложь узнает жены и даже лжинку.
У нас же без детекторов со спросом
Еще в ходу
Проверки древний способ.

Итак, Жуан
Любимую жену
На женскую невинность и вину
Так проверял, как проверял бы предок.
Ну, словом, чтобы все наверняка,
Ласкал все упоительней, пока
Миллионы и миллиарды нервных клеток,
Восторга обладанья не тая,
Не крикнули:
Моя!
Моя!!
Моя!!!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Хороший муж, как правило, ревнив,
Но часто ошибается предметом.

Байрон «Дон Жуан»

Привет тебе, о море,
Мне родное,
Сегодня ты, как я, совсем седое.
Девятый вал багрянит свой венец,
От гелиозаката набегаая.
Я гимны, море, для тебя слагаю,
Но, море, море, я не твой певец.
Встречай меня, как прежде, не шутя,
О, океана шумное дитя!

Шуми, шуми!
Мои земные думы
Расстраивали северные шумы,
А ты шуми, а ты о берег бей.
Да, я устал, не буду лицемерить,
Да, я пришел к тебе тобой измерить
Всю косность и всю суетность людей.
С тобой видней, как часто мелковата
Их славных сил
Бессмысленная трата.

Враг суеты,
Недаром в добром строе
Я выбрал многовечного героя.
Не потому, что не о ком сказать
И не на чем придумать новой сказки.
В нем есть урок,
Он давние завязки
В себе самом не может развязать.
Жуан для нас имеет то значенье:
Что в нас мало,
В нем – преувеличенье.

Из многих тайн
Супружеского быта
Природа ревности не вся раскрыта,
А в ней найдутся добрые черты,
С ней есть и благородные начала,
Чтобы жена, к примеру, отвечала
Душевному идеалам красоты:
Не то чтоб плавать
Ангельским виденьем,
Но отличаться строгим поведением.

Наташа Кузьмина
Не виновата,
Что были с нею все запанибрата.
– Наташка, эй!.. –
Пора, пора в утиль
Вот этот легонький, простецкий, свойский
И псевдопроф, и псевдокомсомольский
И прочих псевдо грубоватый стиль.
Мне Пушкин по душе,
Сказавший здраво:
«Прекрасное должно быть величаво».

Но я и не за то,
Чтобы супруга
Вся столбенела, словно от испуга,
Чтоб муженька держала за рукав,
Чтоб говорила, что намного хуже,
Все с мужем, все о муже и о муже.
Нет, все-таки Жуан был в чем-то прав,
Когда просил, чтоб мужем, как бывало,
Жена нигде
Его не называла.

Тут что-то есть.
Иллюзией свободы
Хотел он снять моральные заботы,
Ответственность душевную с себя.

Для объяснения болезни кровной
Врачи теперь идут от родословной,
По их рецепту поступлю и я.
Болезни и отжившие идеи
На расстоянии всегда виднее.

В Испании,
Где благодать оливам,
Родился он, как все, уже ревнивым,
Но выручила страсть, любовь, интим,
Еще точнее – женщин перемены:
Меняя, он не знал себе измены,
Любая изменяла только с ним,
А муж бывал до рокового часа
Измен жены
Ходячею сберкассой.

В нем ревность
Замолкала, как дракон,
Которому бросал красавиц он.
А сколько здесь напущено тумана,
Тогда как вот как возникал и гас
В душе его, в других, потом и в нас
Довольно сложный комплекс Дон Жуана,
Когда пороки управляют нами,
Мы ж думаем,
Что управляем сами.

До встречи с Натой,
Головы кружа,
Нестойкая Жуанова душа
Вела себя как добрая простушка:
Влюбленно льстила, искренне лгала,
Короче, суетилась, как могла,
У тела своего на побегушках,
Пока не взял в стеснительные клещи
Закон несовместимости
Двух женщин.

Согласно сути
Этого закона
Влюбленный жаждет вечного полона,
Любви и поклоненья не на час.
Прснулась совесть в нашем ловеласе,
Как в школьнике,
Застрявшем в первом классе,
Менявшем только школы, а не класс.
Вот почему Жуан уже без чванства
Избрал для сердца
Подвиг постоянства.

Лишился он
Всех вычурных манер,
Являя удивительный пример
Поборника таких высоких качеств,
В которых был когда-то очень слаб,
Теперь не пил, чужих не трогал баб,
Но в этом, кстати, не было чудачеств,
Все страстные натуры год от года
В себе самих
Рождают антипода.

Продолжу песнь
Без лишних аллегорий.
Жуан бы пережил такое горе,
Когда бы все, что,
Перьями скрипя,
О нем не написали без смущений,
Он сам во всех деталях обольщений
Теперь не опрокинул на себя.
Воистину, как говорит Писанье:
От больших знаний
Большее страданье.

Он помнил все,
Как роль свою артист,
Как партию великий шахматист,

Одной лишь скромной пешки продвиженье,
Противного коня ответный скак,
Жуан уже среди множества дорог
Всей партии предвидел продолженье,
Припоминая прошлое к примеру:
«Да, так вот соблазнял я
По Мольеру!»

Пусть шахматы
И древняя идея,
Игра любви во много раз древнее.
Хоть и хитер бывает ход конем,
В игре любви ходы замысловатей.
Играть случалось
Даже в женском платье,
Как ни смешно, жуанил он и в нем,
Когда его – по Байрону – в серале
Наложницы султана соблазняли.

Я думал,
Что Жуана в первый год
Лишь собственная ревность подведет.
Она одна была в моем прогнозе,
Возможная, как прошлого урок,
Не страшная, как легкий ветерок,
Дающий горделивость нежной розе,
Но я не мыслил, занятый романом,
Что легкий ветер
Станет ураганом.

Сначала солнце
С примесью багряной
Заволоклоя пеленой туманной,
Вскипело море кипятком крутым,
Да так, что волны с тучами смешались,
Да так, что даже чайки не решались
Четыре темных дня летать над ним.

Душа моя покрылась тоже мраком,
Что для сюжета стало
Грозным знаком.

Четыре дня
Сквозь роковую хлябь
Мне одинокий виделся корабль,
Я слышал вопль:
«Спасите наши души!» –
И все смолкало в мрачном гуле гроз.
На пятый день сигнал тревожный «SOS»
Не с моря прилетел ко мне, а с суши,
Где, видно, свой пронесся ураган:
«Наташа потерялась.
Твой Жуан».

Я горе
Морем измерять хотел,
Я думал, море – мерам всем предел,
Но море все же людям покорялось,
Хотя урон и от него велик,
Но чем измерить мне тревожный крик
Души живой: «Наташа потерялась»?
Теперь я знал, что есть для поморян
За морем горя
Муки океан.

Я думал о Наташе и Жуане,
Уже плывя в небесном океане.
С покачиваньем,
С дрожью плоскостей
Наш славный ТУ-154,
Казалось, плыл в каком-то новом мире,
Освобожденный от земных страстей.
Не потому ль привыкшие к высотам
Бывают холодны
К земным заботам?

Как хороши,
Похожие на наши,
Высокие небесные пейзажи.
Видна лыжня, бегущая ко дню...
Кто ж тот безумец,
Для земли безвестный,
Вот в этой беспредельности небесной
Пробивший одинокую лыжню?
Пастух ли, отгонявший зверя злого,
Или гонец
Пророческого слова?

Хотел бы знать,
Где раньше все явилось:
Взошло ли от земли
Иль к ней спустилось?
Здесь каждый миг родит пейзаж живой,
Как будто не домой летим, а вдаль мы:
Далекой Кубы голубые пальмы
Приветливо качают головой.
Небесные пейзажи над планетой
Блуждают,
Как бродячие сюжеты.

А на табло
Сигнальные огни
Уже сигналият: «Пристегнуть ремни!»
На всякий случай, если будет встряска,
Чтоб с кресла не взлететь и не упасть,
Земля опять берет над нами власть.
Пусть небеса – и в них земли привязка,
Как в старой зыбке с лямкой и крюком,
Подвешенной
Под низким потолком.

Вновь препоясан
Тяжестью земной:
Так что же, что с Жуановой женой?

Я горько плачу...
Милые, доверьтесь
Моим слезам над выдумкой моей.
Нет, выдумайте собственных детей,
Жените плохо, а потом и смейтесь!
Не до игры, сама игра порой,
Дойдя до слез,
Не кажется игрой.

Вот и земля.
О, как она трясет,
Должно, в отместку за покой высот.
Не тратясь на случайные заметы,
Спешу в такси, оглохший от гудьбы,
К Жуану... По иронии судьбы,
Покойное стояло «бабье лето»,
И странно было, что в таком покое
Могло случиться
Что-нибудь плохое.

Жуана не было.
Сутуля плечи,
Я проискал его весь день и вечер,
Прошел цеха и дома этажи,
Не обнаружив прежних связей звенья.
Как жутко мне людей исчезновенье,
Как будто долго видел миражи.
С тем большим утвержденьем,
С большим пылом
Твержу о бывшем:
Было!
Было!!
Было!!!

Болея болью
Друга моего,
К печали чуткий, я нашел его.
Нашел чутьем в себе почти звериным,

Ослабшим в людях по нехватке сил.
В ответ на нюх и мысленный посыл
Душком повеяло сугубо винным,
И я пошел с решимостью тарана
На этот смутный
Запах ресторана.

Жуан был там,
Сидел на месте том,
Когда сиял за свадебным столом.
Казалось, что не он сидит, а мрак
Качается, за этот стол воссевши.
Какая грусть!.. Испанец обрусевший
Пил горькую, как истинный русак.
Припав к стакану, друг на скользком дне
Искал все ту же
Истину в вине.

Он пил жестоко,
Даже слишком грубо,
Пил без закуски, стискивая зубы,
А я глядел, не смея помешать,
А я молчал, подвластный не капризу.
Лунатика, что бродит по карнизу,
В такой момент не надо окликать.
Случается, заботливость не в пору
Лишь вышибает
Из-под ног опору.

Нет, пьяница не тот,
Кто к рюмке льнет.
А тот, кто криво морщится, но пьет,
А выпив, и ругнет.
– По этой части
Ты сам мастак, – съязвила бы жена.
Да, милая, сгорают от вина,
А более сгорают от несчастья.

Что пьянство – злой порок,
Ни с кем не спорю,
Зато оно и равновесье горю.

Строг моралист,
Он судит всех прямой,
На этот счет философы добрей.
Когда-то Герцен с болью признавался,
И здесь его признания важны,
Что долго после гибели жены
Он этому пороку предавался.
А между прочим, как и в песне нашей,
Его любимая
Звалась Наташей.

– Пей, пей, Жуан!
Пусть водка оглоушит,
Пожар несчастья пусть в тебе потушит!.. –
Однако пить Жуан не захотел,
А, глядя мимо взглядом напряженным,
Казалось бы от мира отрешенным,
Он странно улыбнулся и запел:
Пел тихо на мотив довольно старый,
Пел просто так, для сердца,
Без гитары:

«Мое сердце, молчи,
Как молчат в одинокой квартире,
Как вода подо льдами Оби.
Мы с тобою в суровой Сибири
Без надежд и любви,
Без надежд и любви,
Без надежд и любви в этом мире,
Без любви.

Мое сердце, молчи,
Не стучи, все равно ниоткуда

Нам хороших не ждать новостей.
Нам осталась метелей остуда
На последней версте,
На последней версте,
Той версте, где кончается чудо,
Той версте.

Мое сердце, молчи,
Мы с тобою теперь одиноки,
Мы с тобой совершенно одни,
Те, что близкими были, далеки.
Ты мне счастье верни,
Ты мне счастье верни,
Все верни: и мольбы и упреки,
Все верни...»

Все выпивохи,
Будучи не глухи,
Вдруг загудели, как мясные мухи.
Прилипчивей репья к чужой беде,
Подсел к Жуану с мимикой приветной
Какой-то чужерюмный, чужеодный
Вития с хлебной крошкой в бороде.
Когда дела у человека плохи,
А деньги есть,
К нему спешат пройдохи.

Для пьянства
Независимо от чина,
Должно быть, есть какие-то причины.
И этот бородатый с «хи-хи-хи»,
С готовою слезой, блеснувшей кстати,
Решил восполнить разницу в зарплате,
Пониженный по службе за грехи.
Тут я рванулся.
– Отойди, приятель!.. –
И спас Жуана от его объятий.

Почти бессмысленно,
Темно и криво
Тот на меня смотрел, как с негатива,
Но, скованный каким-то мрачным сном,
Как в проявителе, вдруг стал меняться,
Знакомыми чертами проявляться,
Умнеть глазами и светлеть лицом,
И наконец, утратив взгляд остылый,
Узнал и оживился.
– Вася!.. Милый!..

Скорбя душой
О без вести пропавшей,
Его спросил я:
– Что, скажи, с Наташей?
– Черт знает что, увел какой-то хлюст!.. –
Он говорил, спеша и заикаясь,
Горячими словами обжигаясь,
Как бы спеша их выбросить из уст.
– J Zeiablos! –
Закричал он в гневной краске. –
J Maldita sea! –
Видно, по-испански.

Не странно ли,
До этого момента
Он говорил по-русски без акцента,
Как будто не пришел издалека,
Теперь же с подозрением предательств
В минуту гнева для простых ругательств
Чужого не хватило языка.
Так в каждом при смятении душевном
Рассудок в силах
Уступает генам.

Мне стало стыдно.
С Музой поневоле
Мы оказались в своднической роли.

Мне сводники всех рангов и мастей,
Всех побуждений стали вдруг постылы.
В них, в каждом, что-то от нечистой силы,
Играющей соблазнами людей.
Так Мефистофель, дьявол знаменитый,
Свел Фауста
С невинной Маргаритой.

А мы, наоборот,
Жуану в милость
Подсунули коварную невинность.
Не ревность ли его была виной?
Одно лишь подозрение бесстыдства
Внушает нашим женам любопытство.
– Ты ревновал?
– Не больше, чем любой. –
Он говорил и долго и невнятно,
Я ж расскажу короче,
Но понятно.

Событья сразу
Наступили грозно:
Она домой пришла позорно поздно,
Не бросилась к своим вчерашним щам,
Не стала объясняться даже в мале,
Казалось, что все вещи ей мешали,
Что и она мешала всем вещам,
И самое печальное при этом,
Решила спать не рядом,
А валетом.

Как спать валетом,
Даже нет вопросов,
Но это же не самый лучший способ.
Читатель, сам представь и сам суди:
Будь ее ноги красотой линий,
Ну, скажем, даже ножками богини,

Муж их не станет прижимать к груди.
При сне таком по правилам, как малость,
Нельзя брыкаться,
А она брыкалась.

Проснувшись
И вздыхая то и дело,
Наташа на Жуана не глядела.
С печальными глазами, как в дыму,
Сказала каждодневными словами,
Что вечером зайдет на время к маме.
Должно, зашла, но не пришла к нему.
Супруг прождал один в своей квартире
И час,
И два,
И три,
И все четыре...

И ворвались сомненья,
Все круша,
И дрогнула Жуанова душа.
Душа?.. Да не душа – сплошная рана,
Как будто, потоптавшись на меже,
Всю ночь скакали по его душе
Копытистые кони Чингисхана.
В ней, как в степи,
Где прежде цвел ковыль,
Лишь оседала пепельная пыль.

Как призрак
Катастрофы неминучей,
На горизонте за клубились тучи.
Пугает нас не молнии излом,
Не огнегневное ее сверканье,
Мучительней бывает ожиданье
Того момента, когда грянет гром.
Жуан и на заводе не воспрянул:

Жены там не было,
Но гром не грянул.
Коль сразу не убит,
Мечта живет,
Что гром еще далек и не убьет.
Друг – к теще.
Нет и там.
Мамаша гневно
Сняла с него допрос:
– Дошли до драк?
– Нет, нет, мамаша!
– Тогда как же так?! –
Осатанилась Марфа Тимофевна,
Сказала грозно, тут же одеваясь:
– Пусть будет хоть в земле,
А докопаюсь!..

Самим собою,
Строже, чем судом,
Он был судим позором и стыдом,
Таким стыдом, что людям и не снится,
И как уже бывало много раз
В его проклятом прошлом, он сейчас
Готов был хоть сквозь землю провалиться,
Но, вынося все тяготы позора,
Не находил бедняга командора.

Опять Жуана,
Как холостяка,
Встречал тот кактус,
Только без цветка,
Опять варил он ячневую кашу,
Картошку – пионеров идеал,
Уныло ел и ненасытно ждал –
Хотя бы тещу, если не Наташу.
Вот ночь уже четвертая настала,
Жуан гулял,
А теща все «копала».

Ушла?!
Уйти – дивились все кругом, –
Когда был муж уже под башмаком?!
Нет, что-то тут не так.
Когда б хотела
Наташа власти, а борьба за власть,
Допустим, ей, Наташе, не далась
Иль не совсем далась – другое дело,
Иначе бы с какой такой ноги
Он мягкие
Купил ей башмаки?

По-своему
И образно и метко
Судачила экономист-соседка:
– Клянусь, ушла Наташа не со зла,
Корысти в этом нет, – и намекала,
Что в той от вложенного капитала
Прибавочная стоимость росла...
– Недаром в прошлый месяц с середины
Ее заприхотило на маслины.

В поэзии
Нас ждет за рифом риф:
В поэму плыл, а выплыл в детектив.
Теперь он в моде, чуть не директивной,
Но я-то по нужде, впадая в риск,
Как ловкий сыщик, начал частный сыск
И вот стою на тропке детективной,
Зато на факты и события все
Имею я теперь свое досье.

А было так:
В тот вечер роковой,
Из цеха выйдя, Ната шла домой
По заводскому скверу.
Между прочим,

Терновника там рос высокий куст
С плодами, очень терпкими на вкус,
До коих прежде не была охоча.
Я думаю, у вас найдется сметка,
Чтоб вспомнить,
Как права была соседка.

Медовой меда
Со цветов долин
Теперь стал вкус ей северных маслин,
Она карманы ими набивала,
Она их ела, не кривясь ничуть,
Звенело тело, молодая грудь,
Как лет в пятнадцать,
Сладко поднывала,
Все было как во сне,
Легко и дивно,
А ягода чернела неизбывно.

Красива женщина
В поре такой
Какою-то особой красотой.
Здесь кисть нужна, а не слова поэта,
Чтоб красками живыми передать,
Как на нее нисходит благодать
Высокого, небесного расцвета.
В природе все, что нам плоды рождает,
В свой мудрый срок
Сначала расцветает.

Спеша к супругу,
Собственным умом
Она еще не думала о том,
Что в ней пирует новой жизни завязь,
Еще не знала, что ее вот-вот
У многостворных заводских ворот
Подстережет расчетливая зависть.

Нет, мужа в мыслях
Нежно именуя,
Наташа миновала проходную.

За проходную,
Как из прошлых грез,
Перед Наташею предстал матрос
В щеголеватой куртке нараспашку;
Не то матрос, покинувший свой бриг,
Не то полуматрос-береговик,
Для форса выставляющий тельняшку.
Она его узнала без труда
И загорелась
Краскою стыда.

Чуть-чуть наигранно,
Расправя плечи,
Он взял под козырек.
– Какая встреча!.. –
Вы, верно, догадались, это тот,
Кто распрощался с нею, как с обузой,
Кого мы на своем Парнасе с Музой,
Творя сюжет, не приняли в расчет.
– Ну, здравствуй! –
И насмешливо-елейно,
Почти с издевкой:
– Как очаг семейный?

Сказать хотела
Из того расчета,
Что не ему теперь сводить бы счета,
Но почему-то не достало слов.
Обида втайне все еще терзала,
Она ожесточилась и сказала:
– Спасибо,
Хорошо.
Хватает дров.

А как твоя семья? – спросила смело
И на него впервые поглядела.

Стараясь скрыть
Обиду и укор,
Она глядела на него в упор,
А он стоял пред ней, как на параде,
И бравый и внушительный на вид,
Как будто весь единым слитком слит,
Пригож лицом и крепким телом ладен,
И лишь в глазах хитрившего матроса
Торчали два зрачка,
Как две занозы.

Ответил так,
Что холода ушат
Он вылил на нее.
– Я не женат!
– Как не женат?! –
Суровый голос Наты
На этом дрогнул.
– Ты же мне писал...
– Нет, просто я мешать тебе не стал,
Хотел избавить от забытой клятвы,
Чтобы она игрушкой школьных дней
Не захламляла
Памяти твоей.

А помнишь ли, –
Продолжил с увлечением, –
В десятом мы писали сочиненье,
Твое в пример зачитывали нам,
В нем, не предвидя
Своих взглядов смену,
Ты осуждала черную измену
Любви и дружбе, слову и делам...
– К чему все это? –

Удивилась Ната. –
Ты мне налгал –
И я же виновата?!

Спокойный,
Торжествующий почти,
Он подал ей письмо.
– Тогда прочти! –
Лишь только развернув листок несмело,
Лишь увидав расшатанно-кривой
Знакомый почерк Надьки Луговой,
Наташа почему-то побледнела,
За ней следил с улыбочкой злодея
Друг юности ее,
Вадим Гордеев.

Неужто был Вадим
Настолько прав,
Что, смятого письма не дочитав,
Наташа зашаталась, стиснув зубы,
Упала бы, когда б ее Вадим
Не поддержал всем корпусом своим
И не довел до лавочки у клумбы,
Где до поры для розысков иных
Я с горьким чувством
И оставлю их.

Передо мной
Потрепанный весьма
Лежит оригинал того письма,
Что обожгло Наташино сердечко,
Ударило строкой, простой на вид:
«Твоя Наташка
Здесь вовсю *кадрит!*»
Какое новомодное словечко,
А говорят, что в области морали
Мы новых слов
Еще не создавали!

Есть люди,
Жаждающие для других
Такой же неудачи, как у них.
И вот одна такая,
Лишь налгать бы,
Писала и в строке, и между строк,
Что у Наташи есть уже и срок,
Сокрыто обозначенный для свадьбы,
Хотя Жуан в супружеском аспекте
В то время не был
Даже и в проекте.

Когда Вадим
Прочел все это, он
Был в гордости своей так уязвлен,
Что Нате дать отказ поторопился,
Чтобы не он стал первой жертвой зла,
Чтобы она покинутой слыла,
Но без большой любви
Женитьба вскачь
Приносит только
Время неудач.

Теперь и сам,
Попавший в бездорожье,
Намеренно смешал он правду с ложью,
Решив Наташу от семьи отбить.
Какое суетливое уродство –
Рядить себя в одежду благородства,
Не лучше ль просто благородным быть!
Что, трудно? А под ласковые речи
Быть негодяем, –
Разве ж это легче?

В беду попасть не трудно,
Все труды
Лишь в том, чтоб с честью выйти из беды,

Вадим же бросил все свое старанье,
Чтобы внушить, что был не виноват,
Чем и принес ей горестный разлад
В жестоко потрясенное сознание.
Душа ее в трагическом циклоне
Металась в самой
Безысходной зоне.

Ей слово клятвы –
Не словесный хлам,
Она была хозяйкою словам,
В них голос сердца был и голос крови.
Ее учил учитель и поэт,
Что если слова нет, то жизни нет,
Все в этом мире держится на слове.
Без слова, умирая и родясь,
Утратят люди
Всяческую связь.

Глупей всего
Ведут себя в осуде
Добру недоучившиеся люди.
Так и Наташа, чтоб в себе не пасть,
Глядела на Вадима той Наташей,
Как будто был он без вести пропавший
И вот вернулся, взяв над нею власть.
Иные скажут: «Цельная натура».
Натура – да,
Но дура, дура, дура!

Вадим ей лгал
И стал за слово люб,
А что бы его слово да на зуб,
Коль своему хорошая хозяйка,
Ядро в любом орешке ли найдешь,
Вот так и в слове пребывает ложь,
Как за скорлупкой тухлая козявка.
Тут даже белка преподаст урок

Тем, что берет орех
Лишь годный впрок.

Она ж решила,
Ты, читатель, знай,
С Вадимом улететь в Приморский край,
Бродила с ним.
– Тебе я верю, Вадик.
– Ну, наконец-то! –
Ночь была темна.
– А все же что-то страшно! – И она
Хваталась крепче за его бушлатик.
Не верь, не верь!
Но на пути порока
Красавицы не слушают пророков.

На свой позор,
Учи их, не учи,
Они легко летят, как из пращи.
Быть может, лишь одна из многих ста
Способна отвратиться от гордыни,
Зато ей, как библейской Магдалине,
На этот случай подавай Христа.
А нынче у безбожного поэта
Такого все же
Нет авторитета.

О, Первая Любовь –
Любовь любвей,
Манящий призрак юности твоей,
Неповторимый, памятный и милый.
Пусть та любовь до гроба греет грудь,
Пусть долго-долго светит, но не будь
Ты осквернителем ее могилы.
О, Первая Любовь!
Любви и славы,
В своей душе
Ей памятник поставь.

Забыл о ней –
Беда неотвратима.
Тем и страшна завистливость Вадима,
Что мстительность вдруг овладела им,
Когда узнал он, что его Наташа
За мирового вышла персонажа,
Что счастлива...
Как?! Счастлива с другим?!
И вот Вадим, когда-то друг-приятель,
Пришел к Наташе,
Как гробокопатель.

Сюжет бы мне
По сердцу и уму,
А то уже противно самому
Описывать все эти шуры-муры,
Которые особенно низки,
Особенно постыдны и мерзки
На общем фоне мировой культуры.
В том нет любви,
Нет мужества и чести,
Кто женщину берет
Из чувства мести.

Уже не той,
Высокой и прямой,
Пришла Наташа в эту ночь домой.
Сначала мысль в сознание копошилась,
Что надо бы не подличать, не лгать,
А напрямик Жуану все сказать,
Но почему-то сразу не решилась.
Ей стало тяжело и в постели тесно,
Ну, остальное
Вам пока известно.

Мужчине,
Даже с вывертом блажным,
Всего страшнее выглядеть смешным.

Храня свое достоинство мужчины,
Жуан свою жену искать не стал
(Куда пойдешь?), к тому же и не знал
Ее ухода истинной причины.
Но теща, как причина не скрывалась,
Два дня «копая»,
Все же докопалась.

Она в два дня
Успешно провела
Всю операцию под шифром «А»,
Что означало – поиски Амура.
Всех обходя Наташиных подруг,
Сжимала Марфа Тимофевна круг
Неумолимее, чем агент МУРа,
Пока не повстречалась роковая
Та клязница
Надька Луговая.

Злодейка
Из резерва старых дев
Не выдержала Тимофевны гнев,
К тому ж раскаяньем руководима,
Что две любви пустила под откос,
Теперь не пожалев ни слов, ни слез,
Все рассказала Марфе про Вадима.
У той из грозно дышащей груди
Одно лишь слово вырвалось:
– Веди!..

На длинный путь,
На сложные зигзаги
Боюсь потратить лишней я бумаги.
В издательствах над нею – ох да ах,
Мол, держится достаток на привозе,
Хоть экономят не на толстой прозе,
А как всегда и всюду – на стихах.
Пусть торжествует принцип эконома:

Они пришли,
Они уже у дома.

Среди таких же,
Найденный с трудом,
То был обычный поселковый дом,
С обычной деревянной голубятней.
Тут Надька, осторожная, как зверь,
Кивнула указующе на дверь:
– Они вот здесь! –
И сразу на попятный.
Послушав, как воркуют сизари,
Метнулась Тимофевна
Ко двери.

Она в те двери
Ворвалась без стука,
И первым словом было слово «сука!»,
– А ты щенок!.. –
Раздался треск, и вот
В одних трусах в сопровожденье шума
Вадим из дома, словно как из трюма,
Вдруг выскочил и полетел за борт,
Вослед – бушлат,
Два грохнувших ботинка,
Тельняшка, брюки клеш
И бескозырка.

Ища одежду,
– Черт ее принес! –
Серчал обескураженный матрос,
Себя отдавший слишком бурным водам.
– Ну, ведьма, ведьма! – повторял со зла,
Поскольку ведал, как она грозна,
Еще по безмятежным школьным годам.
А перед тем, кого боялся смладу,
У льва и то
Со страхом нету сладу.

Тем временем,
Изгнав Вадима прочь,
Трепала Марфа Тимофевна дочь,
Пол подметала бедною Наташей,
И за большим грехом ее измен
Еще не замечала перемен:
Ни губ припухших,
Ни груди набрякшей,
Но ахнула и выпустила Натю:
– Да ты же, окаянная, брюхата!

И мать запричитала.
В причитанье
Звучал ее упрек в непочитанье
Ни матери,
Ни мужа,
Ни родни.
Тут и Наташа всхлипнула в подмогу,
И вот уже помалу-понемногу
Слезой к слезе заплакали они.
Теперь, закончив поиска задачу,
Я их оставлю,
Пусть себе поплачут.

Безмолвная свидетельница зла,
В ночи луна ущербная плыла
И остроносой лодочкой качалась,
Скрывалась, видима едва-едва,
За гряды тучек, как за острова,
И снова, золотая, появлялась.
Мне чудилось в ту ночь,
Что правил ею
Нахальный морячок
Вадим Гордеев.

Луна плыла,
От страха сердце стыло,

Уставясь на луну, собака выла.
Должно быть, ей,
Как в древней седине,
Поговорить с людьми не удается,
Теперь собаке то и остается,
Как ночью апеллировать к луне.
Есть у собак
Свои собачьи слезы,
Свои неразрешимые вопросы.

Луна плыла,
Напоминая ликом
О чем-то беспредельном и великом,
О жизни, может быть совсем иной,
Необычайно легкой и забвенной.
Но, поманив, она, как щит вселенной,
Меня вернула к суете земной.
И я боюсь, что заблужденья Наты
Для всех троих
Трагедией чреватые.

Жизнь равновесна:
По доходу трата,
По взятому предъявится и плата.
Уже ты семьянин, а жизнь – все бой,
И на тебя, героем в новой драме,
Противник жмет твоими же ходами,
С годами позабытыми тобой.
Тщеславного Вадима похождения –
Воистину Жуана порожденье...

Но в наше время,
В этом нет открытий,
Отходы быта стали ядовитей.
Жуан в любви был романтично свят,
В нем, чистом, страсть жила
И страсть осталась,

Двадцатый век себе добавил малость –
И вот в Вадиме новый результат,
Зато и нет ни славы, ни почета
Для баловней
Холодного расчета.

Как я в глаза
Доверчивые гляну,
Что расскажу я моему Жуану,
Сумею ли вину свою признать?
Зачем сюжет я вовремя не сузил,
Дал завязать Вадиму новый узел,
Который без борьбы не развязать.
Жуану, жизнь прожившему мятежно,
С ним столкновенье
Стало неизбежно.

Три песни спел я,
А каков итог?
Герой мой, друг мой снова одинок,
Такой, каким и был он при начале,
Но как ни горек в судьбах поворот,
А все же в мире уже зреет плод –
Дитя любви, дитя его печали.
Уже редакторов предвижу бденье:
Каким Жуана
Будет поведенье?

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон Жуан!
Сергей Есенин

Землей рожденный,
Преданный лесам,
Я с детских лет стремился к небесам,
Как к высшей правде жизни и познания,
Где бедствуют особенной бедой,
Где плачут не обычною слезой,
А золотыми звездами страданья,
Но грузом человеческих забот
Отринут был
От голубых высот.

Познавшему людские недомоги,
Что до того мне,
Как страдают боги!
За Демона не стал бы я рыдать,
Когда бы он в трагическом кошмаре
В той неземной любви к земной Тамаре
Не попытался человеком стать.
Теперь людская боль мне поневоле
Становится больнее
Личной боли.

А мой Жуан,
Друг и товарищ мой,
Был все еще в душе полугерой,
Он к человеку шел от полубога,
Свою Наташу искренне любя,
Шел смело, но до нового себя
Недотянул совсем-совсем немного,
Когда в пути на крайнем спуске вниз
В его семье
Сотрясся катаклизм.

Давно ли он,
Нежданную, как призрак,
Наташу внес бы в донжуанский список,
Где были и звучнее имена.
В том списке на бумаге глянцева
Какой-нибудь, ну, скажем сто двадцатой
Стояла бы Наташа Кузьмина.
Состав пополнив своего гарема,
Тетрадь закрыл бы –
Вот и вся проблема!

Пока я излагал
Событий суть,
Жуан уже ступал на этот путь,
Ворчал сердито:
– Замолчи!.. Не надо!.. –
И вновь шагал в своих былых веках
С презрительной улыбкой на губах
И молодым высокомерьем гранда,
Но я его вернул к своей эпохе:
– Где женщины плохи,
Мужчины плохи.

– А если дрянь жена? –
Спросил он гневно.
– Не торопись, она чиста душевно. –
Жуан скосил свой уросливый зрак,
Цедя слова с издевкою жестокой:
– Измена с благородной подоплекой,
Так, что ли, друг мой?
– Если хочешь, так.
– Чиста душой? –
И гаркнул обалдело:
– Нет!.. Я предпочитаю чистым тело!

В чужой душе,
Как ни свети, темно.
Вот и смывай родимое пятно

Замашек буржуазно-феодалных.
Ведь многие на жен чужих глядят,
А собственных коснется, все хотят
От них поступков только идеальных.
И я спросил:
– А у тебя из ста
Была ли хоть одна во всем чиста?

Опешил он,
Не каюсь в связях с ними:
– Они же были женами чужими!
– Но если в прошлом для своих любвей
Ты чистоту считал души ненужней,
Представь Наташу за другим замужней
И по привычке заново отбей,
Тогда она, полученная с бою,
Уж не тебе изменит,
А с тобою.

На этот раз
И я не без уловки
К поступкам подводил мотивировки:
– Нет, милый мой, двоить себя нельзя,
Быть может, снова, как уже когда-то,
К нам подступает век матриархата,
А мы не знаем и бушуем зря. –
Жуан, заметив, что его дурачу,
Послал меня
Ко всем чертям собачьим.

Герой – потемки,
Но по резкой речи
В нем человека нам увидеть легче.
Как только начал он меня бранить,
Я сразу понял, что мой друг с разбегу
К себе вернулся, то есть к человеку,
А с человеком можно говорить.
– Сядь! –

Приказал Жуану я, готовясь
Сказать ошеломительную новость.

– Твоя беда
Была неотвратима,
Да, да, ведь сам ты породил Вадима,
Собравшего в себе твоё хламье.
О, донжуанство без душевных граций –
Подлейшее из поздних генераций,
Оно теперь возмездие твоё!
Как гордый человек,
С открытым взором
Испытывай теперь
Себя позором!

Один и тот же грех,
Но в двух сердцах
Неодинаков на больших весах,
У каждого свой потолок и полка.
Как ни тяжка Наташина вина,
Как ни трагична, все-таки она
Лишь жертва ложно понятого долга,
С тобой ли будет,
С ним ли, подлецом,
Она того-с...
Готовься стать отцом!

Он так смотрел,
В таком холодном поте,
Как будто спрашивал:
За что же бьете?
Неясно было, что владело им,
Боязнь ли, что к былому не вернуться,
Иль первый страх, что может разминуться
С таким желанным будущим своим?
И я, чтобы облегчить груз известий,
Заметил, уходя:
– Рождайтесь вместе!

Закрывши дверь,
Я в тот же самый миг
Услышал за собою львиный рык
И некий шум, как ураган над лесом.
Так у Жуана в мозг его и грудь
Вошла психопатическая муть,
В науке называемая стрессом,
А возникает этот самый стресс,
Когда над мыслью
Чувства перевес.

А мой герой,
Как бывший соблазнитель,
Был не философ, даже не мыслитель,
Но понимал, в чем благо и в чем зло.
У самолетов – надо ж догадаться! –
Чтоб те не разрушались от вибраций,
Отяжеляют каждое крыло.
А может, если посмотреть не узко,
И человеку
Легче под нагрузкой?

Сначала в нем
При взрыве безрассудства
Возобладали низменные чувства,
Но не бесплодным был тот львиный рык.
На бурных взрывах вот такого рода
Нас подвигала мудрая природа
Очеловечивать свой темный лик.
Лишь стоило мне друга крепко вылить,
Как, пошумев в горячке,
Стал он мыслить.

И мысль пришла:
«Как, не свершая мечь,
Мне сохранить достоинство и честь,
Кого судьбою взять, не унижаясь?
Насчитывал когда-то до семи

Я добрых нянек у своей семьи,
Теперь же все куда-то разбежались.
Сегодня в положении таком
Помочь не сможет
Даже мой цехком.

Как наказать
Измену и обман?
Когда бы вор залез ко мне в карман,
Его б судили очно и стоглазно,
А негодяй – не-е-ет, я его убью! –
Ограбил душу и любовь мою
И почему-то ходит безнаказный...»
Стихом поэта
Для острастки бестий
Жуан затосковал
О шпаге чести.

Тем временем,
Со злом войдя в мой опус,
Вадим еще догуливал свой отпуск,
Наташа у подруг его ждала,
Не сдавшись грубой материнской силе,
А Марфа Тимофевна в том же стиле
Все ту же дипломатию вела.
Вот расстановка лиц, и в ней на диво
Держался каждый
Своего мотива.

Едой пренебрегая,
Даже сном,
Печальная Наташа пред окном
Ждала матроса, глядячи за раму,
И в том, что после горькой ночи той
Матрос не появлялся с темнотой,
Винила только собственную маму,
Наивно полагая, будто он
Был в лучших чувствах
Ею оскорблен.

Обидно зло,
Обидней во сто крат
Любовь и благородство невпопад,
Самовнушенные по школьным книгам,
Меж тем когда читаем книги мы,
То лишь щекочем слабые умы
Мечтаньями великих о великом,
Иначе бы – Толстого прочитал,
Так сразу бы
Философом и стал.

Жизнь старше книг.
Уже через неделю
Наташе ожиданья надоели,
И та решила с долей озорства
Зайти к Вадиму, выбрав путь окольный,
Пока что на правах подруги школьной,
А не по праву тайного родства.
Оделась хоть и скромно, но прилично.
На этот раз
Она была практична.

При встрече рек
На берегу крутом
Гордеевых стоял высокий дом.
Не бредя каменными городами,
Их дом стоял еще со старины,
Когда Гордеевы и Кузьмины
Дружили семьями или домами.
С кедровыми венцами
Дом крестовый
До сей поры глядел
Почти как новый.

И берег,
И река напротив дома
Наташе были с детских лет знакомы.
Не зная ни заботы, ни тоски,

Они в реке купались,
Внешне кроткой,
В гордеевской переплывали лодке
На золотые свейные пески.
Ах, детство, как ты далеко-далече!
Когда глупы мы,
Жить намного легче.

Где две реки
В одну соединились,
Там воды цветом надвое делились.
Наташе стало странно, как она
Той разницы тогда не углядела:
Река же половиной голубела,
А половиною была темна.
Душою смутной постигая что-то,
Она вошла
В тесовые ворота.

Уже в дому,
Ухоженном на диво,
Она застала только мать Вадима,
В заботе разбиравшую белье.
Та увидела гостью и запела:
– Как выросла да как похорошела! –
И принялась усаживать ее,
Украдкой пряча в уголок косынки
Две тайно
Недоплаканных слезинки.

По тем слезам
Наташе ясно стало:
И здесь ее мамаша побывала.
Жестокая в стремлении своем,
Она почти что – не почти, а точно –
Сравнялась в дипломатии челночной
С американским госсекретарем,

Но Тимофевны редкие задатки
Не принесли
Желаемой разрядки.

И все-таки она,
Как дипломат,
Уже имела некий результат.
Ее переговоры, то есть ссоры,
Неумолимо привели к тому,
Что в этот день
В гордеевском доме
К отъезду сына начались сборы,
А сам он, пережив однажды страхи,
Сойтись с ней снова
Не нашел отваги.

«Все для меня!» –
Вадима был девиз,
Родителям же этот эгоизм
Сначала не казался трудной ношей:
«Все для него, а значит, и для нас!»
Но, как и у других, им от проказ
Единоличника жилось все горше.
Родить второго не хватает сметки,
То и страдают
Семьи-однодетки.

Отец сердился,
Но хитрюга-мать
Грехи сына умела прикрывать.
Вот и теперь, колючим взглядом глядя,
Как будто бы не зная ничего,
Заговорила слезно про него,
Кивнув на фото:
– Уезжает Вадя... –
Покуда рос, был и душа и плоть,
Завел жену –
Отрезанный ломоть...

На карточке,
Вниманьем привлекая,
К Вадиму льнула женщина другая...
Как будто нож по сердцу полоснул,
Как будто гром по голове ударил,
Как будто молний огненные твари
Обвили грудь и задушили гул.
Забыла все, очнулась в жути дремной
На берегу,
На половине темной.

Там омут был.
Черней, чем эбонит,
Он притягал Наташу, как магнит,
Как взгляд удава свою жертву манит.
О, красота!.. Недаром говорят,
Что пожилых страдания дурнят,
А молодым их красоту чеканят.
Она была красива несомненно,
Но красотой теперь
Уже надменной.

Ни горьких слез,
Ни жалостного вздоха.
Что скажешь ты мне, милая эпоха?
Ведь на земле все та же маета,
Хотя века над миром пролетали.
О, сколько женщин!
Как они глядели
В холодные речные омута!
Но не у всех у них, как у Наташи,
Невидимый хранитель
Был на страже.

Высокая,
Она наверняка
И на себя глядела свысока,

Чтоб умереть, собой пренебрегая,
Уже ступила на ступени дна,
Вдруг ощутила то, что не одна,
Что с ней уходит вместе жизнь другая,
И эта Жизнь уже,
Как выкрик с мест,
Активно выражала
Свой протест.

Все это
О Жуановой супруге
Я в Марьевке пишу, а не на юге,
На той пишу Назаркиной горе,
С которой видно, как, углы меняя,
Бывает своенравной речка Яя
В дождливой предуборочной поре.
Вчера услышал с берега стенанья,
Что утонула
Липецкая Таня.

Ах, Таня!..
Шестиклассница всего,
Жила напротив дома моего,
Мне довелось улыбкой с нею знаться,
С утра в подмогу маме, говорят,
Она пасла у берега телят,
А вечером решила искупаться.
По выходе на берег окунулась,
Нырнула вновь
И больше не вернулась.

Ах, Таня, Таня!
Мне бы жизнь воспеть,
А не твою бессмысленную смерть.
Найти ей оправданье просто негде.
Помощница, телят не допаса,
Не доучилась и не доросла

До счастья жизни и ее трагедий.
Уж лучше бы над омутом она
Стояла,
Как Наташа Кузьмина.

А у Наташи,
Повернувшей круто,
К спасению была одна минута,
Одна минута, но она была,
Чтоб заглянуть в глаза
Манящей бездны.
Чтобы подняться
На берег отвесный,
Любовью прежней выгорев дотла,
А за любовь, преданной сожженью,
Судьба сулила самоотверженье.

Да неужели
В этот ураган
Ни разу ей не вспомнился Жуан?
Нет, вспоминала и впадала в жалость,
Но, если же по совести сказать,
Ей стыдно было даже вспоминать,
А встретиться тем более боялась,
О чем Жуан узнал и что сначала
Его еще сильнее ожесточало.

Как мысленно,
Переживая стресс,
Хватал он шпаги мстительный эфес,
Что думал он в часы своих терзаний,
Униженный в позоре и стыде,
Узнал я из допросов на суде,
Из протоколов первых показаний.
Так, защищая честь своей семьи,
Не избежал он
Роковой скамьи.

Весь день
Без суеты и без помехи
Жуан сурово проработал в цехе,
Цех стал спасеньем друга моего,
Где, горю и тоске не потакая,
Железная работа заводская
На время отвлекала от всего:
То калька,
То шаблон,
То к мысли повод,
Глядишь, задаст
Какой-нибудь шпангоут.

Закончив смену,
В тягости души
Он разбирал к уходу чертежи
И чередил на новый день по плану,
Вдруг из-под них
Предвестьем новых бед
Упал незапечатанный конверт,
Коротко адресованный: «Жуану»,
А в том конверте – сложенный листок,
Имевший пять
Машинописных строк.

!!!! Вот так в начале,
Как ножи в замахе,
Стояли восклицательные знаки.
«Я знаю, ты не трус и не святой,
Так почему же миришься с позором?
Сегодня в десять вечера на скором
Уедет подлый оскорбитель твой.
Отмсти!!!!»
Вновь за призывом наказания
Стояли те же знаки восклицанья.

Еще без мысли,
Но Жуана взгляд

Уже вцепился в темный циферблат.
«А кто так страждет за мои обиды?»
Перечитал записку, и тогда
Узнал он без особого труда
Высоковольтный стиль Аделаиды.
О чем подумал,
Неизвестно нам,
Но только взгляды
Опять прильнул к часам.

Непостижимо!
Изумляться надо,
Что ту записку написала Ада,
Любовница, покинутая им.
Подумать, для любви и любований
Такая амплитуда колебаний!
Обидчик злой, он все же был любим,
Хоть с появлением у него Наташи
Любим любовью
Родственницы старшей.

Как у металла,
Если он нагрет,
У Истинной Любви один лишь цвет,
Горячий цвет, и отклоненья редки,
Точнее, он бывает только ал,
А холодеть начнет, как и металл,
Любовь являет разные расцветки:
Малиновый сойдет на темно-синий,
А синий низойдет
До черной стыни.

Есть женщины
Душевной темноты,
А есть негодницы из доброты.
Они воображают все несчастья,
Которые на милого падут,

Чтоб оказаться рядом, тут как тут,
И проявить душевное участие.
Скажу, не трогая оттенков всех,
Была Аделаида
Не из тех.

Для выдумки любви,
По-детски смелой,
Была Аделаида слишком зрелой
И слишком опытной, добавлю я.
Нет, в ней любви воспоминанья жили,
А раз его, Жуана, оскорбили,
Считала оскорбленной и себя.
Не потому ли, что добро являют,
Таких добряшек
Чаще покидают.

Опасно зло,
Опасней во сто крат
Бывает благородство невпопад.
Когда бы Ада не казалась правой,
А виделась коварной, сердце в нем
Не вспыхнуло бы гибельным огнем,
Не отравилось мстительной отравой,
Теперь же от укора сам не свой,
Он тотчас заспешил...
Куда?
Домой!

– Зачем домой?! –
Вы тоже удивитесь
И скажите, наверно:
– Экий витязь! –
А между тем Жуан почти бежал,
Трамвай попутный на пути приметив.
Он в этот миг и сам бы не ответил,
Зачем в свою каморку поспешал.

В ней было все печально и уныло,
Пустынно было,
Одинок было.

Сначала он ходил,
Не зная сам,
Что нужно затуманенным глазам,
О чем томился в беспредметной думе,
Но, проходя в огляде все подряд,
Нечаянно остановил свой взгляд
На новомодном праздничном костюме.
И он решил,
Что в битве даже с блудней
Не подобает быть
В одежде будней.

Под цвет к нему,
Носимому нечасто,
Сорочку выбрал он и выбрал галстук,
По моде крупный узел завязал,
Сменил ботинки общего топтатья,
Как будто шел к любимой на свиданье,
А не крушить Вадима на вокзал.
Хотя и новой ожидалась стычка,
Сказалась все ж
Дворянская привычка.

Он знал врага,
Но знаньем прежде скрытым,
По фотографиям, к стене прибитым,
На двух из них с Наташей тот сидит,
Гордясь соседством
И, должно быть, млея,
Всем напряженным обликом имея
Что ни на есть десятиклассный вид.
Сорвал, хотел их разорвать,
Но внове

Подумал с болью:
«Этот невиновен!»

Нет, нет, не этот,
А совсем другой
Призвал Жуана к встрече роковой:
Подлец и лжец, играющий на вере,
Невинных заставляющий страдать,
Выслеживать себя,
Ревниво ждать
Под фонарями в привокзальном сквере,
К тому удобном, чтоб иметь обзор,
Но экономно узком,
Как Босфор.

Перед любой бедою,
Вплоть до драки,
Природа часто подает нам знаки,
Лишь надо быть внимательнее нам,
А мой Жуан, прямой,
Почти что фрачный,
Стоял в тени с решительностью мрачной,
А если бы взглянул по сторонам,
Прозрел бы там
В обычных голых сучьях
Переплетенья
Проволок колючих.

Но мститель,
Обратив свое лицо
На шумное трамвайное кольцо,
Не замечал пророческого знака,
Он зорко на трамваи все глядел:
Уже четвертый, пятый отзвенел,
Матроса с ними не было , однако,
В нем не слабел решительный настрой,
Тем более
Что близился шестой.

Трамвай звенел,
Рассвеченный и быстрый,
С его дуги во тьму летели искры.
Вот завернул и встал,
И в рельсы врос,
А из дверей, как самую победной
Из катера торпедного, торпедой
Одним из первых вылетел матрос.
Так вылететь на этот раз, наверно,
Не помогала
Марфа Тимофевна.

Жуан его
На вылете засек,
Измерил взглядом:
«Хоть и невысок,
Все ж, кажется, нахальный и здоровый».
В нем не узнал он с фото паренька,
Как не узнать зеленого дубка
Под огрубелою корой дубовой.
Но даже в свете зыбком, как неон,
В сознание утвердилось:
Это «он».

Вадим спешил,
Не склонный к передрягам,
А тут к нему Жуан особым шагом.
Нужны, однако, крупные мазки,
Чтобы представить сразу всю картину:
Шел, голову кудрявую откинув,
Легонько нажимая на носки;
Шел напрямик пружинисто, но веско.
Как он поступит?
Он поступит дерзко.

Для встречи
Им был выбран тот момент,

Когда противник выходил на свет,
С тем чтоб ошеломить приемом верным.
Вадим успел отставить чемодан.
Жуан к нему вплотную.
– Я Жуан!
– И что?
– А вот что! –
И ударил первым.
Была крепка гордеевская кость,
К тому же и удар
Пришелся скользь.

– Полундра! –
Хоть и быстрый,
Но приметный
К Жуану полетел кулак ответный,
Другой бы от него, наверно, сник,
Но от удара при таком заносе
Друг знал прием,
Используемый в боксе,
Так что противник цели не достиг.
За этой первой стычкой, однако,
И началась
Отчаянная драка.

Теперь они сцепились
Грудью в грудь,
Глаза в глаза,
Да так, что не моргнуть.
– Прощайся с жизнью,
выродок проклятый! –
Хрипел Жуан в неукротимом зле
И, изловчась, ударил по скуле,
Когда Вадим шатнулся на попятный.
Но и тому, впадающему в злость,
Ударом хитрым
Врезать удалось.

Запахло кровью –
Той, что вечно в трате,
Той алой, что всегда
За все в расплате:
За Жизнь и Честь,
За Истину и ложь.
Сейчас она окапала неожиданно
Сорочку белоснежную Жуана.
Торжествовал подлец,
А все ж, а все ж,
Как ни хитри он хитростью лукавой,
При равной силе побеждает правый.

Жуанова губа
Кровоточила,
Но это лишь его ожесточило,
Зато теперь Вадим Гордеев, в ком
Для битвы цели не было и жажды,
Свое лицо ему подставил дважды
И дважды повстречался с кулаком.
Он только зашатался, глядя тупо,
И выплюнул
Два драгоценных зуба.

Я видел
Драку злобную собак,
Я видел в ранней молодости, как
Дрались два жеребца непримиримо.
Читатель мой, не горько ли, пойми,
Такое же увидеть меж людьми.
Жуан лишь свирепел и бил Вадима,
Уже и нос ему сравнивал с губой,
Но все же продолжался
Смертный бой.

Жуан не видел,
Как народ собрался,
Как кто-то разнимать их попытался,

Жуан не слышал, как по мостовой,
По улице,
По скверу
Бегом быстрым,
Подбадриваясь милицейским свистом,
Бежал, запаздывая , постовой.
Вадим уже упал с кровавой маской
И вывернутой
В сторону салазкой.

Вадим лежал.
Жуан стоял хмельной,
До боли потрясенный тишиной.
И понял он по напряженным лицам,
По голым веткам у барьера тьмы,
Что между ним, и миром, и людьми
Уже прошла незримая граница.
И только с тем одним,
Упавшим наземь,
Еще как будто
Сохранялись связи.

Вадим лежал.
Жуан стоял над ним,
Тоской и человечностью томим:
Позор был смыт,
Но легкость от успеха
Сменилась горькой тяжестью потом,
Что наказал прохвоста, а в самом
Его же боли отдается эхо.
Такая человечность выше права,
Есть в человечности
Своя отрава.

– В чем дело? –
Вопросил порядка страж
И, охватив всей драмы антураж,
В Жуане быстро разгадал убийцу,

Но, деловитый, был хоть и безус,
Прощупывая у матроса пульс,
– Связать бандита! –
Бросил бригадмилецу,
Прислушался с гримасою кривой
И удивился:
– Кажется, живой!..

– Кто был свидетель? –
Публика молчала.
– Кто, повторяю, видел все сначала? –
Опять не отозвался ни один,
Иные даже расходиться стали,
Когда же друга моего связали,
Старушка появилась из-за спин
И назвалась, лицо свое заботя:
– Пишите...
Худокормова Авдотья. –
Связали друга
Лишь за то, что он
Был очень уж расхристан и страшон.

Сорочка кровенела после драки,
А красный сбитый галстук, моды крик,
Дрог на плече Жуана, как язык
От бега запалившейся собаки.
С готовностью,
Неслыханной в бандите,
Он с хрипом молвил:
– А теперь ведите!

У двух машин,
Что привлекли зевак,
На каждой виден был особый знак,
Отчетливый и по значенью четкий.
Вадима увезли из-под куста
Под знаком милосердного креста,
А друга в черном кузове с решеткой.

С ним, даже связанным,
Скажу меж делом,
Авдотья Худокормова не села.

Люблю слова.
Их смысл всегда мне нов,
Но есть среди бродячих звучных слов
Слова со смутной смысловой нагрузкой.
К примеру, лишь с намеком на исток
Уютный милицейский закуток
В народе прозывается кутузкой.
И надо же!.. Эпоха созиданья,
А держатся
За старые прозванья.

В милиции,
Когда ведут опрос,
Доставкой именуется привоз,
А вот задержка значитя приводом.
Все это, как заметил я потом,
В ближайшем отделении седьмом
Писалось и звалось таким же родом.
В нем, раз уж отделеньем называют,
Кого-то
От кого-то
Отделяют.

Здесь,
Если говорить про интерьер,
Уже при входе видится барьер,
Локтями отполированный до блеска,
В той полировке – трепещи, злодей! –
Была работа и моих локтей,
О чем теперь и вспоминать-то мерзко.
Одно лишь извиняет сердца траты,
Что не всегда
Бывал я виноватым.

Не утаю,
Скажу себе в укор:
Любил я заводить застольный спор,
В азарте доходить до утверждений,
Что я родной поэзии Атлант,
Что я еще непонятый талант,
Черт побери, а может быть, и гений!
Понять все это люди не могли,
Вот почему
Сюда и волокли.

Но как-то
При моей защите бурной
Заметил мне находчивый дежурный:
– Ну ладно, пусть поэт и пусть пророк,
Не бредили, а шли в плену наитий...
Поверю, если что-то сочините,
Чтоб доказать,
Что варит котелок. –
Подумал я, закрыв лицо рукою,
И прочитал им
Горькое такое:

«Скажу,
Невзирая на лица,
Маяковский лжет.
Моя милиция
Меня не бережет!»

Дежурный – в смех,
И голосом веселым:
– Сварить сварил,
Но с явным пересолом! –
Однако попросил продиктовать,
А записав стихи, пришел к итогу:
– Поэта проводить к его порогу,
А за порогом шум не поднимать...–

Жаль!.. Не было дежурного того,
Когда вводили
Друга моего.

На этот раз
За горестным барьером
Порядком правил, судя по манерам,
Интеллигентный старший лейтенант,
Питомец школы позднего призыва,
Без лишних сантиментов и наива,
Аккуратист скорее, чем педант.
В нем виделся без фальши и уклонов
Гроза
Всех нарушителей законов.

Непререкаемый,
Как сам закон,
Снять путы с рук распорядился он,
Направил в туалет за коридором,
Чтобы Жуан обрел нормальный вид,
Смыл кровь, и грязь, и прочий реквизит
Убийц и хулиганов, при котором
Любая человеческая святость
Могла бы впасть
В недобрую предвзятость.

И все же
В милицейском туалете
Жуан не смыл постыдные соцветья
С лица почти цыганской смуглоты.
На нем в каком-то обновленном стиле
Еще заметней пятна проступили,
Похожие на странные цветы,
Как будто вынес
Свой портрет пятнистый
Из мастерской
Мараки-модерниста.

Здесь ни к чему,
Поскольку стих не проза,
Описывать формальности опроса,
Мы через кое-что перемахнем.
О том, как вел себя он ураганно,
Жуану было слушать как-то странно,
Как будто говорили не о нем.
Но тот, другой,
Его с собой сближая,
Влезал в Жуана,
Кровью ужасая.

Еще страшнее
Был ему сейчас
Свидетельницы красочный рассказ,
Как он, Жуан, припрятался за светом,
Как шел матрос и что-то тихо пел.
– А этот из кустов вдруг налетел,
Перед матросом выставился фертом,
Я, говорит, «жу-жу», и туча тучей
Шипел ему в лицо,
Как змей шипучий.

И все-таки,
Как ни смешон наив,
Рассказ Авдотьи в общем был правдив,
Поскольку по законам алфавита
Жуан с «жу-жу» звучанием похож,
Но дальше – больше, вот уже и нож
Блеснул в руках напавшего бандита.
Нет, здесь она слегка перехлестнула:
То не был нож,
То запонка блеснула.

Зато потом
В перипетиях зла
Авдотья снова точно была,

Жуана представляя мрачно-грозым:

– Я, говорит, таких не потерплю,

Что породил, то сам же и убью...

– Так было?

– Да, но в смысле переносном.

– Ах, негодяй, какой там перенос,

Когда перекошил

И рот и нос!..

Красиво,

Не крючки да закорючки,

А строчкой к строчке

Шариковой ручкой

Писал дежурный уже третий лист,

Теперь к Жуану повернулся круто

И молвил с удивлением:

– Конструктор! –

Как если бы сказал кому: «Артист!»

Затем Авдотье:

– Вы рисуйте сценки,

Но не входите в личные оценки.

Тот старший лейтенант,

Скажу в упрек,

К интеллигентам был особо строг,

Как свой к своим,

Что ж, это справедливо,

И я бы поступал, наверно, так,

Но вот беда – к проступкам работяг

Он относился слишком терпеливо,

А значит, неосознанно пока

Глядел на них

Как будто свысока,

Как будто

При проступках равно тяжких

Рабочий класс нуждается в побрякках.

Нет, милый, нет, не вымышляй элит,
Для всех бери одну святую меру,
С одною мерою одна и вера,
А потому суди, как честь велит.
Мы все, мы все, за редким исключением,
Интеллигенты
В первом поколенье.

Но лейтенант,
Напрасно я мечтал,
Моих стихов в то время не читал,
А четко шел по протокольной части.
Всех, кто сумел хоть что-то показать,
Заставил он прочесть и подписать,
Потом все в том же
Праведном бссстрастье
Повел рукой, не напрягаясь слишком,
И вот возникла магниевая вспышка.

А вспышка та
Была тому пример,
Что и сюда внедрялась НТР,
Хотя бы для мгновенных фотографий
По ходу дела в профиль и анфас,
Чтоб выставить народу напоказ,
Коль речь пойдет о большем, чем о штрафе.
Другую кнопкой,
Большею по чину,
Могли включить
Судейскую машину...

Жуан очнулся,
Ужаснулся он:
О, сколько в той машине шестерен!
Привыкший мыслить только конструктивно,
Мой друг, чтоб увидеть без ворожбы
Простую арифметику судьбы,

Закрыл свои глаза интуитивно;
В тот закуток, уже воспетый нами,
Так и пошел
С закрытыми глазами.

Есть жизни ритм,
Любое нарушение
В том ритме
Может привести к крушению.
Так и случилось. Все пошло в излом,
Все покривилось в горестном зигзаге,
Все перенапряглось с клочком бумаги,
С пустым Аделаидиным письмом,
В котором та Жуана укорила...
Ах, Ада, Ада,
Что ты натворила!

В ком цели нет,
Тому и горя нет,
У человека цели больше бед.
Для дерзкого,
В ком есть свое «во имя»,
Кому начертан неизбежный путь,
С которого уже не повернуть,
Коль быть беде, она неотвратимей.
Трагедия тернового венца
И в наше время
Не для подлеца.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Дракою горя не поправишь
Русская пословица

У гением
С их славою живучей
Цитаты мы найдем на всякий случай:
И «за» и «против», и у каждой вес,
И каждую цитату нянчит пресса.
Одна приветствует плоды прогресса,
Другая убивает весь прогресс.
Как все-таки при множестве резонов
Нам утверждать
Незыблемость законов?

А было время,
Когда пришлый Рим
Был своевольно претором судим,
Всего одним, умевшим мыслить здраво,
Проступки взвешивать, а вот теперь,
А вот теперь попробуй-ка доверь
То волевое преторское право!
Нет, нынче преступления и пороки
Давно имеют
И статьи и сроки.

Еще до древнеримского закона
Законы были мудрого Солона.
В те времена для тех преступных лиц,
Которых кара римская карала,
Для писанных статей вполне хватало
Всего двенадцать каменных таблиц.
Сегодня свод законов так огромен,
Для них не хватит
Всех каменоломен.

О, слово русское!
Сойдешь с ума
От слова непонятого «тюрьма»!
Чужое мне, оно вообразимо,
Как яма на дороге, как провал.
Вот я о древнем Риме толковал,
А прокурор-то к нам пришел из Рима!
Не потому ли другу моему
Он до суда
Определил тюрьму?

Так думал я,
Не зная фактов многих,
Не понимая мер особо строгих.
Повсюду было слышно «ах» да «ох»,
Сочувствия, догадки, слухи вроде,
Что он убийца, – словом, на заводе
Произошел большой переполох,
Как годом раньше, в роковое лето
При испытанье
Нового объекта.

Нацеленный на высоту и скорость,
Тот самолет принес тогда нам горечь,
А не триумф в ряду других побед.
В одно мгновение почти отвесно
Ушел он вверх,
На синеве небесной
Оставив темный реактивный след...
И долго нам потом была заметна
На чистом небе траурная лента.

Да будет вечен
Миф о Фаятоне,
О том, как в небе солнечные кони
Летели так, что небосвод дрожал,
Так, что прошли запретную границу,
А юный бог, стоявший в колеснице,

Тех солнечных коней не удержал.
Пределов нет!.. Они еще рванулись,
Но в тот же миг
О молнию запнулись.

У новых сил,
Открытых нами дерзко,
Своя для нас есть тайная отместка.
Земные Фазтоны наших дней,
Овладевая силою могучей,
Мы самолеты этой силе учим,
Впрягая сразу тысячи коней,
А узнаем, увы, намного позже,
Какие хитрые
Нужны им вожжи.

Зато потом
Нас учит самолет
И поднимает до своих высот,
С мечтами жизни ускоряя встречи.
На том пути к сияниям вершин
Ужасна гибель опытных машин,
Ужасней катастрофы человечья.
При гибели идей
Среди последствий!
Страшней всего
Топтание на месте.

Жизнь, мать моя,
Люби и береги
В любой борьбе идущих впереди
И первыми вступающих в сраженье.
Нельзя все продвигаться, мчась и мчась.
Всегда, чем больше войсковая часть,
Тем медленней бывает продвиженье.
Скажу в итоге, выражаясь метче:
Во всяком деле
Впереди разведчик.

Вот почему и вызвало волнение
Нелепое Жуаново паденье.
Мы все в его хмельные виражи
Не верили, подозревали шалость.
Так много новых линий прозревало
На добром чертеже его души,
А более того – особо важных
Пока еще набросков карандашных.

В милицию,
Перешумев станки,
Звонили телефонные звонки,
Чтоб оградить Жуана от порухи.
Весь цех о нем просил, как ни о ком,
Бумаги переслав через завком,
Чтобы его отдали на поруки,
С гарантией, что мудрый коллектив
Задушит в корне
Этот рецидив.

День проходил, второй –
И все сначала.
Машина доброхотная стучала,
Внушая самой белой из бумаг,
Что у Жуана – светлый ум, призванье,
Отзывчивость, любовь к труду и званье,
А было-то действительно все так.
«И при наградах, –
Скажет мне завистник, –
Не пишется
Таких характеристик».

В пустых надеждах,
В похвалах без края
Прошла неделя, началась вторая,
Но даже и такой авторитет,
Как наш директор
С мудрым лбом бугристым,

Входивший запросто ко всем министрам,
Не получил желательный ответ.
Все попусту! На наши упования
Не отвечали
Органы дознанья.

Не одолев какие-то препоны,
Машинки стихли, даже телефоны,
Да и цехком собрал весь кворум свой
Без шума, без повестки широченной.
Цехкома обезглавленные члены
Хотели быть обратно с головой,
Хотя и не пытались скрыть к их чести,
Что в этой роли был Жуан на месте.

Стал головой
За друга моего
Застенчивый предшественник его,
Имевший право жить в большой квартире,
А он, как помните, стыдясь, молчал,
В дверь обязательную не стучал,
За что товарища и прокатили.
Жуан тогда помог, теперь у зала
Не избирать его
Причин не стало.

Все объяснялось
Гробовой доской,
Дежурившей в больнице городской,
Пока Вадим на грани был опасной,
Да и теперь, воскресший от шприца,
С первичной реставрацией лица
Был все еще для следствия безгласный.
Его, не покладая чутких рук,
Неделю штопал
Опытный хирург.

Оберегая мускульные связки,
Тот возвратил Вадимовы салазки,

И только после принялся за нос,
Вернее, то, что называлось носом,
С таким невероятным перекосом,
Хоть сразу отсекай, да и в отброс,
Что для хирурга и не важно вовсе,
Лишь были бы хрящи при этом носе.

Конструктор жизни,
Плоти властелин,
Он мял ее, как скульптор пластелин
И мнет и гладит, нежно притирая.
Хирург трудился долго, но не зря,
Вот появилась первая ноздря,
Вот обнаружилась ноздря вторая.
Все ладно бы, однако в том каркасе
Вадима лик
Был все еще ужасен.

На этой стадии,
Пока что трудной,
И появился следователь юный,
Ни зубр,
Ни дока,
А всего стажер.
Как все они, мечтавший о великом,
Учившийся уже по новым книгам,
А потому не знавший прежних шор,
С тем, чтобы при любом судебном иске
Был идеал решений
Самый близкий.

Смышленный юноша уже писал
Статейки в юридический журнал,
И вот теперь с прилежностью похвальной
Спешил сюда к тому, кто претерпел,
Хотя в душе, конечно, сожалел,
Что случай выдался почти банальный,
И даже удивился, что хирург
К Вадиму допустил его не вдруг.

Любой художник
В крайней неохоте
Ведет нас к незаконченной работе,
Боясь опошлить таинство труда,
Боясь от нас придирчивости мелкой.
Когда в лице такая недоделка,
Он все-таки сгорает от стыда
От одного сознания, что скульптуры
Так далеки
От подлинной природы.

Вадим был жив,
В конечном счете он
Понес лишь эстетический урон,
А вот как выглядел, судите сами,
Коль харьковский стажер спросил о нем:
– Так сильно?.. Да неужто кистенем?!
– Нет, – отвечал ваятель, – казанками! –
И показал у собственной руки
На сжатых пальцах
Эти казанки.

Будь следователь
Трижды беспристрастен,
Он заключил бы, что Жуан опасен.
Хоть не доказана была вина,
Хоть было далеко до обличенья,
Но мера, названная пресеченьем,
Уже была к нему применена.
Мечтал он благоденствовать в семье,
А очутился
В каменной тюрьме.

Тюрьма
По образцу тюрьмы московской,
Имевшей славу «тишины матросской»,
Здесь называлась просто «тишиной»,
Что было понимать намного проще,
Поскольку примыкала близко к роще

Высокой смутноглазою стеной.
Она по виду не казалась мрачной,
Но не шибала
И на комплекс дачный.

Как на заводе,
Там ему родная,
И здесь его встречала проходная,
Но только пропуск нес за ним другой,
А дверь стальная голосом державным,
С большим ключом,
И в наши дни не ржавым,
Проскрежетала о беде людской.
И не было печальнее на свете,
Чем были для него
Минуты эти.

Уже в тюрьме
Испанских грандов отпрыск
Сначала отдан был на строгий обыск,
Потом сфотографирован, смурной,
Потом, чтоб не играл с законом в прятки,
С красивых пальцев отдал отпечатки
И побыл в бане, правда, без парной.
Как видите, преследуя заразу,
Здесь водворяют
В камеру не сразу.

Казалось,
Беды лишь теперь настигли,
Когда его, кудрявого, постригли,
О чем скажу особо, без помех.
Хоть в правилах, властями утвержденных,
Острижка значилась для осужденных,
Здесь остригали поголовно всех,
Но из подследственных о малом горе
С начальником тюрьмы
Никто не спорил.

Он был неузнаваем
В то мгновенье
С глазами оскорбленного оленя,
Бежавшего на зов издалека,
Которому за вольность походов
Из высших и гуманных побуждений
Спилили благородные рога.
Так мой Жуан в своей тоске безмерной
Стал тридцать первым
В камере тюремной.

В ней с двух сторон,
Загородив простенки,
Железные стояли этажерки
В двух ярусах,
А полки – в два крыла,
И каждая для бедного Жуана
На образ допотопного биплана
Нелепостью похожая была.
На них какой-то странный вид имели
Заправленные с хитростью постели.

Они имели,
Без морщин и складок,
Такой геометрический порядок,
Тот вечный ряд, который дли и дли,
И каждая одно изображала,
Как будто в длинной куколке лежала
Египетская мумия внутри.
Все было чисто, вымыто отменно,
А все же где-то втайне
Пахло тленом.

Не дай вам бог,
Читатель мой любезный,
Вдыхать вот здесь
Застойный пот телесный,
А более того – душевный пот.

И все-таки при обработке долгой
Телесный пот сбивается карболкой,
А пот души карболка не берет.
В процессе воскрешенья и распада
Из душ больных
Выходит много яда.

Казалось бы,
Откуда взяться поту,
Когда почти что школьную работу
Все тридцать делали за свой урок.
В большом застолье, –
В клейке – идеальным,
Пакеты клеем клеили крахмальным
С их фирменной эмблемой «Сибторг».
За двести штук у каждого, вестимо,
Был свой особый
Да и общий стимул.

Их староста,
По виду плут типичный,
Хотя и плут, но человек практичный,
Жуана сразу приобщил к труду:
– Укладывай-ка, друг, свою котомку,
Садись да клей, да не особо громко
Рассказывай, на чем попал в беду...
– Хи, – подмигнул чернявый, рот осклабя, –
И без рассказа видно,
Что на бабе.

Есть и в цехах, и в тюрьмах хохмачи.
– Ты, Итальянец, лучше помолчи,
Дай человеку место на скамейке!.. –
Тот староста из-под своих начал
Не выпускал весь стол, на всех бурчал,
Не отрываясь от пакетной клейки.
Жуан присел с горчайшей из гримас
И начал тихо клеить свой рассказ.

В его рассказе
Не ахти как складно
Перемешалась с правдою неправда:
Портвейн,
Потом сучок,
Потом стручок,
Потом уже – по версии допроса,
Бог весть за что почти убил матроса,
А про Наташу там и тут – молчок.
«Нет, – думал, – лучше отсижу я лишку,
Чем грязное свое трясти бельишко!»

Поверили не все.
По крайней мере
Чернявый Итальянец не поверил.
– Вот он зазря испытывал судьбу, –
Кивнул на старосту со лбом Сократа, –
Всего пять тысяч – разве же растрата,
Нет, нет, растрата явно не по лбу!
Не тот пошиб, не тот определенно.
За что страдаю я?
За миллионы!

Есть странные
Особенности в быте:
При каждом маломальском общежитье.
При коллективе, мал он иль велик,
С образованием,
Без образования,
Со славой большей должностного званья
Имеются философ и шутник.
Философу – хоть свадьба,
Свадьбу судит,
А шут при нем
И на пожаре шутит.

За шутника, должно, чернявый был,
За мудреца же староста здесь слыл,
Спокойный, рассуждавший не впусую.

Сказал он кратко и на этот раз,
Жуана тихий выслушав рассказ:
– Имей в виду статейку сто восьмую,
Часть первую, а за нее, дружок,
Легко схватить и восьмилетний срок.

Друг-покупатель,
Если в магазине
Расклеится пакет с эмблемой синей,
Виновен в том Жуан, никто другой,
Лишь потому, что он в минуту эту,
Отчаясь, злополучному пакету
Края помазал дрогнувшей рукой.
Меж тем закон к его житейской драме
Располагал еще пятью статьями.

Среди причин,
Смягчающих вину,
Всей камерой искали хоть одну,
Которая сказала бы счастливо,
Но знавшие статьи по их частям,
Все комментарии ко всем статьям,
Не отыскали нужного мотива.
– А ревность? –
От наивности вопроса
Опешил даже староста-философ.

Статьи законов
Пишут не поэты,
А потому и ревности в них нету,
Ведь ревность – пережиток дней былых,
В которой признаваться неприлично,
Но в практике она, хоть и частично,
Допущена в понятиях других,
Ну, скажем, вот таком,
Как оскорбленье,
Когда взбурлит
Душевное волненье.

Так в первый день
Жуан прослушал впрок
Свой первый юридический урок,
Открыв себя, как школьную тетрадку,
Запоминая памятью своей
Все, все – от лиц и названных статей
До «Правил внутреннего распорядка»,
Догадливо наклеенных в углу,
На видном месте,
Ближе к санузлу.

В тех правилах,
Что строго неперемнны,
Оберегались каменные стены
От вырезок, от надписи любой,
А тут Жуан увидел нарушение,
Перед окном такое украшение,
Которое узрел бы и слепой:
Для глаз ошеломительней удара,
Там было нечто
В духе Ренуара.

На высоте окна
Перед решеткой,
В пристойной позе
И с улыбкой кроткой,
Но в то же время в полной наготе,
Чуть-чуть бочком, скрывая стыд умело,
Смазливенькая дамочка сидела
С ладошкой на зрелом животе.
Все на нее повылупили зенки,
Как будто гостья
Вылезла из стенки.

Уже ЧП.
Была та дама скоро
Замечена дотошным контролером,
А это приключилось в той поре,

Когда, за спинами сцепивши пальцы,
Той камеры жильцы и постояльцы
Гуляли на прогулочном дворе.
Начальство поступило слишком строго,
Вернув их, грешных,
В камеру до срока.

Виновника нашли
Без всяких мытарств,
Тщеславного само тщеславье выдаст.
Так и случилось, не смолчал талант,
Который наконец-то пробудился.
И надо ж, на художника учился,
А получился крупный спекулянт,
Сплавлявший за рубеж через кордоны
Какие-то старинные иконы.

– Стереть и смыть! –
Художнику за шалость
Пять суток гауптвахты полагалось,
Но камера вступилась – дескать, мы
Не станем лучше, если будет смыта.
Просили контролера, замполита,
Дошло и до начальника тюрьмы,
И снова с просьбой
Староста-молчальник:
– Оставить просим,
Гражданин начальник.

Никто не знал,
Что бравый подполковник
Был всякого художества поклонник,
Стихами увлекался, как юнец.
На даму долго он глядел с усмешкой,
Изъяны в ней оправдывая спешкой,
Задумался на миг и наконец
Сказал, ни в чем не углядев распутства:
– Хоть не шедевр,
А все-таки искусство!

Большой начальник
Властью облеченный,
Почти всегда добрей,
Чем подчиненный.
Уже не гауптвахту, а барыш
Имел барышник после дерзкой ночи.
Еще бы, у него в глазах всех прочих
Поднялся человеческий престиж,
К тому же, уже будучи прославлен,
Через неделю
Был в Москву отправлен.

Недоставало друга
В новом списке,
Пусть был бы и не друг,
А просто близкий,
С кем поделился б горьким горем, в ком
Сочувствие нашел бы промах явный.
Жуану приглянулся тот чернявый,
Прослывший зубоскалом-шутником.
Заметил при одной из ситуаций,
Что был и сам
Не чужд для Итальянца.

Тот не таил,
Довольный разговором,
Как стать мечтал международным вором,
Иметь свой миллион, свой лимузин
И, наконец, мечтая, домечтался:
В счастливую Италию подался,
Ограбив ювелирный магазин.
– И вот я там!..
– А как без языка-то?
– Язык – пустяк:
Ewiva folporato!

Припоминая города и встречи,
Признал он, что смущала быстрость речи,
Что все как пулеметами палят,

Что все слова как пули вылетают.
– Когда они подумать успевают
О том, о чем так быстро говорят?!
А впрочем, там, – сказал не без бравады, –
Пока есть деньги, языка не надо!

Пока в кармане был родной запас,
Жизнь улыбалась мне, но пробил час
Переходить на местные караты...
В Италии, скажу, не то, что тут,
Там в одиночку люди не крадут,
А создают сначала синдикаты.
Мне коллективность их была странна:
Вот вам и буржуазная страна!

Я тоже не дремал,
Не спал все ночи,
Пока не ухватил свой миллиончик,
Ну, думаю, теперь гуляй и пей,
Но в этих лирах, боже, еле-еле
Его хватило мне на две недели
При всей советской выдержке моей.
На хлопотах о новом миллионе
Меня потом
Застукали в Болонье.

Тюрьма там, бр-р-р,
Заклятого врага
Не поместил бы в ней у потолка
На третьей полке
Спальни трехэтажной,
Туда и залезать-то – маета,
А влезешь – ну, такая духота,
А теснота, ее и вспомнить страшно...
Нет, все-таки у нас, –
Вошел он в раж, –
Преступность ниже
На один этаж.

Конечно же,
Рассказ про Интерполо
Не песня о Франческе и Паоло,
Но им владела истинная страсть,
Ему судьбой подаренная слепо.
Жуан подумал: «Все же как нелепо
Растрачивать ее на то, чтоб красть,
В тюрьме Болоньи обливаясь потом,
В свою вернуться
Вором-патриотом!»

Еще он думал:
«До каких же пор
Останутся и вор, и прокурор,
Ученые юристы, адвокаты,
И судьи, и помощники судьи?
Неужто так и будут все идти
Ума и сил чудовищные траты?»
Вопрос не столь глубокий,
Сколько страстный,
Но для раздумий
Не такой уж праздный.

Суть добрых перемен
Всегда – в законах.
Среди преступников традиционных
Был социально новым некий Зам,
Зловредными отходами завода
Круглогодично отравлявший воды
Большой реки, бегущей по лесам;
Хотя и знал, что в ней давно не удят,
А все не верил,
Что за это судят.

А рядом с ним,
Худой и тонкокожий,
Лицом на Грибоедова похожий,
Сидел иезуитик-клеветник,
Постыдно оболгавший –

В том и штука! –
Не власть,
Не строй,
А собственного друга,
За что и поплатился.
Тоже сдвиг!
Весь год ждала, в безделье пребывая,
Статья его сто тридцать,
Часть вторая.

И вот к Жуану
Этот людо-змей
Стал прибиваться с добротой своей.
Открытый дружбе и любви обычно,
Но все ж наметанный имея глаз,
Доверчивый Жуан на этот раз
Ответил гордо и категорично:
– Не разбойник,
Не вор,
Не ябеда,
Я не вашего поля ягода!

Здесь в камере,
Где упреждают зло,
Где всюду глаз, и речи не могло
Идти о клевете или доносе,
Но невзлюбив, как невзлюблял досель,
Под строгую Жуанову постель
Он карту самодельную подбросил,
Ехидно улыбнулся в полгубы,
Когда Жуан
Отправлен в карцер был.

Мне в карцере
С его площадкой малой
И описать-то нечего, пожалуй,
Всего пять строк достаточно вполне:
Вот каменная тумба в том уделе,
Где ночью быть лежанке без постели,

А в прочий срок примкнутой ко стене,
На полке хлеба кус не мягче тола
Да горстка соли
Грубого помола.

На тумбу сел он
С мыслью той курьезной,
Что это все пока что не серьезно,
Что это все случайно, все шутя,
Что главное еще придет позднее,
Что станет все понятней, все яснее.
Не думало ль наивное дитя,
Что в эти уголки уединений
Приводят всех
Для мудрых размышлений?

В суровости,
В игривости затей
Воспитывайте мысли, как детей
Воспитывает опытная няня:
До той поры питайте мысль душой,
Пока не станет мудрой и большой,
Способной на великие деянья,
Способной в жизни доброе творить,
Другие мысли
В людях породить.

Еще скажу,
Без страха впасть в ошибку:
Без мысли зрелой наше чувство зыбко,
В нем стержня нет,
Как в молодой траве,
Сникающей по ветру то и дело.
Когда-то голова служила телу,
А нынче тело служит голове.
Забыла голова, вскружась по чину,
Рожденья своего
Первопричину.

К несчастью,
Кибернетика сама
Несет конец развитию ума,
Дает предел достигнутым вершинам.
Настанут дни, мы будем тосковать
О том, чтобы самим помозговать,
А не бежать с вопросами к машинам.
И мой Жуан решил,
Чтоб мысль возвысить,
Все передумать,
Все переосмыслить.

«Зачем я лгу?
Зачем я фордыбачу?
Зачем же сердце от себя я прячу?
Какое счастье женщину любить,
Когда она тебя страстями полнит!
И если мое тело ее помнит,
То как же голове моей забыть?»
Так думал он не раз,
И все сначала
Меж тем в душе
Назойливей звучало:

«Долго ждать не могу,
Помани – прибегу
И опять постучусь в твои двери.
Скажешь, будто ждала,
Будто верной была,
Я и лжи твоей подлой поверю.

Даже то не зачту,
Что увидел не ту,
С синевою опущенных век,
И прощу, что с тобой
Оставался другой, –
Знать, такой на земле человек!

Не аукай – ау! –
Прибежать не могу,
Не могу в твою дверь постучаться,
Но как призрак в ночах,
Со слезой на очах
Буду, буду к тебе я являться...»

Вдруг звякнул ключ.
Жуан многострадальный
Успел прервать мотив сентиментальный,
Встать у стены с руками за спиной,
Но надзиратель, кажется, не строгий,
Не поднял из-за песенки тревоги,
А лишь кивнул на дверь:
– Иди со мной. –
И повели певца куда-то спешно,
Не в студию грамзаписи, конечно.

Его вели на новый, и всерьез
Стажером подготовленный, допрос,
Отложенный так надолго, вестимо,
Из-за незнания службы и семьи,
Из недостатка разных справок и
Плохой речеспособности Вадима.
Хоть речь уже и удалось поправить,
Зато куда-то подевалась память.

Помог стажеру,
Дело полиставший,
На вид ленивый следователь старший,
Не Шерлок Хомс, на выдумки не резв,
На фото глядя, раззевался даже.
– Лицом-то, как пьянчуга, изукрашен,
А вот глазами... А глазами – трезв!..
Не говорю, что случай эпохальный,
Но, юный друг мой,
Явно не банальный.

И появились у Жуана в деле
Бумаги в новом, так сказать, прицеле:
Здесь были показанья разных лиц,
Свидетельства врачей,
В соседстве близком
Записка Ады с донжуанским списком,
Представить только, в несколько страниц.
Вот так солгавший – да не будет ложен! –
Как дикий зверь,
Был фактами обложен.

Жуан жалел,
Что шаг излишне скор,
Что не длинен служебный коридор,
А то бы шел и шел до дальней дали,
Вдыхая тонкий аромат духов,
Когда легко, как бабочки лугов,
Девчата в мини-юбочках порхали,
Осуществляя связь между пороком...
Простите,
Между дьяволом и богом.

Стажер-очкарь,
Надежда института,
Свои психологические пути
Сплел заново и переплел аркан.
С улыбкою далекого значенья
По имени назвал без усечения:
– Входите и садитесь, Дон Жуан!.. –
Жуан вначале несколько опешил,
Но общий добрый тон
Его утешил.

Еще сказал стажер,
Но без улыбки:
– Вас в карцер посадили по ошибке,
Вы не картежник, согласитесь – нет,
У вас другие страсти и призванья... –

Стажер ошеломлял Жуана знаньем,
Внушал, что на события пролит свет,
Что обнаружены меж ними связи,
Что нечто есть
Особое в запасе...

– А вы обманщик! –
И взмахнул арканом. –
В тот мрачный вечер
Не были вы пьяным,
Что, кстати, усугубило б вину,
А если вы в тот вечер трезвым были,
Тогда зачем себя оговорили? –
И повертел записочку одну.
Жуан упал бы, если бы не крепко
Привинченная к полу табуретка.

– Тут анонимка. Видели?
– Да, видел.
– В ней про обиду; кто же вас обидел?
– Безделица!
– Безделкам счет иной,
Для следствия безделиц не бывает,
А главное, и время совпадает...
Нет, вам пооткровенней бы со мной! –
Жуан и сам дорос за время это
До полной откровенности поэта.

– Ну, хорошо! –
Заговорил он четко. –
Моей обиде не страшна решетка.
В любви я самолюбья не скрывал,
Но женщина, как ни дурна собою,
В моих глазах не может быть плохой,
Коль я ее хоть раз поцеловал.
Прошу учесть, что ни к добру, ни к худу
Имен я женских
Называть не буду.

История любви,
Почти былинной,
Стажеру показалась длинной-длинной,
Но страстную не прерывал он речь,
В душе благословляя случай этот,
Родивший, как он думал, новый метод:
Сначала удлинить, потом отсечь.
Жуан, казалось, нес
И все заметней
Какие-то мистические бредни.

Стажер все слушал,
А когда дослушал,
Еще одну ошибку обнаружил:
«Что отпустил Вадима, это срам!»
Боясь огласки,
Тот, как мать велела
Не возбуждать против Жуана дела,
Спеша уехать, показал, что сам
В случайной драке, будучи не старым,
Ответил на удар
Своим ударом.

Суд близился.
Ни при какой беде
Я прежде не участвовал в суде,
Хоть равнодушных и судил стихами,
Оспаривал трусливый тезис их:
Мол, не корите никогда других,
Да некоримы будете и сами.
Мне, осуждавшему ненарочито,
На этот раз
Милей была защита.

Должно быть, потому
В момент потребный,
Когда назначен был процесс судебный,
Определен и день, и время дня,
Когда об этом цех предупредили,

На цеховом собрании утвердили
Общественным защитником меня.
Все знали, что годами, а не днями
Мы были закадычными друзьями.

О, Русские Слова,
В них свет и тьма,
Их родила История сама,
Доверила с конями русским людям,
Чтобы во многих смыслах не блуждать:
Как, например, «судить» и «рассуждать»,
И «рассудить»...
Да мы все время судим!
Но слово «суд» при всяком разговоре
Уже томит предощущеньем горя.

Лишь только я ступил
В судейский зал,
Так силу слова этого познал.
Жуан сидел в особой загородке,
А около стояли с двух сторон
Два стража, представляющих закон,
Хоть вид его был виновато кроткий.
На перегляд, возникший между нами,
Глаза прикрыл он
И развел руками.
Он ждал кого-то,

Улыбнулся нервно,
Когда явилась Марфа Тимофевна.
– Жуан, родной мой! – и не без вины
К нему метнулась всей телесной мощью.
– Гражданка, не положено!
– Я – теща!
– Доставлен не на тещины блины. –
И Марфа Тимофевна, не переча,
Перед законом
Опустила плечи.

Зал заполняли.
Глядя напряженно,
Переговаривались приглушенно,
Вздыхали, как вздыхали бы крутом
Перед началом скорбной панихиды.
Возникло личико Аделаиды,
Ушко мелькнуло нежным крендельком.
Зато у той, что больше виновата,
Не приходиться на суд
Хватило такта.

Судейский стол
Стоял на возвышеньи,
Подчеркивая как бы отрешенье
От суеты людского бытия.
К нему, своей обыденностью сходных,
Взошли два заседателя народных
И волевая женщина-судья,
В глазах которой и в суде не тухли
Живые огоньки
Домашней кухни.

Над судьями
В готическом разрезе
Голов превыше были спинки кресел,
Взлетавшие к Российскому гербу,
Наглядно утверждавшему серпасто,
Что именем страны и государства
Они вершат Жуанову судьбу.
Здесь вопреки пословице известной
Любого человека
Красит место.

При уточненьи имени Жуана
Раздался смех уже не в стиле жанра.
Хосе Мария Кармен дель Дайман
Тенорио Франциско де Перейро
Де лос Кондатос Риос дель Виейро

Кастильо Гранде Педро дон Жуан.
Но зала смех
Мой друг, лишенный чванства,
Отнес на счет
Испанского дворянства.

С глазами
Поумневшими в раздумье,
Стоял он в том же праздничном костюме,
Что и во время драки был на нем.
Вот странность, о которой я не ведал:
Суду и прочим он отвода не дал,
Но вздул ноздрю при имени моем.
Заминка от суда не ускользнула,
Она меня, признаться, резанула.

Почти спокойный,
Пока шел допрос,
Он отвечал, казалось бы, всерьез,
А выглядел насмешником бодливым.
Ответы для людей со стороны,
Наверно, были очень уж странны.
Когда спросили, был ли он судимым,
С иронией ответил остряка:
– Всю жизнь.
– А поточнее?
– Все века.

Мой подзащитный
Разрушал, как мог,
Защиту, заготовленную впрок.
Уже в тюрьме подученный законам,
Немалую сумятицу он внес
Загадочным ответом на вопрос:
– Вы признаете ли себя виновным? –
Кого бы не смутил его ответ:
– Виновным – да,
А виноватым нет!

Суд – не игра,
А все же, все же, все же
Пружины их невидимые схожи.
Хоть на суде поглубже скрыт азарт,
Зато в страстях не меньше интереса.
Почти весь ход судебного процесса
Напоминает чем-то драмтеатр,
Где впечатляет голой жизни фактор,
Где гениален
И бездарный автор.

Здесь каждую написанную роль
Диктует непридуманная боль,
Душою пережитая и плотью.
Вот показывает строгому суду,
Отяжелив Жуанову беду,
Все та же Худокормова Авдотья.
– А чем еще могли бы подтвердить,
Что он хотел
Гордеева убить?

– Как чем?! Да всем!.. –
Сомненья отменяя,
Заговорила простота святая:
– Все помню. Я охолодела вся,
Когда кровища потекла по рожам.
Я, говорит, стал тихим да хорошим,
А быть хорошим мне с тобой нельзя.
Нет, говорит, что будет,
Знать не знаю,
Прикокну и навеки закопаю.

Будь прокурор
Историк и психолог,
Он приподнял бы выше тайны полог.
В пример тому свидетельницу взять
С одним дефектиком правосознания.
Когда она давала показанья,

Ей виделся ее драчливый зять.
Так друг мой,
Представляемый двухлицым,
Как в сказке,
Становился Черным принцем.

У Жизни есть два плана:
Есть первичный
И есть вторичный,
План метафоричный.
Для всех законны оба, но когда
Два этих плана где-то совпадают,
Второй, высокий, сразу отменяют,
Лишь первый остается для суда.
– Вы подтвердите? –
Прокурор – дотошно.
Жуан в ответ:
– Не помню, но возможно.

Жуана ранил
Раной ножевой
Вопрос об отношениях с женой.
И он представил, как жена и муж,
Все растоптав, с враждой и неприязнью
В суде друг друга обливают грязью
Из всех лоханей и всех грязных луж.
– Боюсь, что подмену с дурным азартом
Историю души
Случайным фактом.

Стол прокурора
Из дубовой плоти
От моего стола стоял напротив.
Тот прокурор, в суде не новичок,
Когда Жуан отвечал вот этак,
Чуть оживлялся при его ответах
И на бумагах проставлял значок.
Те впечатленья чисто человечьи

Сказались после
В прокурорской речи.

В виду имея
Лишь реальный план,
Сказал он, как опасен хулиган,
Какое зло приносит честным людям,
А обществу и нравственный урон.
– История Души?..
Нет, мы закон
Проклятым прошлым
Ослаблять не будем.
Нельзя же нам за каждую волну,
Как за морской прилив,
Винить луну!

Связав проступок
С донжуанским списком,
Назвал он ревность
Чувством подло-низким.
– А если бы за женщин в списке том,
Когда у тех пошли с другими встречи,
Наш подсудимый стал бы всех калечить
В своем негодовании святом? –
Мы даже вздрогнули,
Вопрос лукавый
Ошеломил картиною кровавой.

Мечтал я втайне,
Что Жуану с ходу
Своей защитой принесу свободу,
Но прокурор ослабил тезис мой,
Оставил только при надежде слабой
Переменить ему статью хотя бы
На сто десятую со сто восьмой.
Статьи, повышенные номиналом,
По кодексу
Нисходят к срокам малым.

Я начал:
– Уважаемые судьи,
За все, что вам скажу, не обессудьте,
В пристрастии моем не будет лжи.
Здесь в незавидной роли хулиганов
Правопреемник прежних донжуанов,
Но с новой биографией Души.
Историю, когда она подвижна,
Судить не надо
Запоздало книжно.

Мы к новому
С поспешностью возможной
Всегда подспеваем с меркой прошлой,
Когда у Жизни меры новый спрос.
Так, как в семье:
Пока слезам уступим
Да милому сынку обновку купим,
Сынок, глядишь, обновку перерос.
Здесь можно все ж
Предвидеть вещи выброс,
Законы же не пишутся на вырост.

Был Дон Жуан
В далекие года
Вполне достоин нашего суда,
Но не теперь, когда Любовь и Верность
Он оценил превыше многих благ.
Так что же вскинуло его кулак,
Неужто только ревность?
Нет, не ревность,
Не пьяный выпад,
Не слепая месть,
А подлостью поруганная Честь!

О, Наша Честь!
Не в ссоре на пирушке
Погиб поэт, невольник чести, Пушкин,

Великий ум, отец большим умам,
Магической поэзии создатель,
Любви и Красоты законодатель,
В грядущее путеводитель нам!
А Пушкин оценил пределом злого
Всего одно
Дантесовское слово!

Да, есть закон,
Но есть у миллионов
Авторитет неписаных законов,
Которые нас испокон пасут.
Приспело, чтобы с уголовным вместе
Существовал забытый Кодекс Чести,
Точней бы стал товарищеский суд.
– Дворянские замашечки!..
У нас-то?!
– А чем мы хуже
Всякого дворянства!

Хоть в чувствах
Люди разной глубины,
В делах Любви и Чести все равны,
К тому же, уважаемые судьи,
У Дон Жуана большой повод был,
Чтобы явился гнев его и пыл,
По форме грубый,
Искренний по сути.
Его вину с оглядкой назад
Не ставьте в старый
Донжуанский ряд.

Блеснул я,
Как положено поэтам,
Таким психологическим курбетом:
– Мой подзащитный человек не злой,
Скажу вам более, такую личность
Страшит не наказание, а публичность,

Тюрьма – укрытье, лишь бы с глаз долой.–
Суд хмурился, но думал я, однако,
Что переплюнул
Самого Плевако.

Сел Дон Жуан,
А не Вадим Гордеев,
Которому за все, что он содеял,
Ответчиком сидеть бы надо здесь.
В том факте, уважаемые судьи,
Что так жестоко их столкнулись судьбы,
Такая же закономерность есть,
Как в данном споре
Истинного с пошлым,
Как будущего
С незавидным прошлым.

Искал я
Аргументы веские:
– Его грехи для бога детские,
Ребяческие страсти не разврат...–
Связать я тщился порванные нити
В догадке той, что сам, как сочинитель,
В Жуановой судьбе был виноват.
Суды же в качестве авторитетов
До сей поры
Не признают поэтов.

Во время речи,
Мне казалось, веской,
Гдядел я пристально на стол судейский,
Но обращал свой взгляд и на скамью,
Где Дон Жуан, разъединенный с нами,
Сверкая потеплевшими глазами,
Чуть удивляясь, слушал речь мою.
Должно быть, прежде полагал он вчуже,
Что думал я о нем
Намного хуже.

Ему смягчал
Лица суровый очерк
Волос подросших темный козырек,
Торчавший над его открытым лбом.
Он выглядел в каком-то свете новом,
Когда, после меня, с последним словом
Растерянный стоял перед судом.
– Что ж, отвечать готов и за прохвоста!
Я доверяю вам...–
Сказал он просто.

Мечтал я все-таки
И верил даже,
Что Дон Жуан уйдет со мной без стражи,
Но мне звучат знакомые слова,
Ведущие к суровому пределу:
«Суд оглашает приговор по делу...»
А подоплека слов уже нова,
Особенно в результативной части,
Где под конец
Итожатся несчастья.

Нет строже фраз
Прочитанных судьей,
Чем фраза «руководствуясь статьей»,
Что прозвучала, как «прощай свобода».
Так судьи, несмотря на пафос мой,
Статьи придерживаясь сто восьмой,
Жуана осудили на три года,
В колонию, туда,
Где быть бы живу,
Не строгого, а общего режима.

Жуан отвесил
Чуть ли не поклон.
Готовый к худшему, подумал он,
Что суд ему явил большую милость,

Меж тем раздался в тяжелой тишине
Вздых, резко резанувший сердце мне:
– Когда же в мире будет
Справедливость! –
То не сдержала горя и обиды
Влюбленная душа Аделаиды.

Когда-нибудь да будет,
Боль-то в том,
Что будет не при нас, уже потом,
Уже потом, потом, потом, когда
Корысти всякие в былое канут,
Когда своим сознанием люди станут
Все членами Верховного Суда.
Виновному, когда все это будет,
И полминуты лишней
Не присудят.

Вот так и будет
По Любви и Страсти,
Но после нас, без нашего участия.
Как ни печально, мы признать должны
Всю диалектику всего суждения:
Законы достигают совершенства,
Когда они почти что не нужны.
И правосудье будет совершенней,
Когда уже не будет преступлений.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.

М. Лермонтов

Как все же быстро люди, боль не теша,
В своих рядах заделывают бреши.
На всех постах –
Кто зав,
Кто зам,
Кто пред,
В достоинствах
Сомнительных и мнимых
Нет, говорят, людей незаменимых,
Зато и повторимых судеб нет.
Все судьбы человеческие то же,
Как отпечатки пальцев, не похожи.

Вокруг лица
Известного собою,
Случится ль что,
Все полнится молвою,
Дурной и доброй, но едва-едва
Успеет ставший притчей во языцех
С друзьями и постом своим проститься,
Как умолкает праздная молва.
Вот так и на заводе очень рано
Затмился образ моего Жуана.

Но до конца
Не рвутся связей нити,
Всегда найдется памяти хранитель,
Душа, а в ней заветный уголок,
Всегда найдется тот,
Кто слово скажет,
Кто бережно и вовремя завяжет
На роковом обрыве узелок.

И мой Жуан, прославленный всесветно,
Из памяти не мог уйти бесследно.

Но женщины
Иначе память полнят,
Они не головой, а плотью помнят.
Аделаида как бы самого
Жуана в своем сердце поместила,
Наташа между тем в себе носила
Уже затяжелевший плод его.
Большой Жуан помалкивал, усталый,
Все беспокойней
Становился малый.

Две женщины –
Два мира и два взгляда.
Куда же только не писала Ада,
Винясь в порыве горя и стыда.
Ходатайства ее теперь взлетали
Все выше по судебной вертикали,
До самого Верховного Суда,
Но все суды и в центре и на месте
Те письма оставляли
Без последствий.

Не так себя вела его жена,
Строптивая Наташа Кузьмина,
Хотя себя по-своему терзала.
Виновница Жуановой беды
С повинною не бегала в суды,
Просительные письма не писала,
А, муку молчаливую терпя,
Пыталась в страхе
Заглянуть в себя.

Она в себе,
Бунтующего рьяно,
Малюсенького видела Жуана

И думала, когда его родит,
То маленький, обиженный жестоко,
Глазами осужденья и упрека
Так сразу на нее и поглядит.
Тогда-то в голове ее соблазной
Стал оформляться
Замысел ужасный.

Она решила
С долей эгоизма
Спастись той мерою антитрагизма,
Когда развод с души снимает грех.
Живущим обок разводиться мука,
А вот при осуждении супруга
Закон уже не делает помех.
Но в этих планах Кузьминой Наташе
Пришлось столкнуться
С Кузьминою-старшей.

– Дите под сердцем
Что тебе–лягушка,
В бездожье заскочившая в кадущку,
Что захотеть и выплеснуть ее?
Не-е-т! – Тимофевна злее упрекнула. –
Ты самого Жуана копытнула,
Так сбереги же хоть его дите!
Когда себя еще сильнее замутишь,
Как людям-то в глаза
Смотреть ты будешь?

– Но, мама!..
– Мама – уже двадцать зим!
– Да никакого выхода мне с ним!
– Не трожь!.. –
Тут мать заговорила, даже
Не замечая каламбурных нот:
– Нет выхода?.. Дите само найдет,

Да и тебе еще потом подскажет! –
Я думаю, не в радости был добыт
Вот этот мудрый
Материнский опыт.

Но опыт матерей
По многим точкам,
Как правило, не достается дочкам.
Любая мать в интимности своей
Должна хранить душевную опрятность,
Чтоб в сердце дочек
Сберегалась святость,
Земная неподсудность Матерей.
Зато границ не знающие речи
Не поучают дочек, а калечат.

Ах, если б все,
Что в жизни знала мать,
Да бестолковой дочке передать,
Ну, например, что той самой грозило
Не народиться с девичьим лицом,
Что мира не было с ее отцом,
Когда она в себе ее носила,
А родила, пренебрегая ссорой, –
То стала и заботой
И опорой.

В семейных ссорах
Женщин и Мужчин
Не так уж много коренных причин
Сходиться вновь, переборов напасти.
Есть просто-напросто привычки власть,
Есть властно обжигающая страсть,
Да, но ребенок
Даже выше страсти.
Он был и остается посеянно
Вершиной в треугольнике семейном.

Как истинная
Любящая мать,
Умела Тимофевна гнев сдержать
И перейти на тон спокойно-здравый.
Теперь она решила нежно гнуть,
Чтоб для семьи Наташиной вернуть
Порядок геометрии лукавой,
Когда семья во всех ее делах
Уверенно стоит
На трех углах.

Они сидели в горенке,
Как в детской,
Обставленной почти по-деревенски,
Да так и было по причине той,
Что тесаные, струганные ровно,
Сибирской кладки вековые бревна
Крестьянской отливали смуглотой.
Здесь было все не знавшими извода
Сработано для продолженья рода.

Жуан жену,
Как новизну из новин,
Сильней любил на фоне этих бревен,
Восторженный: «О солнце ты мое!»
Теперь в ней –
Дочь ли, сын ли беззаботно
До красоты природно подноготной
Спешили распоясывать ее.
Наташа красивела. Мать не даром
Хотела внука в помощь этим чарам.

– Все поздно! –
Так, чеканя каждый слог,
Наташа начала свой монолог. –
Теперь со мной
Одно другого хлеще:
Как будто я уже давно не я,

Зачем семья мне, если от меня
Куда-то убегают даже вещи.
Хожу, как в заколдованном кругу,
И не могу найти для взгляда точку.

Все вещи вижу только в одиночку,
А вместе их увидеть не могу.
Продрогшая, стою как на ветру,
К себе самой уже теряя жалость.
Все, кажется, в сознании распалось,
Все дробно, ничего не собираю,
Все смутно, непонятно, високосно...
Зачем семья мне?
Поздно, мама, поздно!..

Дочернее, пронзительное слово
Для Марфы Тимофевны было ново,
Не глупой девочкой предстала дочь.
Мать по-житейски ей помочь хотела,
Послушала ее и оробела,
Не ведая, не зная, чем помочь,
Лишь, прядки тронув жесткою рукою,
Всего-то и сказала:
– Бог с тобою!

Не знала мать,
Не слышала, что есть
У медиков в студенчестве болезнь,
Которая их запросто кокошит.
Научится иной почти все знать,
На части человека разбирать,
Собрать потом живым, увы, не может.
А из такого, милый мой читатель,
Как ни учи,
Не выйдет врачеватель.

Но все ж случилось,
Что не от бесед

Наташа Кузьмина ушла в декрет.
В том помогли не матери уроки
С ее чутьем роженицы-земли.
Нет, нет, и нет!
Наташу подвели
Вошедшие в привычку монологи.
Произносила длинный монолог
И пропустила самый крайний срок.

Зато и оказалось,
Что вопрос-то,
Быть иль не быть,
Решался очень просто.
И стал заметен поворот во всем:
В делах, в поступках,
В разговорных нотах,
В неведомых еще вчера заботах –
Пеленках, распашонках, то да сем,
Что даже не заметила в истоме,
Как очутилась в нем...
В родильном доме!

Мне нравится,
Что в доме том крылато
Зовется помещение палатой.
Палата – это, братцы, высота,
Палата – это, знаете, по-царски.
Должно быть, исторические краски
Замешаны в том слове неспроста.
Мне даже нравится, что та палата
За множеством рожениц тесновата.

На этот раз она была тесна.
Наташу положил у окна,
Где по стеклу – фазаны и грифоны,
И стебли трав, и белые цветы,
Над белыми цветами с высоты
Свисали феерические кроны...

Но дальше рассмотреть,
Где ствол,
Где ветка,
Мешала бесноватая соседка.

Не описать,
Какой она была,
Как беззастенчиво она кляла
И жизнь дурную, и злодея-мужа...
Нельзя мне с поэтических высот,
От только что описанных красот
Упасть и распластаться в мутной луже.
Не потому ли, что мужей здесь хаот,
Их в этот дом
Врачи не допускают?

Не описать,
Всего и не опишешь,
Чего-чего здесь только не услышишь.
Все начинают разное – по уму,
По воспитанью и образованию,
По возрасту,
По росту и страданию,
Но все приходят к воплю одному.
Все разные во всем, они в палате
Находят общий вечный знаменатель.

Представьте,
Выше всяческого срама
Была там образованная дама,
Как говорят, не из простой среды,
Переводившая в период некий
В какой-то заводской библиотеке
С английского научные труды.
Так вот она
Без нравственного риска
Ругала мужа
Только по-английски.

Когда же боль сильнее обожгла,
Она уже на русский перешла,
Но говорила длинно, между прочим,
Звала врача:
– Ах, как нехорошо,
Как тяжело-тяжко... –
Черствый врач не шел,
А фразы становились все короче.
И наконец воспитанная дама
Вдруг выгнулась и завопила:
– Ма-а-а-а-м-а!..

Что говорить, и мы бываем тоже
В своих скорбях на даму ту похожи.
Нам кажется, что наступило то,
То самое – о, и дышать-то нечем,
А сами говорим такие речи,
Что в нашу скорбь не верит нам никто.
В нас много многословья и рекламы,
Пока однажды
Не дойдем до «мамы».

Наташа б поднаслушалась, когда
Ее не наступила черед
Пройти рожениц огненное поле,
Но зубы стиснула, как удила,
И не заметила, что родила
Почти без громких слов,
Почти без боли,
Но, правда, породив буяна-сына,
Она весь день потом
Была бессильна.

Такой роженице,
Такой спартанке
Дивились и врачи и санитарки.
– Где совершенство тела, нам – покой, –
Заметил врач, держа ее в примере, –

А если бы рожать самой Венере,
Она б не знала боли никакой! –
Отнесся философски и к вопросу:
– По мрамору узнали?
– Нет-с, по торсу!

Дивясь Наташе,
Не считали дивным,
Что новорожденный был сам активным,
А между тем мальчишка был смышлен,
Мамаши помня план, имел свой опыт.
Должно, боясь, что передумать могут,
Явиться в Жизнь поторопился он,
Родившись, не расплакался впустую,
А закричал,
Победу торжествуя!

То знак был,
Возглашенный не для стен:
«Вот я родился, ждите перемен!»
Да, если новой жизни единица
Приходит в мир, переборая тьму,
То в мире, в людях, вопреки всему,
Хоть что-то, но должно перемениться,
Иначе бы при постоянстве зла
Бессмысленной
Любая жизнь была.

Он в чем-то
Мать успел поменять.
Когда буяна принесли кормить,
Наташа как-то даже растерялась,
С опаскою взглянула на него
И, к счастью, не увидела того,
Чего еще недавно так боялась.
Теперь ему, кричавшему бунтарно,
Была уже за это благодарна.

Она ему,
Как делали кругом,
Грудным смочила губы молоком,
И он притихнул с первой теплой каплей,
Дорвался до груди и засопел,
Как будто этим выразить хотел:
Что мне до ваших
До семейных распрей!
Сознание обретенного единства
В ней пробудило
Чувство материнства.

Родив, она постигла, наконец,
Что значит муж ей, а ему – отец,
Представший в этот миг
Виденьем грозным...
У всех цветы, а им в седой рассвет
Достался лишь таинственный букет,
Меж рамой нарисованный морозом.
Как стыдно в унижительной уловке
Всем говорить,
Что муж в командировке.

А Тимофевне,
Жившей в прежнем стиле,
И мысли в голову не приходили
Здоровье дочки поправлять цветком.
Поскольку на пайке теперь их двое,
Носила не цветы, а едовое,
Чтоб дочь не оскудела молоком.
Но все калории приносов этих
Та отдала бы
За живой букетик.

Ей вспомнилось
Жуана благородство
Еще в поре их первого знакомства.
Была зима, такой же был мороз,

Летел колючий снег, гонимый ветром,
Когда Жуан за много километров
Ей розу настоящую принес.
Сберег ее, за пазухою грея,
От самой городской оранжереи.

Ей вспомнилось...
А что же делать кроме
Здоровой женщине в родильном доме?
Лишь вспоминать!
Читатель мой, прости,
Воспоминанья – памяти разминка.
Воспоминанья – долгая пластинка,
Лишь стоит ту пластинку завести.
Однако не было серьезней повода
Для них, чем в день
Ее больничных проводов.

В заказанном такси
Погожим днем
Они домой поехали втроем,
Как и позднее будет неизменно:
Наташа, сын, не ведавший всего,
И золотая бабушка его,
Спасительница Марфа Тимофевна.
В новейшей роли
С нежностью в глазах
Она держала внука на руках.

У центра где-то,
Развернувшись хлестко,
Шофер застопорил на перекрестке.
Дорогу преградил солдатский строй
С каким-то новым, весело взлетающим,
Не пехотинским, а небесным маршем,
Рожденным под счастливую звезду.
Солдаты пели без трубы и альта,
Подогреваясь музыкой асфальта.

«Мы, как летчики, как летчики, крылаты,
Только не летаем в небесах,
Мы ракетчики, ракетчики-солдаты,
Мы стоим при небе на часах.

Тверже шаг!
Где там враг?
Страшись ответа грозного!
Нам по велению страны
Ключи от неба вручены,
Ключи от неба звездного.

Кружит, кружит наша милая планета
В голубом и розовом цвету.
Наши умные и меткие ракеты
Берегут земную красоту.

Тверже шаг!
Где там враг?
Страшись ответа грозного!
Нам по велению страны
Ключи от неба вручены,
Ключи от неба звездного!..»

Наташе после марша батальона
Представилась нестройная колонна,
Бредущая таежною грядой,
А в ней Жуан, исхлестанный ветвями,
С широкими и белыми бровями
И белою от снега бородой.
Хоть это даже романтично было,
Но все же у нее
Слезу прошибло.

Рождение ребенка –
Важный фактор,
Меняющий у женщины характер.

Заслышав голос своего птенца,
Мать вздрогнула, в лице переменилась,
Невнятный писк при этом умудрилась
Сравнить с напевным голосом отца,
Тем более в машине шум дорожный
Всем звукам создал
Как бы фон таежный.

Ах, дети, дети,
Где ваш глаз и слух,
Пока не клюнет жареный петух?
Наташе прежде было не до строя
Ни до солдатского, ни до иных...
При случае потом сравню я их,
Когда вернусь описывать героя,
Потом я разделю границей четкой
Чекан солдатский
С горестной походкой.

Насчет тайги,
Насчет пурги простудной
Наташе ошибиться было трудно,
Хотя фуфайка, теплые носки
Под сапоги, что Кузьмины прислали,
Жуана от простуд оберегали,
Но не от частых приступов тоски.
Еще ошибка: здесь не знали моды,
Все, как и в тюрьмах,
Были безбороды.

Любой отсидчик
Рвется из тюрьмы,
Уйти, как говорят, из-под «чалмы»,
В колонию, к природе, где в затишке
Свободнее житейский антураж.
Природа все смягчает, а пейзаж
Способен скрыть сторожевые вышки.
А кто того не видел и не нюхал,

Готов держаться
За тюремный угол.

В тюрьме после суда
С душой в кручине
Жуана оставляли даже в чине,
Ну, в роли вроде бы наставника,
Достойно наводящего порядка,
А если попросту, то в роли дядьки
В особой камере молодняка.
Однако, не имея в том сноровки,
Он к собственной
Стремился перековке.

Решая так,
Мой грешный друг мечтал
Попасть на новый «Беломорканал»
С такою же великою отдачей,
С таким же осветительным огнем,
С такой же вековой нуждою в нем,
С такой же давне-дальнею задачей,
Когда в труде
Под взглядом всей страны
Добрели ее падшие сыны.

Нам и сегодня говорит немало
Моральный опыт «Беломорканала».
Преступники, не чуждые стыду,
С умом и сердцем,
Если глубже вникнем,
Тем взглядом освещенные великим,
Меняются у мира на виду.
А мы уже и позабыли вроде,
Что нужен им
И Николай Погодин.

Ко времени тому
В Жуана влез

К вопросам социальный интерес,
К законам жизни и началам истин.
Что, как да почему?
Он стал раним,
Он мучился, что отбывали с ним
Не слуги страсти, а рабы корысти.
Их было большинство, позорно павших,
Совсем по-разному,
Но что-то кравших.

Ах, деньги, деньги!
У коварных денег,
Как ни крути,
Почти что каждый пленник.
Не виноват ли рубль, смахнувший грязь,
Отмытый, в Октябре переодетый,
Охотно ставший нашею монетой,
Однако с прошлым не порвавший связь?
Не сохраняет ли поныне оный
В себе самом
Старинные законы?

Хотя Жуан
В познаниях быстро рос,
Но не по силам поднимал вопрос,
Довольно острый и довольно спорный.
Тогда к услугам он имел, друзья,
Всего четыре месячных рубля,
Притом в ларьке по книжице заборной,
И то сказать, имел не постоянно,
А лишь потом
При выполнении плана.

Он в мастерской,
Посаженный за пресс,
Не тратясь на технический ликбез,
Своей работе научился скоро,
Как будто бы всю жизнь одно и знал,
Что из сухой пластмассы штамповал

Фигурный корпус электроприбора.
Так и глотал бы воздух он пахучий,
Когда б не подвернулся
Редкий случай.

Однажды начколонию, майор,
Вел с неким капитаном разговор
На тему, возникавшую не часто:
– Заказик тут на кресла есть один,
Нет, нет, не мягкие под дерматин,
А жесткие – для среднего начальства,
Но хорошие, чтоб если сесть, так сесть.
Скажи, у нас
Краснодеревщик есть?

В колонии тогда,
Ему на жалость,
Краснодеревщика не оказалось.
– А кто же есть?
– Есть мастер-металлист,
Есть мебельщик, но по перепродаже,
Есть часовщик, есть плановик и даже
Конструктор есть и техник-протезист...
Начальник почесал затылок: – М-да,
Давай-ка мне
Конструктора сюда!..

Со впалыми щеками в сизом дыме,
С глазами, как у ворона, большими
Жуан перед начальником предстал.
– Вы самолетчик?
– Да.
К пострижке сизой
Начальник взглядом потянулся снизу,
Как будто друг в то время вырастал,
И начал странное для первой встречи:
– Я думаю,
Что кресло сделать легче.

– Не знаю.
– Вы узнаете сейчас... –
Начальник начал излагать заказ.
Почти с волнением, в мыслях озуруя
И временем не тратясь на огляд,
Жуан охотно взялся за подряд,
Как говорят, пошел напропалую,
Неосмотрительно беря в совет
Пословицу:
Семь бед – один ответ.

Казалось,
Что всю жизнь его звала
Так весело звеневшая пила,
Раскраивая ножки табуреток.
Прожилки, обнаженные пилой,
Запахли ароматною смолой,
Как пахнут по весне
Лишь лапы веток.
Под звон пилы таежный дух кедровый
Ему благовещал о жизни новой.

Но все ж
Была задача не по нем.
Летели ночь за ночью, день за днем.
А мозг его и замысла не зачал.
Он памятью летел во все концы,
Припоминал музеи и дворцы,
Где прежде насмотрелся всяких всячин,
Но вся Европа старая, хоть тресни,
Не подсказала
Ничего о кресле.

Но в творчестве
Частенько неудачи
Бывают от завышенной задачи.
Не заносись, мой друг, умерь полет,
А то и возвратись к земной отметке,

Шагни опять от старой табуретки,
Фантазия вновь силу обретет,
А уж потом-то будет не до смеха
Всем столярам
И мебельщикам века.

Почти на грани
Краха и паденья
Жуана охватило озаренье.
Ему сначала у себя в углу
Представить спинку кресла выпал жребий,
Похожую на модный дамский гребень,
Замеченный в Мадриде на балу.
На чертеже, уменьшенное вдвое,
Предстало вскоре кресло,
Как живое.

Начальник сразу
Поднял друга шансы:
– Красивое, хоть приглашай на танцы!
Да только где найдем материал?
Конечно, кедр сойдет, он точно розов,
Но спинка!.. Под карельскую березу!..
Чудесно, да, но кто ее нам дал? –
Тут распиловщик подал голос слабый:
– А не сойдут березовые капы?

Так называют
В черноте берест
Бог весть с чего явившийся нарост,
Килою именуемый по-сельски.
Он весь в извивах, а извивы те
Почти не уступают красоте
Своей прославленной сестры карельской.
На третий день Жуан скользит по скатам
На поиск их
С охотником-бурятом.

Охотник из поселка
С давних дней
Здесь промышлял куниц и соболей,
Не раз встречался с мишкой-воеводой,
Знал от дерев-гигантов до куста,
Глухие украшавшие места,
С их неживою и живой природой,
Где, промышляя, знатный Цыденжап
Частенько видел
Этот самый кап.

В одной низинке,
Вспугнутые лайкой,
Взлетели куропатки белой стайкой,
Охотник вскинул верное ружье...
По выстрелу в урочище таежном
Краснодеревщик наш
Вполне надежным
Увидел охранение свое,
Особенно потом, когда под елью
Они лапшу с курятиною ели.

То был привал!
А до того привала
Прошли две впадины, два перевала,
Поднявшись, задержались на одном.
Заснеженная даль чуть-чуть дымилась,
И все, что взору с высоты явилось,
Казалось не реальностью, а сном.
Восторженный Жуан с горящим взором
Хотел излиться
Нежным разговором.

Но с Цыденжапом,
Как и до сих пор,
Напрасно затевал он разговор,
Напрасно до поры искал в нем друга.
– А где Байкал?

– Э, там...
– Иркутск?
– Э, там... –

Охотник все показывал, а сам
Размахивал рукою на полкруга.
Ах, если бы не эта осторожность,
Не вспомнил бы Жуан
Свою осторожность.

Они огонь приятельства зажгли
Не раньше, чем в распадине нашли
Четыре капа, годных к пилораме,
Как я уже писал и вновь пишу,
Заправили домашнюю лапшу
Двумя оципанными петушками.
А у Жуана, только бы кормежка,
Была всегда за голенищем ложка.

Теперь ему,
Поевшему отменно,
Пришла на память Марфа Тимофевна,
Ее стряпня, заботливость ее,
Столь зримая над скатертью из снега.
И не случайно.
Есть у человека
На близкие события чутье,
В котором может быть уловка даже:
Вдруг вспомнить тещу
С думой о Наташе.

В обратный путь
Уже на склоне дня
Их повела готовая лыжня,
Блестевшая в лучах незаметной.
Мой друг летел пернатою стрелой,
Как будто бы спешил к себе домой,
К жене и теще, а не в дом казенный.
Там вечером, когда уже смеркалось,
Предчувствие Жуана оправдалось.

На тумбочке в углу,
Где спал сосед,
Еще с обеда ждал его конверт,
По службе вскрытый некими руками,
А в нем листок, а посреди листка
Зелененькие контуры цветка
С пятью наивнейшими лепестками.
Подумал: «Шуточки Аделаиды!» –
И скомкал,
Чертыхаясь от обиды.

Зачем бы это ей,
Не мог понять,
Листок разгладив, поглядел опять.
Таких цветов не видел он в природе.
Задумался:
«Цветок!.. Зачем цветок?..»
И вдруг его потряс догадки ток:
«Да это ж детская рука в обводе,
Да это ж сына моего рука,
Протянутая мне издалека!»

Да как он сразу
Буквиц не заметил,
Написанных по краешку:
«От Феди».
Глаза его зажглись: казалось, пар
Выбрасывал он вздутыми ноздрями,
Как свежими горячими углями
Не в меру перегретый самовар.
Так неменяемый
Впадает в радость,
А неменяемость в Любви – как святость.

Пошла,
Пошла,
Пошла, куда-то вкось
Ума и сердца золотая ось.

– Т-сс, он свихнулся! –
Фразы повторенье
Лишь вызывало подозренье к ней:
– Да это же рука Любви моей,
Рука моей Любви и примиренья!
Да это же рука, что, в Мир явьясь,
С обеих наших Душ
Смахнула грязь!..

Друг оказался на свою беду
В то время у начальства на виду.
Меж тем сенсационное известье
И звание высокое «отец»
Его, такого пылкого, вконец
Душевного лишили равновесья.
А от начальства,
Чтоб избежать фальши,
В такое время надо быть подальше.

А тут еще ему,
Сама страстна,
Своих страстей добавила весна,
Тайгою закачалась подхмелевшей,
Рекою расковалась, сбросив плен,
И новым руслом – руслом перемен
Направила конфликт, давно назревший.
Но срыву не найти бы оправданий,
Когда б не эти
Комнаты свиданий!

Встречали в них
Мужей отгороженных
Весною понаехавшие жены
Из дальних городов и деревень.
Огнем любви и нежности сгорая,
Счастливицы уходили в двери рая
И возвращались лишь на пятый день.
Смотреть на них,

Блаженных от избытка,
Ревнивому Жуану стало пыткой.

В столярной,
Проходя свои этапы,
Пилились, гнулись и сушились капы
С далекой Цыденжаповой версты.
Жуан в горячке стал довольно часто
Оспаривать вмешательство начальства:
– Не вы, а я конструктор красоты! –
Жуан-отец, тоскуя о свободе,
Совсем забыл,
Что не на том заводе.

Уже назавтра,
Став на путь регресса,
Мой друг шагал на раскорчевку леса,
На заготовку смолянистых дров,
На просветленье просек долговерстных,
И вскоре Душу просветлил он в соснах,
Так воздух был покоен и здоров.
Не странно ли,
Что, к лесу непривычный,
Он даже мыслить
Стал философичней.

На раскорчевке,
Размышляя днями
Над с кем-то,
С чем-то схожими корнями,
Зверьем и человеком в том числе,
«Природа, – думал он, –
Весь срок безмерный
В своей лаборатории подземной
Искала формы жизни на земле.
Еще не все вошло.
Нам и не снится,
Какая красота в корнях таится.

Взойти всему
Мешал огонь и бури,
Что не возшло,
Рождается в скульптуре,
В изваянных пеньках, корнях, сучках,
В причудливых извивах их и складках,
Как у Коненкова в его догадках,
В его лесовичках-полевичках.
Нас лишь искусство в некоем наважденье
Ведет к истокам
Нашего рожденья».

Примерно так
О чудесах корней
Он разговаривал со мной поздней,
Что позабавило меня, но вскоре
Печальным красноречием своим
Друг заразил меня любовью к ним,
Внушил смотреть, как говорится, в корень,
Но в корневищах,
В их узлах и плетях
Встречались больше
Змеи мне да черти.

Куда спешу?
Жуан еще корчует,
На верхней полке в камере ночует,
Тоскует, любит, суткам счет ведет,
Еще не зная, что в таежной хмари
Он отличится на лесном пожаре
И сократит свой срок на целый год.
Есть у Любви особенное свойство,
Людей толкающее
На геройство.

Во знойный день
Был воздух весь пропитан
Парами леса, как парами спирта,

Хоть солнце, занимавшее зенит,
Едва светило в ореоле ложном,
И потому все ждали нетревожно,
Что их всего лишь тучка осенит
И покропит дождем, но осенила
Огня и дыма
Дьявольская сила.

Сначала,
Не сливаясь с хвойным фоном,
Огонь запрыгал по высоким кронам,
Куда-то пряча за собой следы.
Все подивились этакой безделке,
Поскольку прыгали всего лишь белки,
Как первые предвестницы беды.
Жуан подумал:
Может, средь проделок
Игра такая есть
У рыжих белок!

Потом на просеке
С рогами врозь,
Дыша ноздрями, появился лось,
Он к небу вскинулся, где солнце меркло,
С глазами уже полными огня,
Как будто вспомнил: где моя семья? –
И возвратился в огненное пекло.
Жуан подумал:
Может, зверь бедовый
Всего дивил
Губой своей пудовой!

Но вот,
Глухой озвучивая лес,
Стал нарастать и хруст, и резкий треск,
И гул, и дикий крик попавший в нети,
Как будто споенные сатаной,
Ломая все, ватагою хмельной

Бежали красно-бурые медведи.
Над просекой, чтоб взять ее нахрапом,
Уже и счета не было их лапам.

– Пожар!
– Пожар!
– Пожар! –
Ужасен в зной
Все пожирающий пожар лесной
С его огнем и нестерпимым жаром.
Как он изменчив, если поглядеть:
То бурым дымом пляшет, как медведь,
То огненным взлетает птерозавром,
То медлит,
То спешит в багряной злобе,
Чтоб воплотиться
В памятники скорби.

– Пожар!
– Пожар!
– Пожар! –
Уж не одну
Обуглил он за просекой сосну,
Как спичку, не одну спалил он елку,
Теперь же продирался сквозь кусты
По краю – к перемычке в треть версты,
Ведущей через просеку к поселку.
Жуан не оробел:
– Ва-а-лите лес!.. –
И бросился огню наперерез.

С большим огнем,
Нагрывшим на хвою,
Бороться трудно,
Как с большой водою.
Он понизу и поверху течет,
С ним в поджигателях любая палка.
Такая началась лесоповалка,

Что был часам потерян всякий счет.
Считали только у огня и ветра
В горячке отвоеванные метры.

Для многих –
Чем опаснее работа,
Тем выше мера нравственного взлета.
Жуан усталый, прислонясь к сосне,
Глядел на суету почти бесстрастно,
Лишь чувствовал и думал:
«Как прекрасно –
Стоять вот так, со всеми наравне!»
Сам Цыденжап, презренье поборовши,
Тряс за руку:
– Однако, ты хороший!..

Но строг закон.
Тушителей он истых
Вновь разделил на чистых и не чистых,
Одни – домой, другие в жалкий строй
С его в рядах дистанцией короткой,
С его особой жалостной походкой,
Которую обрел и мой герой.
Как обещал в начале сей тетради,
Сказать о ней
Теперь мне будет кстати.

Солдат на марше,
Говоря без лести,
Несет себя, как единицу чести,
А колонист, не зная, что нести,
С руками позади,
С душой в полоне,
С плечами неподвижными в наклоне,
Ногами приучается грести.
Хотя и оживило строй отчасти
В тот вечер
Чувство доброе в начальстве.

Начальство было радо,
Что в угаре
Никто не скрылся при лесном пожаре,
А каждый пятый бился, как орел,
Хотя для всех была опасность явной.
Особенно геройствовал чернявый,
Тот, с гонором, что кресло изобрел.
За что майор,
Прибывший к чернолесью,
Команду подал:
– Разрешаю песню!

Легко сказать!
У песен вольный мир.
Попробовали – вышло тыр да пыр,
Не стройно получилось и не стойко.
В том и загадка, что мотив простой
Заставил непривычный к песне строй
Заняться в ритме самоперестройкой.
Особенно когда Жуан бывалый
И в песне оказался запевалой.

«Гей-гей, шевелите ногами,
Шагайте вперед веселей.
Судьба посмеялась над нами,
А мы посмеемся над ней.

Гей-Гей,
Шагайте вперед веселей!

Гей-гей, мы слетели с орбиты,
С наземного сбились пути,
Сегодня за мятых да битых
Небитых дают до пяти.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!

Гей-гей, разочтемся в утратах,
В душевных печалях своих.
Не будем искать виноватых
И сваливать все на других.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!

Гей-гей, в нашей горестной драме
Погибнет и зло и злодей.
Судьба посмеялась над нами,
А мы посмеемся над ней.

Гей-гей,
Шагайте вперед веселей!»

Душа иная,
Пока песню пела,
Пересмотрела собственное дело.
Мне дороги душевные суды,
Умеющие видеть, что подсудно.
В наш трудный век
Попасть в беду не трудно,
Труднее с честью выйти из беды.
Вот почему для самооправданья
Душе необходимы испытанья.

В судьбе героя нашего возник
Особенный, послепожарный сдвиг.
Неслыханно,
Негаданно,
Нежданно
Она взлетела сразу, как в броске,
Когда на отличительной доске
Вдруг появилось имя Дон Жуана.
Все поняли, что значил этот знак:
Прыжок к свободе,
А не просто шаг.

Еще через неделю
При обходе
Врач подкрепил надежду о свободе:
Не из какой-то личной доброты,
Не из того, что слышал понаслышке,
Освободил его совсем от стрижки,
Бритья усов и даже бороды,
А по закону – это подтверждение,
Что где-то близок
День освобождения.

Не раз он укрощал
Порыв гордыни,
С надеждой встречи думая о сыне,
Не раз в нем горько плакался отец,
Не раз ночами, занятыми бдением,
Сменялись ожидания сомненьем,
Сомнения надеждой. Наконец
Неспешная старушка Справедливость
Дала свободу
И сняла судимость.

Побритый,
При усах,
Почти чубатый,
С двухлетней половинною зарплатой
Он наконец-то вышел на простор,
Простившись без особого печальства
С друзьями-столярами и начальством,
Взгрустнув над креслом...
Кстати, до сих пор
В Иркутске, Красноярске повсеместно
Еще стоят жуановские кресла.

Таланты против прочих
В том Колоссы,
Что чаще задают себе вопросы.

Когда иной живет навеселе,
Талант, идя к ответу, тратит годы.
Чем оправдать перед лицом Природы
Свое существованье на земле?
Вот коренной из коренных вопросов! –
Сказал бы на сей счет
Любой философ.

Пока Мой Друг
Под музыку колес
Везет в себе мучительный вопрос,
Что породил талант, дотоль незнамый,
Давайте мы его опередим,
На крыльях легкой мысли полетим
За посланной Жуаном телеграммой
В ту пятистенку с Кузьминою-старшей,
С Наташею и бунтарем Федяшей.

В ту пору
У Федяши, у Голубы
Уже вовсю прорезывались зубы,
Уже улыбка на лице цвела,
Уже и по часам, а не по числам
Росли в его глазах оттенки смысла,
Слеза и то осмысленней текла.
Теперь Наташа даже замечала
Свое в нем
И Жуаново начала.

Он в их началах,
Вроде баш на баш,
Забавный представлял фотомонтаж
С чертами в состоянии раздора,
Но у Природы много доброты,
Она, чтоб примирить его черты,
На то имела чудо-ретушера,
И Федя из презренья к разнобою,

Казалось, становился
Сам собою.

И мать,
А чаще бабушка сам-друг
Тетешкали его в две пары рук,
Капризы, взгляды брали на замету,
В науках воспитанья так росли,
Что малыша знакомить поднесли
К настенному отцовскому портрету.
– Вот папа твой! –
Ему сказала мама,
А тут и подоспела телеграмма.

Жена Жуана, напрягая лоб,
Перетрясала скромный гардероб,
Наряды, позабытые доселе,
Подолгу примеряла на себе,
Но, к ужасу, на ней, на худобе,
Все платья, как на вешалке, висели.
Мать, видя в ней утраченный объем,
Не стала охать,
– Ничего!.. Ушьем!..

Ушитая со стороны обратной,
Наташа стала даже элегантной,
О чем и не дозналась.
Знать бы ей,
Что муж ее, а он не похвалялся,
Вот за такими только и гонялся,
Особенно в Испании своей.
Скажу вам,
Стройность он любил в девчатах,
Высоких, по-цыгански плещеватых.

А утром
На трамвае продувном
В коляске,

В охранении двойном
Федяша, любопытствуя не в меру,
К вокзалу повторив маршрут отца,
Доехал до трамвайного кольца
И покатил по роковому скверу,
Перечеркнув коляскою своею
То место боя,
Что прошло под нею...

Тем временем
На ближнем перегоне
В зашарпанном, распатанном вагоне
Стоял Жуан в проходе у окна.
Мелькали потемневшие копейки,
Загончики неубранной картошки
С пожухлою ботвой у полотна,
Топорщился в следах колесных стежек
Подрезанной пшеницы
Рыжий ежик.

И мил был мир
В его земных трудах
С гирляндами стрижей на проводах,
С лошадкою и шустрым самосвалом,
С комбайном на дороге грунтовой,
С высоким небом
С тучкой дождевой.
С великою загадкой даже в малом,
С последнею любовью, пьяной в дым,
Зато уж трезво
Выстраданной им.

Еще он пребывал
В мечтах немелких,
Состав уже поцелкивал на стрелках
И выгибался, сжатый с двух сторон
Вагонами и службами вокзала.

А встретит ли?
Вот что его терзало,
Пока цветами не зацвел перрон,
Пока не заметил орлим оком
Свою жену, стоявшую с ребенком.

А та страшилась
Даже и глядеть,
Как из вагона этакий медведь
Устало выйдет, хмурый и косматый.
Жуан же, возвращаясь к миру благ,
Уже успел зайти в универмаг
И обернуться снова франтоватым.
– Смотри! –
И Тимофевны локоток
Тихонько подтолкнул
Наташу в бок.

Пока,
Огнем и ветром обожженный,
Супруг к ней шел
С улыбкой напряженной,
Она, самосудимая стыдом,
Она, самоказнимая, навстречу
Федяшу выше приподняв к оплечью,
Себя полуприкрыла, как щитом.
– Вот папа твой! –
Шепнула по наказу
Уже знакомую Федяше фразу.

Глазами любопытства
До испуга
Отец и сын смотрели друг на друга.
Родные дважды – кровью и судьбой,
Товарищи по временам опальным,
Как в четком отражении зеркальном,
Увидели себя перед собой.

Вносили некий элемент химеры
Лишь разные
Зеркальные размеры.

Глаза Федяши
В блеске интереса,
Как у отца, широкого разреза,
Глядели то смешливо, то всерьез,
А губы жили перемене зыбкой
На тонкой грани плача и улыбки,
В соседстве близком торжества и слез,
При этом вопрошавшими глазами
Он то и дело
Обращался к маме.

Душа отца,
Воскресшая в пустыне,
Переживала все, что было в сыне:
Такой же интерес, восторг и страх,
Надежды и сомнения – казалось,
Что каждое движение повторялось,
Явленное на Фединых губах.
– Иди ко мне, иди! – снижая звуки,
Он протянул
Натруженные руки.

Нет, как бы мамы сладко ни кормили,
Душа ребенка тяготеет к силе,
Сказать точнее –
К сильной доброте.
На зов отца Федяша отозвался
И сразу же, к восторгу, оказался
Что ни на есть на самой высоте,
У новой жизни на вершине самой,
Над папою,
Над бабушкой,
Над мамой.

Когда Жуан,
Герой заглавный наш,
Шагал с Федяшей, лучшим из Федяш,
Дотоль не видевшим отцовской ласки,
С женой и тещею, известной нам
По доброте и рыбным пирогам,
С коляскою, с котомкою в коляске,
Все думали:
«Счастливая семья!»
Не ведая того,
Что ведал я...

Спел Песню я,
А если песнь поют,
Не голосом, Душою устают.
Высоким не прикинуть перед вами,
Походкою не стану удивлять.
На цыпочках всю Жизнь не простоять,
Большими долго не пройти шагами.

Шесть Песен спел я про Любовь земную,
О Муза-сваха,
Дай мне спеть седьмую!

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

О, донна Анна!
А. Пушкин «Каменный гость»

Мой друг Жуан,
Мытарствуй не мытарствуй,
Семья как государство в государстве,
По-своему живущее века,
Изменчивое строим и размером,
В котором будешь если не премьером,
То уж министром-то наверняка,
С особым правом робкого совета
При выкройке домашнего бюджета.

Учти, Жуан,
В Сибири для устоя
Семья почти не знала Домостроя.
Жену любили, если горяча
Была не столько в кухне и ночевке,
Сколь равная на той же раскорчевке,
Умевшая, как муж, рубить сплеча,
Да чтобы ухитрялась, как ни трудно,
И матерью хорошей быть попутно.

На этой фразе я услышал вздох.
В нем усмотрев, должно быть, мой подвох,
Насмешливый Жуан почти бедово
Скосился глазом темным, как прострел,
И долго-долго на меня смотрел
С печальной высоты пережитого.
– Ну-ну, – сказал, – благодарю, учитель, –
И засмеялся, –
Бедный сочинитель!

Сидели мы,
Приняв лишь по единой,
У тещи возле дома под рябиной,

Плодоносившей только первый год.
Жуан поднялся, с ней тягаясь в росте,
Три ягодки сорвал от спелой грозди,
Испробовал и покривил свой рот,
Да и позднее при тираде длинной
Так и остался с этой горькой миной.

– Мой друг Поэт,
Ты думаешь, что я,
Я, Дон Жуан, лишь выдумка твоя,
Лишь тени тень, живущая фиктивно?
Не льсти себе, хоть и приятна лесть,
Не ошибись, пойми – я был, я есть
Вполне осознанно и объективно,
Иначе бы любые испытанья
Не принесли такого мне страданья.

Мой друг Поэт,
Не тщишь из доброты
Воображать, что по несчастью ты
Влюбил меня, женил, толкнул к разбою.
Нет, милый, нет, сквозь радость и беду
Не ты меня, а я тебя веду,
Ташу тебя три года за собою.
Так в нашей дружбе, бывшей между нами,
Мы поменялись главными ролями.

Мой друг Поэт,
Тебя в твоём стыде
Увидел я, ты помнишь на суде,
Готового тогда к моей защите.
Да, да, хотел тебя я отвести,
От самобичевания спасти,
Себя же от тебя освободить и...
Ну, словом, подчеркнуть
Тем жестом странным,
Что чувствую себя
С тобою равным.

Когда Жуан за все мне отпелял
И, строгий, под рябиною стоял,
Решалась наша дружба – либо, либо?
Возвышенная в святости живой,
Рябиновая гроздь над головой
Горела и светилась вроде нимба.
Смущенный, встав,
Сказал я без лукавства:
– Дай руку, Друг,
На равенство и братство!

Чем вызван в друге
Этот новый крен,
Какие же причины перемен?
То кресло ли его, лесной пожар ли,
Любовь ли, сын ли – жизни высший дар?
Жизнь, дорогие, интересный жанр,
Люблю работать в этом древнем жанре.
Но если быть в нем голым реалистом,
То будешь не поэтом,
А статистом.

В грядущее
Нужна вся наша сила,
Все, что до нас,
Что в нас,
Что с нами было.
В Жуане, если без обиняков,
Все впечатленья жизни стали купней.
Ему его грядущее доступней,
Как выходцу из прожитых веков.
А человек, по замечанью тещи,
Чем умственной,
Чем опытней,
Тем проще.

У тещи
В одеянии кружевном
Красивый был ее старинный дом.

Весь с топора и лобзика всего-то,
Смотрелся он на самый строгий взгляд.
Жуан сострил:
– Напрасно говорят,
Когда хулят, – топорная работа!
Так смотрится, уже не бога ради,
Икона древняя в резном окладе.

Жуан шутил-шутил
Да как пальнет:
– Вся эта улица на слом пойдет,
Участок стал для города потребным,
А тещин домик с канителью всей
Есть предложенье вывезти в музей,
Открытый где-то под открытым небом.
– Эге, Жуан, не будешь ротозеем,
Глядь, домик станет и твоим музеем.

Со мной не то,
В строительной программе
С моими, брат, не цацкались домами.
Хотел бы хоть в один вернуться, но
Мне всюду с ними просто наважденье.
Домов, где жил я, с моего рожденья
За ветхостью с десятков снесено.
Не будет места в той эпохе дальней,
О, друг мой,
Для доски мемориальной!

Так мы шутили,
Подобрев к домам,
С придумкою и правдой пополам
Припоминали прошлые проказы,
За словом не ходили далеко,
И было нам так вольно и легко,
Как будто и не ссорились ни разу,
Пока не стало видно из-под грозди,
Как в уникальный дом
Толкнулись гости.

В гостях сидел
С большим сознанием прав
Почти что прежний свадебный состав,
Как вроде бы игралась на усадьбе
Не по годам отсчитанная в срок,
А по страданиям, что выдал рок,
Досрочная серебряная свадьба,
Но не кричали «горько» шумовато,
Поскольку въяве
Было горьковато.

Была на теще гения печать.
Достало б ей гостей поугощать
И тем же салом, тою же ветчинкой,
Картошкой, студнем из телячьих ног...
Так нет же, а сварганила пирог
С той самой рыбно-луковой начинкой
И «дурочку», прикрытую со сметкой
Под честною
Фабричной этикеткой.

Добро и зло –
Две стороны медали.
Вот выпили и все добрее стали.
Сердца открыли, сжатые в тиски.
Ну, что такое зелье?
Так – водица!
Но как свежо зарозовели лица,
Тугие развязались языки.
У бывшей в напряжении Наташи
Опали плечи
В памятном вальяже.

Какой-то дед спросил, беря пирог:
– Преуважаемый, а как острог? –
Старик был стар, но в памяти и силе,
Пожалуй, посильней внучат иных.
То был заглавный корень Кузьминых,

Отец отца Наташи – дед Василий.
– Острогов нынче нет! –
Мой тезка – в колкость:
– А если нет острогов,
Где же строгость?..

Что мой Жуан
Был встречен как герой,
Меня и то коробило порой,
Как будто он не лес пилил на трассе,
Не пни в глуши таежной корчевал,
А с некою задачей побывал
В почетной экспедиции на Марсе.
Наверно, проявлялся в тот момент
Судьбы сибирской
Некий рудимент.

Сибирь, мой край,
Затмивший все края,
О, золотая каторга моя,
Приют суровый праотцов бесправых,
Где барско-царских не было плетей,
Но лыко нам неведомых лаптей,
С железом кандалов прошло на равных.
Народом ничего не позабыто,
Что в жизни поколений
Было бытом.

Сибиряку сама живая данность
Внушала и суровость и гуманность.
Почти в любой семье сибиряка
Для беглецов считалось делом чести
На самом видном и доступном месте
Поставить на ночь кринку молока.
И, тронутую грешными устами,
Крестили заскоружлыми перстами.

Сибирь моя,
В просторах безграничных

Ты принимала всех иноязычных.
У всех поныне свой особый лик,
Но все сильнее вечное стремленье,
Чтоб после вавилонского дробленья
Здесь снова обрести один язык.
Твои небостремительные башни
Уже давно затмили
День вчерашний.

Сибирь моя,
Ты вся в кипучей стройке,
Вся в переделке, вся ты в перестройке,
Любовь моя, ты вся из новостей,
А если вместе с «дурочкой» угарной
Был заведен мотив рудиментарный,
За то не будем осуждать гостей.
Таков порядок:
После крепкой влаги
Запеть надрывно
Песню о бродяге.

Не пела лишь Наташа,
С видом чинным
Неугомонным занимаясь сыном.
А Федя деловито, без конца,
Переходил, как ангел примирений,
С ее колен на теплоту коленей
Легонько подпевавшего отца,
Как будто этой хитростью наивной
Хотел связать развяз
Любви взаимной.

Жена сидела
Рядышком с Жуаном,
Дразня супруга профилем чеканным,
Девически смягчавшимся в былом,
Коса все с тем же золотым избытком
Ее венчала свитком, словно слитком,
Красиво свитым греческим узлом.

Отбившиеся локоны горели,
Как лепестки цветка
На длинном стебле.

По части стебельков
И прочих трав
Мой друг при опыте был не лукав,
А искренне смотрел на все и даже
Все старшее в природе почитал,
Поэтому не о Душе мечтал,
Мечтал о теле – тело было старше.
Меж тем бродяга песенный помалу
Лишь подошел
К священному Байкалу.

Есть в Русской Песне
Высшая отрада,
Дойдет до песни, ничего не надо,
Лишь песню дай – поющие не пьют.
И сам влюбленный в песенное диво,
Жуан впервые думал неучтиво:
«Черт побери, они еще поют!»
Тут вроде бы из-за Федяши в певни
Пришлось вмешаться
Марфе Тимофевне.

Так Федя
И на этот раз помог
Переступить той горенки порог,
Где бревна неприступные в оплоте
До сей поры его дивили той
Старинной первозданной простотой
И чистотой своей открытой плоти.
Они в линейно ровных строчках пакли
Еще, казалось,
Древним лесом пахли.

Подумал:
«Красоте не нужен лак».

Послушал: «Что ж Наташа медлит так?»
А как ей было, мучаясь расплатой
И продолжая в робости любить,
К нему через порог переступить
Бабенкою паскудно виноватой?
На шорох оглянулся по тревоге –
Жена уже стояла на пороге.

К застывшей у проема
Скорбным знаком
Жуан шагнул отяжелевшим шагом,
Да так, что пола заскрипел настил.
Наташа своей грешно-золотою
На грудь ему упала головою.
– Жуан, прости!..
– Мой Сын тебя простил.
– А ты, Жуан? – заговорила снова.
– Молчи!.. Ни слова!..
Никогда ни слова!..

Не он ли
При долине перед взгорьем
Два года возносил себя над горем?
Не он ли у обрыва на краю,
Облаянный сторожевыми псами,
Мужскими, небегучими слезами
Два года отмывал любовь свою?
Превозмогая горести и боли,
Поднялся над самим собой
Не он ли?

Для страстного
Любовь – душевный оттиск,
А вместе с тем и смысла трудный поиск.
Но истина давалась нелегко,
Внушалась болью, вставшей над интригой.
Перед Любовью вечной и великой
Все злое, однодневное – мелко.
Для страстного не может быть иначе, –

Простив однажды,
Страстный любит жарче.

Не помирила теплая постель,
Супругов не помирят колыбель
И не сведут любые комитеты,
И кто бы ни просил, и ни грозил...
– Жуан, сначала свет бы погасил!..
– Пусть, пусть горит до самого рассвета!..
Хотя Любовь при свете лучше зрима,
Она стихами неизобразима.

– Молчи, молчи,
Не приступы стыда,
Придумали одежду холода... –
Жуан болтал с шутливостью игривой, –
Ты косы расплети по всей длине,
Люблю тебя на золотой волне
Лицом ко мне с улыбкою счастливой!..
Молчи, молчи!.. –
Теперь, сказать не к ночи,
Заговорил он тише и короче.

Но в жарком буйстве
Расплетенных кос,
В глазах жены был некий парадокс,
Который женщину в любви прекраснит,
О некоей загадке говорит:
При жажде счастья взгляд ее горит,
При полном счастье почему-то гаснет.
А разве бы все это, небезгрешный,
Жуан заметил
В темноте кромешной?

Так в горенке
С любовью, страстно спетой,
Мегался свет до сутеми рассветной.
Себя не ставя во главу угла,
Жуан при полном торжестве задора

Не вел себя нахально, как обжора:
Поел – и отвалился от стола, –
А как бы говорил хозяйке Нате:
Нет, нет, вы этот стол
Не прибирайте!

А утром,
Давшим счет хорошим дням,
Он обновленным встал по всем статьям,
По-новому решительным и смелым.
В колонии, затронутою ржой,
Он обновлялся смутною душой,
Но прозябал нетерпеливым телом.
Теперь, когда поднялся и умылся,
Душой и телом
Заново родился.

Чаевничать,
Опохмелясь слегка,
С остатками садились пирога,
А он, остывший, был куда вкуснее.
Жуан, настроенный на добрый лад,
Наташи перехватывая взгляд,
Лукаво переглядывался с нею.
Та отвечала, будучи польщенной,
Улыбкой сдержанной
И чуть смущенной.

А теща своей чаек,
Лицом тепла,
Стариночкой из блюдечка пила
На пальчиках широкого развода,
Подует и пригубит – благодать!
– Куда теперь пойдешь-то работать?
– Куда?.. Да никуда, кроме завода. –
Жуана между тем на третьем годе
Почти совсем забыли на заводе.

Такой уж ритм
У жизни заводской.
Над плазами с тех пор корпел другой,
Уже другой руководил в цехкоме,
Директор, с ним и главный инженер
Уже другого ставили в пример,
Забыли в шумном коридорном доме,
Где с той поры, как стала тяжела,
Наташа уже больше не жила.

Работа – не обуза,
А потребность,
К работе есть особенная ревность,
Подвижник есть в профессии любой,
Но в самой трудной – самый ярый в споре.
Моряк, познавший штормы, любит море,
Шахтер, познав завалы, – свой забой,
Но изо всех ревнивых патриотов
Ревнивей всех
Строитель самолетов.

Не чудо ль,
Что простой бумажный змей,
Забава подрастающих детей,
Явился в мир надеждою крылатой,
В короткий срок успел себя явить,
Минувший век с высот благословить
И увенчать собою век двадцатый.
Не чудо ли, что в этом чудном чуде
Творят за чудотворцев
Просто люди.

Жуана поразила навсегда
Завзятая эстетика труда,
Та красота, что собрана помалу.
Ведь надо же увидеть и понять,
Что человека легче оживлять,

Чем жизнь давать холодному металлу
И придавать ему в пределах нормы
Разумные, причудливые формы.

Металл, он мертв,
Но все же в чувстве стиля
Не терпит безрассудного насилья –
Битья, рванья, его тончайших жил,
Лишь в доброте к нему – залог успеха.
Все эти истины, как мастер цеха,
Жуану, между прочим, я внушил,
Когда он стал смотреть
В очках спесивых
На нас, как исполнителей пассивных.

Любая самолетная деталь
Высокую несет в себе мораль.
Она ни в чем не терпит искажений,
Его создателя спасут от лжи
Стоящие на страже чертежи...
Недаром в бурях мировых движений,
В исканиях свободы зоркий Маркс
Поставил впереди рабочий класс.

– Ба-ба, Жуан!..
Не думал, не гадал!..
Давно не видел, где ты пропадал?.. –
Знакомый руку жал, как другу, исто, –
А я уж думал, в Африке самой
Передаешь богатый опыт свой,
Там, говорят, нужны специалисты... –
Высокая Жуану льстила марка.
– Хоть и не в Африке,
Но было жарко!..

Был добрый знак,
Что встреча без оглядов
Произошла перед отделом кадров,

Где у всего начальства на виду
При должности замнача иль замзава
Работала тогда Попова Клава,
Знакомая по танцам в горсаду.
Хоть кумовство мы судим так и сяк,
Но все-таки знакомство
Не пустяк.

Та Клава,
Не смутясь,
Не суетясь,
С директором установила связь –
Из трубки голос вылетал басистый:
– Вы это про кого?..
– Да про того...
– А-а, да, припомнил – как дела его?
– Досрочно вышел, и притом по чистой... –
Смолк на минуту трубки звукомет.
– Свяжитесь с Главным,
Пусть к нему зайдет.

Когда мой Друг
В прическе ореолом
На мой участок заглянул веселым,
Я догадался – все пошло на лад,
Все утряслось и вправду без оглядок.
– Ну, как, Жуан, с работою?
– Порядок! –
За друга я действительно был рад.
– Надеюсь, что не поступился стажем?
– Нет, нет! Назначен инженером старшим!

С тех пор мой цех,
Гудящий и гремящий
Жуан стал посещать уже все чаще,
Но был ему мой цех не мною люб,
А тем, что мог в нем заточить стамеску,
Найти в углу какую-то железку,

Какой-нибудь диковинный шуруп.
Казалось, за такое упрощенье
Жуану даже не было прощенья.

Но работага,
Если он не робот,
До странной страсти обретает опыт.
Освоив кресла в некоем краю,
Жуан, приобретя свой стиль и хватку,
Забраковал Федяшину кроватьку
И начал конструировать свою,
Способную на качку и покат,
По сложности почти что агрегат.

Однажды, для нее брусок строгая,
Он видел, как прекрасна плоть нагая,
Как матово чиста, но миг спустя,
Когда стругнул еще, из-под фуранга
Явилась темно-розовая ранка,
Подобно следу ржавого гвоздя.
Еще, еще строгнул
И, ширя взгляд свой,
Увидел ранку
Темно-бурой язвой.

То был сучок,
По юности отживший,
По времени опавший и оплывший
Целебным соком не одной весны.
Так хорошо и так счастливо случилось,
Что на стволе березы не осталось
Ни пятнышка, ни малой кривизны.
Не будь Жуан в работе бесноватым,
И не узнал бы
О сучке чреватом.

Былой сучок в березовом оплыве
Хранился темной тайной, как в архиве,

Минула жизнь – и вскрылась тайна та.
Мой друг тот брус с возможною резьбою
Разглядывал, держа перед собою,
Как Гамлет череп своего шута,
И медленно цедил не без нажима:
– Невероятно и непостижимо.

Вдруг захотелось
В меру разуменья
Приобрести рентгеновское зренье,
Прозреть через какой-нибудь экран,
Пока никем не видимые сучья
Из глубины его благополучья
Не проступили зримо, как изъян,
Тем более что Жизнь к усладе вкуса
Выглаживалась, как бока у бруса.

Но в том была
Не праздная забота, –
Жену, казалось, угнетало что-то.
Теперь он отмечал в ней без труда
То странную застенчивость и робость,
То странную ответную торопность,
То жгучий взгляд куда-то в никуда,
А красота в румяности осенней
Все ярче становилась и надменной.

И вот Жуан,
Не мешкая с раскачкой,
Пришел ко мне с той самою болячкой.
А я шутил:
– Скажу, не осердись,
Чтобы вернулись легкость и свобода,
Вам надо было начинать с развода,
Сначала разойтись, потом сойтись.
Все взрывы ревности в твоих фугасах,
Все глупости
Оставил бы ты в загсах.

Невежда в психологии семейной,
Ты стал капризней барышни кисейной,
Ты упустил спасительный момент
Из глухих стастических приличий,
Стыдясь своим разводом увеличить
Супругов разводящийся процент... –
Он засмеялся, относя к потехам
Все это,
Но, увы, последним смехом!

Пока паслись мы
На ученой ниве,
Наташа становилась все красивей,
Хотя, казалось, чуточку бледней,
Но бледность только брови оттенила,
Да только губы ярче очертила,
Да только строгость подчеркнула в ней,
Да только подкрепила, словно в споре,
Высокую отчаянность во взоре.

Такое же,
А может, и капризней,
Бывает часто в яблонево́й жизни.
Когда недуг ей корни поразил,
Когда коснулась гибельная хмара,
То яблоня цветет особо ярко,
Истрачивая все запасы сил.
Но вот скажи, и все сочтут за бредни
Слова о том,
Что этот цвет последний.

Напрасно хоть в очках,
Хоть без очков
Заглядывать на доньшки цветков,
Там не найти обещанную завязь.
– Какая жалость!– скажет, наперед
Беды не угадавший садовод,
Припоминая промахи и каясь.

Но покаяния звучат века,
Как самоотпущения греха.

У бедной Наты
В день и раз, и два
Покруживаться стала голова,
Тесниться грудь, тошнотка появляться.
Пожаловалась матери, а та
Заметила шутливо и спроста:
– Э-э, кто-то младший догоняет братца! –
И посоветовала, чтобы Ната
Пошла к врачу
За подтверждением факта.

Но оказалось,
Весь набор примет
Обманчив был, как яблоневый цвет,
Не давший сил приросту молодому.
Задумчивый, как белокрылый грач
В своем халате белом, старый врач
Наташу передал врачу другому,
Тот – третьему, а там вмешался четный,
И не последний,
А всего четвертый.

И как же было
Нате не смутиться,
Когда пришла машина из больницы
С высокой фарой, меченной крестом.
Жуана не было, с ночной укладки
Федяша еще спал в ночной кровати,
А Тимофевна прибирала дом.
Наташу так и обожгло словами
Вбежавшей медсестрички:
– Мы за вами!..

– А что мне взять? –
На свой вопрос резонный
Реакция ее была мудреной,

Необъяснимой импульсом иным,
Как страхом, заслонившим все на свете.
– Ах, да, да, да! –
Она метнулась к Феде,
Как будто ехать собиралась с ним.
Лишь с плачем сына, сердце резанувшим,
Она оторопела, как под душем.

А тут бабуся подоспела кстати.
– Моя Голуба-люба, мой касатик! –
Напев слышав, полусонный внук
Со всею непосредственностью детства
Заулыбался и предпринял бегство
Из судорожных материнских рук.
– Не паникуй! –
Сказала Тимофевна,
И Ната успокоилась мгновенно.

Но, сделав шаг
Из-под родного крова,
Наташа к Феде устремилась снова,
Да так, что впала в еле слышный стон
В каком-то новом приступе печали.
Разбуженный, испуганный вначале,
На этот раз не испугался он,
Лишь долго удивленными глазами
Глядел на маму,
Обращенный к маме.

В беде
Никто не знает меры бедствий,
А в раннем расставанье всех последствий.
Быть может, будет сын всю жизнь искать,
Как и отец искал со страстью странной,
Оставшуюся в памяти туманной
Неведомо похожую на мать.
Во всех исканьях будет этот образ
Ему путеводительней,
Чем компас.

Не так ли в детстве,
К жизни пробужденный,
Глядел я, Музою замороженный,
В глаза ее, внимателен и тих.
Как часто, наградив душевным жженьем,
Она ко мне являлась с утешеньем,
С надеждой в начинаниях моих.
Зато теперь, когда мой мир в расстрое,
Меня забыла и моих героев.

О, сжался, Муза,
Возвратись, приди,
Несчастье от Наташи отврати!
О, Муза, Муза, искренняя вроде,
Ты, замечавшая и тихий плач,
Ведешь себя уклончивей, чем врач
В плохой больнице
При плохом исходе.
Тебя зову я, отзовись на поклик,
Спасеньем увенчай Жуана подвиг!

Я звал,
Я упрекал ее, она же
Сиделкою сидела при Наташе,
На этот раз реальная вполне.
Свой давний долг отсидывая честно,
Она Жуану уступала место,
Когда тот приходил к своей жене,
Со стороны глядела, видя диво:
Как он красив
И как она красива!

У скромницы
И у скандальной тетки,
Почти у всех в больнице лица кротки.
Там все мы, все – и ты, и он, и я, –
Почувствовав себя намного бренней,
Становимся добрее и смиренней

Пред мрачной вечностью небытия.
Еще живем, но будет же решаться:
Кому уйти,
Кому пока остаться.

У многих неприятий
И приятней
Немало остается скрытых связей,
Не ставших связью зримой и прямой.
Однажды с послаблением недуга
Наташа стала умолять супруга:
– Мне лучше, забери меня домой! –
Тогда и повстречались друг с другом
Мой друг Жуан
С гордеевским хирургом.

Тому бы знать,
Что, хоть ролями разны,
Они к событию одному причастны,
А поточнее – к личности одной,
И каждый дело делал без отсрочек:
Жуан, как разухабистый раскройщик,
Хирург, как многоопытный портной,
Что речь пойдет с надеждою вмешаться
О жертве жертвы
Этого красавца.

А знай он
Всю историю живую,
Свою с ней связь, такую узловую,
Помог бы этот узел расплести,
Ведь признавать бессилие не просто:
Суметь спасти Гордеева-прохвоста,
А вот Наташу не суметь спасти.
Но, ничего не ведая об этом,
Он спрятал руки:
– Слово терапевтам.

Тоска по Феде
У Наташи вскоре
На время заглушила боль от хвори.
Хоть не врачам, а только ей самой
Казаться стало, что она здорова,
А потому и запросилась снова:
– Мне легче, заведи меня домой! –
Врачи про Нату что-то больше знали,
Но все-таки
Задерживать не стали.

На лестнице
В домашней кацавейке
Наташа пошатнулась на ступеньке.
Но не успела выдохнуть и «ах»
Обескураженной и удивленной,
Как, поднятая над плитой бетонной,
Притихла на Жуановых руках.
О как на этот раз она, несомая,
Была легка,
Почти что невесома!

Жуан заторопился, зашагал
Так, будто бы Наташу умыкал,
Боясь услышать окрик за плечами,
Нет, не врачей, а неузримой той,
Которая следит с недобротой
За трудными больными и врачами,
Чтобы самой, сучавшей не при деле,
Однажды встать
У роковой постели.

Жуан, сходя,
На лестничных пролетах
С Наташей виражил на поворотах
И снова шел в пике, суров и лих,
С такой неоспоримостью побега
Заспорившего с горем человека,

Что встречные шарахались от них.
А он спешил с ней, словно от угара,
Из пламени
Таежного пожара.

Не зря Наташа
В страхе и надломе
Затосковала о родимом доме,
О горнице, где родилась она,
Где ярче материнского подола
Ей памятна любая складка пола,
Где ей сподручна каждая стена.
Здесь, дома, в обстановке завсегдашней,
Болезнь и та
Становится домашней.

Довольная Наташа замечала,
Что на Душе Жуана полегчало.
Казалось, уже виделся просвет
И Жизнь уже светлела понемножку,
Как в палисадник узкое окошко
К зиме, когда на ветках листьев нет.
Так, слабому здоровью не противясь,
Болезнь притворно
Ослабляла привязь.

Но вдруг привиделось,
Что тихо-тихо
Какая-то курносая ткачиха
На ветхом стане темный холст ткала.
Челнок мелькал легко и бирюзово,
Уток сверкал, а темная основа
К ней в Душу протянулась из угла.
И вот ткань, навитое на валик,
Ткачиха та
Взяла на притужальник.

Ей стало больно,
Но в работе срочной

Зигзагом бегал огонек челночный,
Все продолжал светиться и мелькать.
Основы темной натягая жилы,
Ткачиха полоротая спешила
Свое тканье нездешнее доткать.
Сопротивлялось, билось, не хотело
По жилочкам
Разматываться тело.

– Ткачиха!.. Стой!.. –
Вскричала Ната, видя,
Как посветлел настрой душевных нитей,
Давно ли цветом равных с темнотой.
О, значит, вновь чиста и вновь здорова,
Коль стала в ней душевная основа
Раскручиваться пряжей золотой.
Ткачиха дрогнула, вскочила с места.
Наташа прошептала:
– Наконец-то!

Жуан не знал,
Сидевший у постели,
О чем она?
В бреду ли?
В тяжком сне ли?
Тревожный, он не мог найти никак
К чему-то цельному и даже следа
В порывах чувств,
В обрывках сна и бреда,
В обломках мира, павшего во мрак.
Все, как мираж, – вот был и нет миража.
– Ну, что?.. Ну, что?.. Что, Ната?..
О, Наташа!..

На грани жизни,
На исходе грана
Она еще слышала Жуана,
Глаза открыла, тотчас их прикрыв,
Как бы от света,

Свет был слишком светел.
Вскочив его тушить, Жуан заметил
Наташи протестующий порыв.
– Пусть, пусть горит! –
Сказала тихогласно. –
Пусть светит до рассвета! –
И погасла.

И тихо-тихо стало,
Что в затишке
Тишей не пробежать и тихой мышке,
Стал тихим дом, за домом мир стал тих.
Почувствовав себя несчастно пришлым,
Жуан рыдал рыданием неслышным,
Упав лицом в ограду рук своих,
Но и за нею видел тонкобровый
Наташин профиль
Строгий и суровый.

Жуан не слышал,
Как, придя со смены,
Запричитала Марфа Тимофевна,
Бесслезно повела печальный сказ,
Неспешно жизнь дочернюю итожа.
– Красавица моя, да на кого же
Федяшу ты оставила и нас? –
При этом поправлять не забывала
Ей веки, прядки,
Руки, одеяло.

Во исполнение ее завета
Свет яркий не гасили до рассвета,
До полного исхода темноты.
А утром, когда стал уже не в новость
Ей смерти страх,
И строгость и суровость
Покинули Наташины черты.
Казалось, кто-то в ней,

Уже любезный,
Смягчился и разжал
Кулак железный.

Как школьницу
Когда-то в первый класс,
Наташу наряжали и сейчас,
О новой школе зная понаслышке,
Не ведая ее учителей,
Не зная толком и программы всей,
Какие там в ходу стихи и книжки,
Какие там уроки в толще стен,
Какие сроки вечных перемен.

Друзей-свидетелей
Ее урока
На этот случай было много-много,
Они за гробом рядом шли со мной,
Иные сетуя, иные плача,
Решая для себя ее задачу,
Лишь при смерти решенную самой.
Задача та с ее концом фатальным
Ко мне пришла
Под знаком интегральным.

Случалось быть наедине с бедой,
В бессилии перед бедою той
Я говорил себе: живи, как травы, –
Прольется дождь, цветком в росе
гори,

А засуха сожжет тебя, умри
Другим без пользы,
Для себя без славы.
Но возникал вопрос невольный сразу:
Тогда зачем же человеку разум?

А если есть,
Зачем он не глубинный,
Не полный, а какой-то половинный?

Пусть страхов стало менее в числе,
Но все равно мне горестно и больно,
Что столько зла блуждает бесконтрольно
На нашей изумительной земле.
Нам истины даются у могилы:
Наташа – жертва
Этой темной силы.

Когда земля
На гроб упала с гулом,
Впервые друга видел я сутулым,
Позволившим беде себя согбить,
Ошеломленным кровною утратой.
Какую непомерно тяжелой платой
За истины приходится платить,
Чтобы ему и всем от злого мрака
Вперед шагнуть
Хотя бы на полшага!

Средь Кузьминых,
Средь родственников их
Здесь было много наших заводских,
С тоской в глазах
Стоявших не для вида,
А в меру старой памяти их дружб.

По обязательству совместных служб,
Услуг взаимных, лишь Аделаида,
Пока Жуан не отошел последним,
В слезах стояла
За крестом соседним.

Мне приходилось замечать не раз:
Уход кого-то сплачивает нас,
В процессии ухода мы едины,
Нас музыка печальная ведет,
Никто не забегает наперед,

Держась благоразумной середины.
А после наши связи уже хрупки –
Похоронив, мы делимся на группки.

Шел первый снег.
Два срока есть в году,
Оберегающие красоту
С особой ревностью за человеком:
Цветение и снегопад, что сам
Догадливо прикрыл могилы шрам
Своим неторопливым первым снегом,
Но для рубца, горевшего багрово
В Душе Жуана,
Не было покрова.

Он понял,
Что в Душе его отцовой
Необходим для сына Феде новый,
Почти что материнский уголок.
Пусть будет нечувствительным к утратам,
Пусть вырастает смелым и крылатым
Торителем космических дорог.
Да, да, пусть женский,
Черт возьми, халатик
Не затмевает красоты галактик.

Так рано
К слову доброму «отец»
Прибавилось недоброе «вдовец»
С его ходячим вариантом «вдовый».
Теперь в любви родительской горяч,
Даже во сне слышав Федин плач,
Жуан вставал, помочь ему готовый,
Готовый с человечностью предельной
Его утешить
Песней колыбельной.

«Спи-засни, мой сыночек,
Подрастай, мой росточек,

А когда подрастают,
Дети спят и летают.
Как закроются глазки,
Полетишь ты, как в сказке,
Над родною землею
И над Бабой Ягою.

У старухи, у злыдни,
Нет заботы о сыне,
У старухи, у злючки,
Нет ни внука, ни внучки.

Злыдня зла не скрывает,
В старой ступе летает,
Вместо крыльев над мглою
Машет грязной метлою.

Спи-засни, мой сыночек,
Окрыляйся, росточек,
Настоящие крылья
Подарю тебе с быльёю.

Полетишь ты далеко,
Полетишь ты высоко
Над родною землею
И над Бабой Ягою...»

* * *

Читатель милый,
Вспомни, что в начале
Мы Песни запевали без печали.
Счастливые концы всего милей,
Но я писал без мысли, чтобы легче,
Нет, не Стихи, а Судьбы Человечьи
В мучительных исканиях путей,
В исканиях Любви – до понимания
Ее, как высшего
В нас достоянья.

Все беды,
Лезущие даже в строчку,
Увы, неотвратимы в одиночку.
Нам не дано самим изобрести
Свой легкий путь,
Свою Любовь и Нежность.
К трагедии приводит неизбежность,
А к драме может случай привести,
Хотя и случай, будучи нечаянным,
В ряду других
Бывает не случайным.

Что мне сказать,
Тоской не бременя,
Когда о Счастье спросите меня?
Скажу Вам, склонный
К прежнему пристрастью:
Большое Счастье – это,
На мой взгляд,
Не только сам конечный результат,
Но и Дорога, что вела нас к Счастью.
И пусть никто из нас не забывает,
Что в чистом виде
Счастья не бывает.

А если так,
Зачем иных старанья,
Чтоб приуменьшить наши испытанья?
Ведь если Счастье нам далось трудней,
То Радость и торжественней, и выше.
А если это так, зачем самим же
Обкрадываться в гордости своей?
Суровый счет ведите неудачам,
Особо тем,
Когда за всех мы плачем.
Да будет Слово
Громом и набатом.

Суровый счет ведите всем утратам,
С пристрастием судите – чья вина?
Да будет верится, что в наших буднях
Кому-нибудь на трудных перепутьях
Задаст урок Наташа Кузьмина,
Как жертва сил, пока еще несметных,
Не только темных,
Но и полусветлых.

Большой урок,
Не подчиняясь срокам,
Для всех времен становится уроком.
Безоблачной мечтая видеть Даль,
Но кое-что уже предвидя кроме,
Мы мужеству учились на «Разгроме»,
На том пути, «Как закалялась сталь».
О, если б и Моя Строка крепила
На стройке Века
Хоть одно стропило!

И если бы
При виде тяжких мук
Обиженному другу Верный Друг
Сказал однажды, поздно или рано:
– Из многих книг, а их хоть пруд пруди,
Ты Книгу, если есть она, найди
И перечти «Женитьбу Дон Жуана»! –
Тогда б я и за гробом
Верил страстно,
Что жизнь свою
Потратил не напрасно!

A decorative border with a repeating floral or scrollwork pattern surrounds the central text.

*... Неоконченная
книга Души*

ОТ АВТОРА

ВПЕРЕДИ – «КНИГА ДУШИ»

...Творческому человеку надо избегать топтания на таких возрастных рубежах. Через них хорошо бы проскакать, не оставляя на душе искусственных зарубок. А то человек живет, работает, не замечая возраста, а тут друзья ему говорят: «Стоп!.. Тебе, братец, скоро стукнет шестьдесят... Надо отметить». Конечно же, такое событие не могло не повлиять на мое мироощущение. Прежде всего оно пришло слишком неожиданно. Занятый пятилетней работой над своей иронической поэмой «Женитьба Дон Жуана», а потом заботами, связанными с ее публикацией, к серьезному рубежу я не был подготовлен.

Такие события требуют от человека психологической перестройки. Стихи, о которых вы упомянули добрым словом, видно, надо рассматривать в том же свете моего юбилейного умонастроения.

(«Диалог», «Бессонница», «Пока горит моя зоря...», «Когда раздоры раздиром...», «Нас грешник учит больше, чем святой...»). Терцины: «Жизнь суетна...», «Боткинский лист»).

На них можно посмотреть как на бунт сердца и сознания против вынужденной заторможенности, как на желание проверить свою энерговооруженность. Поэт обязан делать это всегда, а в такие моменты особенно пристрасно.

Что касается дальнейших планов, то раскрывать их печатно не в моем характере. Дело не в суеверии, а в том, что, пока задуманная вещь не начата, не найдена верная интонация, трудно быть уверенным, что она вообще состоится. В отношении одного замысла я нахожусь именно в таком состоянии.

Однако Ваша похвала моим новым стихам меня обнадеживает: значит, о стихах мне еще можно говорить, и даже о новой книге.

В ряду моих прежних книг мной выделены две – «Книга Любви» и «Книга Веры». Теперь хочется завершить «Книгу Души». Стихи, отданные в Ваш журнал, – как раз из этой книги. За добрые слова о них спасибо!

(Журнал «Наш Современник», № 11. 1978 г.).

...Я принимаю те традиции, которые приводят меня к человеку, и отвергаю те, которые уводят меня от него.

А кто сейчас первый поэт?

Первый по-прежнему Пушкин. Для остальных счет уже не имеет значения.

Из современников учитель, безусловно, А. Твардовский. Очень ценю лирический опыт А. Прокофьева. А еще, – хотя, может быть, эта мысль кому-то и покажется странной, – учусь у своих стихов. Творчество всегда обоюдно: поэт творит стихи – стихи творят поэта. В стихах мне хочется следить за рождением истин. Кто-то сказал о поэзии, что это желание юной души быть мудрой. И первостепенное качество поэта – способность изумляться. В юности оно есть у каждого, но только люди поэтического склада проносят его через всю жизнь.

У поэта-лирика есть странная привилегия – во всеуслышание кричать о своих переживаниях, о сокровенных мыслях, о любви. Никому иному это не придет в голову. Поэту же все сходит с рук. Что дает ему право так обнажать себя? Дело вот в чем: поэт субъективен, но ищет-то он объективную истину...

(«Литературная газета», 14 ноября 1979 года).

1977

* * *

Когда раздоры раздиром
Весь мир терзали, я
Работал старшим мастером
Свинцового литья.

Не образов парение
В построчечном строю,
А злые испарения
Вдыхал я в кровь мою.

Не дать отраве вымучить,
В то время так легко
Меня могло бы выручить
Простое молоко.

Теперь винят в нетрезвии,
Не ведая о том,
Что черный яд поэзии
Не лечат молоком!

* * *

А. П. Косицину

Пока горит моя заря,
Пока живы мои желанья,
Хочу не славы, а признанья
Того, что прожил я не зря.

Покаюсь
В самом честном стиле:
Со мной случались иногда
Паденья с кручи –
Словом, были
Издержки жизни и труда.

Ну как же
Не споткнуться было,
Когда с мечтой навеселе
Душа под звездами парила,
А сам ходил я по земле.

В Любви
Возвышенной и строгой,
В трудах суровых, как бои,
Да не затмят слезы высокой
Грехопадения мои!

Да будут
До последних дней
Шуметь и радовать звездою
Над головой моей седою
Знамена Юности моей!

БЕССОННИЦА

Как только жизни
Заприметил край,
Мне мысли
Мозг мой
Крысами прогрызли.
Бессоницу свою не отвергай,
Когда к бессоннице приводят мысли.

Бывает, к ночи
Все твои слова
Уже лежат по мусорным корзинкам,
И хлябает на шее голова
Незашнурованным ботинком.

Зато уж в ночь
Среди кромешной тьмы
Мы делаемся прозорливей кошки.

В такую ночь
Стыдливые умы
Улитками показывают рожки.

Бывает ночь
Таланта твоего,
Ночь страсти
И возвышенного жженья.
В такую ночь по манию его
Нас посещают смелые решенья.

Бывает ночь,
Когда бунтует честь,
Когда смолкает страх,
В тебе сидящий.
В бессонницу такую ты и есть
Доподлинный и самый настоящий.

ДИАЛОГ

Просил я:
Море многоликое,
Внуши мне что-нибудь великое.

Избавь от разных мелочей,
От суетности притязательной,

От обязательных речей
И женщины необязательной.

Я в состоянии плохом,
Коль стал, как здоровый, между здоровыми,
Лечить себя не коньяком,
А водкой с марьевскими травами.

Во всем мельчаю.
Море дикое,
Внуши мне что-нибудь великое.

И я услышал моря гул:
«Во мне, скажу, тебя жалеючи,
Нет ничего крупней акул,
А остальное тоже мелочи.

Как ты, утративший размах,
Боюсь и мусора и мели я.
Вот, стиснутое в берегах,
Шумлю – так это ж от безделия!

От ненасытных поморян
И прочих вас, ленивых увальней,
Меня спасает океан,
Когда держусь на общем уровне».

Просил я:
Море бесконечное,
Внуши, втолкуй мне что-то вечное.

Летела жизнь, как самолет
Летит по властному велению.
Не знаю даже, был ли взлет,
Как наступило приземление.

Вся жизнь в бурлении таком,
Что мнится – я в ее бурунности
Так и родился стариком
Без детства и веселой юности.

Бряцанием каких же лир,
Какой особенною метою,
Зачем я приходил в сей мир, –
Потомству дальнему поведаю?

Великое и бесконечное,
Внуши мне, море, что-то вечное.

Притихло море, говоря:
«Мы тоже делаемся мелкими,
С земли уходят и моря,
Не обеспеченные реками.

Все старится, но знайте впрок,
Спешащие исполнить прихоти,
Что вашей жизни малый срок
Мелеющим морям не к выгоде.

Что вечностью вам дорожить,
Вам, с вашей спешкою теперешней?!
А зная, как вам долго жить,
Вы стали бы намного бережней.

Нет хуже вечности моей,
Когда еще в раздорах нации.
Постыдно варварство людей
С улыбкою цивилизации».

Тут море, словно что стряслось,
Свои закончило речения,
Вновь вздыбилось и занялось
Проблемой самоочищения.

ТЕРЦИНЫ

ВИДЕНИЕ, БЫВШЕЕ МНЕ В МЕТРО ИМЕНИ МАЯКОВСКОГО

Из года в год державная Москва
Утрами просыпается в три срока,
В три вала волн. Возьму лишь первых два.

Когда заря уже не столь высока,
Чтоб каменные стены одолеть,
Приходит время первого потока.

Столица просыпается на треть.
Но бесконечны ручейки людские,
Спросонок не привыкшие шуметь.

В потоке первом – люди заводские,
Спешащие в гудящие цеха,
Наполненные гулом мастерские.

Уже горит небесная стреха,
Тогда как в низких световых извилах
Москва еще какой-то час тиха.

Гулкнеет пульс в ее железных жилах,
Выталкивая в уличный простор
Второй поток – поток людей служивых.

На перекрестках в этот час затор
Автомобилей всех известных званий
Известных и неведомых контор.

Портфеленосцы, те вдоль темных зданий,
Подсвеченных лишь только с вышины,
Тдут спокойно, хоть и час не ранний...

Был первый промежуток тишины,
Такой рассветной, что и сердца стучи,
Казалось мне, по всей Москве слышны.

Когда по ней шагал, за шагом гулким
Зари встававшей красные полки
Уже стояли в каждом переулке.

Лучи из них блестели, как штыки,
Вонзаясь в тени, ибо для рассвета
Ночные тени испокон враги.

Я шел за бликом, не теряя следа,
И, повернувши в сторону колонн,
Вошел в метро великого поэта.

На площади своей стоял он,
Готовый к встрече главного потока,
И в нем стоял стихов чугунный стон.

В метро мне было тоже одиноко.
И верхний зал и эскалатор пуст,
А шахты ствол клонился так глубоко.

Свет, исходящий из потайных люстр
Мне освещал мой тихий спуск так тускло,
Что порождал приливы странных чувств.

Вдруг сердце почему-то в страх погрузло,
Как будто закачалось подо мной
На горном склоне высохшее русло.

Я тень беды почувствовал спиной,
А камни дна сползали и скользили,
Напоминая сдвиг коры земной.

И снова тишина. В подземном зале
Стальнойю полировкой немоты
Гиперболы колонн меня встречали.

Свет падал на колонны с высоты,
Как из пролома свода после взрыва,
Не тронувшего гранной красоты.

Все так же розовел, лишь мне на диво,
Рассвеченный уральский родонит,
Все так же, да, а стало так тоскливо.

Представил я Москвы ужасный вид,
Поросший и лишайником, и мхами
Поверх асфальта и гранитных плит.

Над возносившими ее веками
Промчались бесполезные года,
Как ветер меж пустыми берегами.

Потом... Потом... Когда-нибудь тогда
С великим стадом северных оленей
Ненецкий пастушок придет сюда.

Пытливый мальчик, полный удивлений,
Найдя метро полузаросший вход,
Дойдет до эскалаторных ступеней,

Заглянет вниз, впадая в хладный пот,
Увидит свет потоков солнцелучных,
Упавших косо сквозь пробитый свод.

Оленевод, ценитель пастбищ тучных,
На это место, где стою сейчас,
Сойдет в своих сапожках бескаблучных.

Рыбак, охотник, он прищурит глаз,
Оценит все же красоту чертога
И с горечью подумает о нас:

«Земли под солнцем было ой как много,
К чему бы людям лезть в подземный мрак,
Зачем бы им красивая берлога?

Не ладно что-то жили... Ой, не так...»
Волна людская смыла наважденье,
И я уже стоял среди зевак.

Вокруг и любопытство и движенье,
И голоса сочувственных речей,
Невнятных мне, как в первое рожденье.

И только слезы, слезы из очей
От радости, что слышу смех знакомый,
Что вижу вновь улыбки москвичей.

Вторым потоком, радостно влекомый,
Я шел к посадке с чувством новизны,
Что есть Москва, ее дворцы и дома.

Состав влетел гонцом ее весны.
Расцветенный и праздничный, как знамя.
Пусть горькое видение и сны
Останутся виденьями и снами.

1978

В. Д. ФЁДОРОВУ – 60 ЛЕТ

...Настоящее творчество всегда меньше для славы, больше – для истины. И подтверждением тому – новая работа Василия Фёдорова, поэма «Женитьба Дон Жуана», которая, думается мне, по праву вершит славное шестидесятилетие большого русского советского поэта. Это и есть верность тому самому внутреннему знаку, которым определяется истинное достоинство человека, поэта. Таков Фёдоров...

Светлый мир поэзии Василия Фёдорова

27 февраля в Концертном зале им. П. И. Чайковского состоялся вечер поэзии, посвященный 60-летию лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького Василия Дмитриевича Фёдорова.

«Муки творчества, муки поиска самой строки ничтожны в сравнении с муками поиска смысла жизни, с поисками прекрасного в ней», – говорит Василий Фёдоров.

Прекрасное в жизни для Василия Фёдорова прежде всего – человек: «...все точней адрес поиска Красоты: Человек – в нем, через него, к нему!»

Глубоким самобытным художником эпического склада, поэтом, которого глубоко волнуют судьбы народные, судьбы человеческие, назвал Василия Фёдорова, открывая вечер, Сергей Михалков.

О высокой гражданственности, мудрости, народности поэзии Василия Фёдорова говорил во вступительном слове Юрий Прокушев.

И в выступлениях Э. Асадова, С. Викулова, С. Данилова, Е. Исаева, В. Казина, А. Павлова, Г. Регистана, А. Смердова, В. Солоухина, В. Сорокина,

Л. Татьянической, В. Туркина, М. Шевченко, Ю. Шесталова, О. Шестинского много, горячо и справедливо говорилось о Василии Фёдорове – большом мастере, о кровной связи его творчества с традициями великой русской классики, о неизбывной любви к Родине, о многообразном, глубоком и светлом мире поэзии Василия Фёдорова...

(«Литературная Россия», № 9 от 3 марта 1978 г.).

* * *

Я не старьй,
Я усталый,
На всем остром
Притупивший взгляд.
От своей работы небывалой
Все хочу вернуться я назад.

Был я грешен
Многими грехами,
Но за то прости, родная Русь,
Что испортил я себя стихами,
Для другого дела не гожусь.

Не резец,
Перо стальное пело,
То перо – садись да и пиши! –
Оказалось легоньким для тела,
Но тяжелым для моей Души.

Я не старьй,
Я усталый,
Ссору тело со своей Душой.
Тело никнет от работы малой,
А Душа погибнет
От большой.

В ЗАЩИТУ ПОЭМЫ

Николаю Глазкову

На радость мне
До Марьевки дошла
Твоя, мой друг, «Жуану» похвала.

Леса всплясали, обнажив коренья,
Поля взыграли буйством колосков,
Что похвалил сам Николай Глазков,
Хотя и был в неважном настроенье.
А старый бык мычал, он на-пря-му-у-ю
Отстаивал в поэме
«Песнь седьмую-ю...»

Казалось бы,
Прожившему века,
Всего пустяк мычание быка,
Казалось бы, при этом –
Боже святой! –
«Седьмую Песнь»

Легко нам извести,
Для славы бы хватило и Шести,
Живет же Е. Онегин без «Десятой»,
Но не хочу, мой друг, за счет поэтов
Расплаживать литературоведов.

Сказал ты,
Что творенье рук моих
На уровне стандартов мировых,
Не нам, однако, миру бить поклоны,
Свои бога глядят со всех сторон.

Ну да, великий Байрон, он Гордон,
Горды и мы, хотя и не Гордоны.

Хотел бы к вышесказанному в довод
Тебе для похвалы
Дать новый повод!

Марьевка

* * *

В гордости,
В надеждах
И страданьях
Ждущие глаза твои зорки.

Мать моя – Россия,
В ожиданьях
Ты века глядишь из-под руки.

Не было
Сынам твоим предела
На путях за горы и леса.

Раньше за околицу глядела,
А теперь
Глядишь на небеса.

* * *

Нас грешник учит больше, чем святой,
В священные минуты покаянья,
Когда его греховные признанья
Особенною дышат чистотой.
Нас грешник учит больше, чем святой.

Поэта надо издали любить,
Вблизи его житейская обычность,
Похожая почти на неприличность,
Все впечатленья может погубить.
Поэта надо издали любить.

Не надо допускать к себе чужих,
Шумливо ахавших и нежно льнувших,
В сомнительную щелку заглянувших,
Потом сказавших: «Все как у других!»
Не надо допускать к себе чужих.

Поклонник – деспот,
Будьте строже с ним.
Воспринятому им, не дай вам боже
Однажды показаться не похожим
На прежний облик, а чуть-чуть другим,
Поклонник – деспот,
Будьте строже с ним.

Рабу молвы не оценить стиха,
Стиха, что не обрел еще преданья.
Есть люди запоздалого признанья
И позднего прощения греха.
Рабу молвы не оценить стиха.

А все же грешник делался святым,
Преодолев житейскую предвзятость.
Мне больше по Душе такая святость,
Прошедшая через огонь и дым.
А все же грешник делался святым.

ТЕРЦИНЫ

* * *

Жизнь суетна,
Но место есть порядку,
На все свой крайний срок и свой черед,
На неоглядный путь и на оглядку.

Оглянешься – и оторопь берет:
Возврата нет. Мне некуда вернуться
И незачем уже спешить вперед.

Над головой нетопырями вьются
Назойливые тени тех людей,
С кем встретиться пришлось и разминуться.

То постояльцы памяти моей,
Ничем не заплатившие квартплаты
В расчете, что не сделаюсь бедней.

Утратив их, не чувствую утраты,
Да только жаль, чужих ташил с собой,
Чужим открыл Души своей палаты.

Они держались с ревностью тупой
Моих страстишек и случайных болей,
Что поневоле стали мне Судьбой.

Ничтожные в своей трусливой роли,
Они со мной, пока вперед иду,
А затопчусь, уже кружат на воле,

Дрожат, что вместе с ними упаду,
Не поднимусь, а там – во тьме кромешной
Поволоку их к вечному суду.

Не отличаюсь я Душою нежной
И добрым Сердцем, было бы не грех
Забавиться картинкою потешной.

Но если б видел я их вместе всех
В постыдные минуты обнаженья,
Притих бы мой потусторонний смех.

Их трусость – это предостереженье
За временно дающее мне знать,
Что Жизнь моя замедлила движенье.

Успею ли торжественно воздать
Всему тому, что было несказанно,
Что шло по мне само, как благодать.

Всему тому, что в памяти сохранно,
Всем искренним, что были мне верны,
Всем любящим меня, пропеть – «осанна»?..

Во всем я жаждал мудрой глубины,
Да неглубоко выростала репка,
Вытягивал, не натрудив спины.

Влекла меня возвышенная лепка,
Манил меня к себе небесный фриз,
Но суета сует держала крепко.

«Вперед и выше» – дерзкий мой девиз
Она, постыдная, опровергала
Тем, что при взлетах низвергала вниз.

Мне б тлеть и тлеть уныло и устало,
Не встать бы мне и не взлететь, когда б
Меня моя Любовь не сберегала.

Кто любит, кто любим, уже не слаб,
Кто верит, кому верят, тот всемогущ,
Паденье для него – всего этап.

Мне голос некий был: «Очнись, Василий,
Встань! Еще не взята высота,
Другие еще крыл не нарастили.

Дерзай! Дорогой звезд, хоть и крута,
Постигнешь, как, зачатая звездой,
Земная прорастает красота.

Ты Женщину, с единою чертою
Той красоты, желанье торопя,
Беспечно путал с полной красотой.

Ты множил женщин, целое дробя,
И, возлюбив Любовь любовью чрева,
Растрчивал во множестве себя...»

Был снова час взлета и возгрева,
Вскипала кровь, вынянчивая страсть,
Любовь без страха и Любовь без гнева.

Все суетное потеряло власть,
Все временное пролетело мимо,
И, наконец, мне Истина далась.

Любовь предстала без гримас и грима,
Бездубликатною, всего одной,
Как Жизнь сама, а Жизнь неповторима.

Ее своей я встретил сединой,
Высокому светильнику подобной,
С желаньем осветить ей путь земной.

И вот уже к моей Любви не дробной,
Постигнутой со всех Семи высот,
Спешил какой-то нагло-расторопный,

Охочий до подсказанных красот.
Но пошлость цельной красоты не застит,
Как малый дым не гасит небосвод.

Воистину, у выстраданной Страсти
Уж нет соперников и нет врагов,
Над ней и время не имеет власти.

Мы тоньше ниточек в тканье веков,
В станке времен, где так легко порваться,
Где в спешке не завяжут узелков.

Мы можем даже с Веком не соткаться,
Историк строгий не заметит нас,
Нам нет нужды и этого бояться.

Нам наша Жизнь дана не напоказ,
Но каждому положен подвиг личный,
На вековом пути свой Звездный час.

Первична Жизнь, История вторична.

БОТКИНСКИЙ ЛИСТ

Не унижайте
Давних лет седины,
Не восхваляйте наш двадцатый век,
Познаний наших некие глубины.

Безумной жизни сумасшедший бег
Достиг уже такого ускоренья,
Что дрогнет и не робкий человек.

В моторах реактивного горенья
Металл все жаростойче и прочней,
А наша плоть не знает измененья.

Мы понавыкли обращаться с ней
Как с тихою послушницей прогресса,
В надеждах, что становимся умней.

Мы знаем все склерозы и все стрессы,
Все, вхожее в больничные листы,
Но на весах Судьбы в том мало веса.

Взрывая Жизни новые пласты,
В своем усердье становясь все рьяней,
Мы рушим за собою все мосты,

Все новые выграниваем грани,
В усталом Сердце ощутив изъян,
Идем потом за новым к обезьяне,

К той самой, выросшей среди лиан,
Однако, если наше истощится,
Не выручит нас сердце обезьян.

Мне тяжело от мысли отрешиться,
Что человечество, щенком кружа,
Поймать себя за хвост все время тщится.

О, горе вышедшим из виража
С остатком перегрузки неизбежной,
Когда болеют тело и Душа.

Жизнь – центрифуга силой центробежной
Их отбивает в сторону больниц,
Ко грани дня и темноты кромешной.

Я очутился среди этих лиц,
Смешав свое несчастье с их бредом,
Свою Любовь с презреньем без границ.

Мог вспомнить лишь первопричину бедам,
А дальше пленка памяти моей
Была засвечена недобрым светом.

В развалинах Любви и смутных дней
Лежал чужой среди себя в утрате
В себе самом былых поводырей.

– Вы все же кто?..

– Не помню...

– Вспоминайте!.. –

Врач тут же предписал лекарств набор.

– Вот вам пока таблетки – принимайте!

Так, говоря науке не в укор,
Пустили в ход ту самую науку,
Что прикрывает времени позор,

Что нынче веку ставится в заслугу.
Во славу века славного и я
Стал возвращаться к памятному кругу.

Все воскрешалось с Детства и коня,
С того, как ухватил его за гриву,
Чтоб доскакать до нынешнего дня.

Скакал сквозь годы и давался диву,
Как дерзости положенный предел
Легко сдавался моему порыву.

Но все же снова с болью я влетел,
С тоской о Ней в свой Боткинский отстойник
Ущербных душ и конвульсивных тел.

Еще вчера капризный гипертоник,
Под простыней в углу на этот раз
Лежал во всем смирившийся покойник.

Не выручил прогресс, и век не спас.
Казалось бы, чего уж было легче
Спасти его, а человек погас.

Врач старые завел со мною речи:
– Так все же кто вы?
– Знаю, я – поэт.
И дегустатор болей человеческих.

Я пробую беду на вкус и цвет,
Во мне чужих невзгод такая наметь,
Что песнями восходит жизни бред.

Как хорошо, что возвратилась память!
Достойней с нею, уходя во тьму,
Себя и в рамку траурную врамить.

Не плачьте, люди! Я печаль сниму
Со всех, кто проводить придет в печали
В Дом, где меня встречали по уму.

Большого зала не хочу и вmale,
А Малый мал мне для прощальных слов,
Пусть поместят меня в Дубовом зале.

Где в отдыхе Души, под шум пиров,
Под легкий смех поклонниц беззаботных
Я пережил пять-шесть директоров

И переспорил гениев залетных,
Помимо рифм не знавших прочих мук,
Ни собственных страданий, ни народных.

Когда вокруг меня замкнется круг,
В котором лягу навзничь, не бушуя,
Ты будешь ли средь плачущих подруг?

Проводишь ли? Пообещай!.. Прошу я,
Оставь при жизни маленькую боль,
Иначе унесу с собой большую.

Заранее взойди на антресоль,
Как добрый ангел, посланный из рая
Сыграть еще одну земную роль.

О Милая, играй!.. В Любовь играя,
Притворно омрачись и огорчись,
Помешкай, как бы слезы утирая.

Потом по лестнице крутой спустись,
Печально опираясь на перила,
Войди в мой круг и надо мной склонись.

Пусть думают, что ты меня любила!

1979

ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

В ноябре 1979 года Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР поэту Василию Дмитриевичу Фёдорову в области литературы присуждена Государственная премия – за произведения последних лет (лирические стихи и поэмы).

В «Литературной газете» от 14 ноября в рубрике «Лауреаты Государственных премий СССР 1979 года» публикуется интервью с Василием Фёдоровым.

Осуществляется долгожданный этап в жизни и творчестве поэта. Журнал «Москва» впервые печатает 18 новелл из цикла «Сны поэта» Василия Фёдорова. Читатели по достоинству оценили новое детище...

«...Уже сегодня «Сны поэта» в нашей словесности, бесспорно, явление примечательное и во многом – уникальное. Когда они выйдут отдельной книгой, это станет еще более очевидно...» Ю. Л. Прокушев.

В 1978–81 годах поэме Василия Фёдорова «Женитьба Дон Жуана», его творчеству литературоведы и критики на газетных и журнальных полосах («Литературная газета», «Литературная Россия», «Советская Россия», «Литературное обозрение», «Советская культура», «Известия», «Наш современник», «Литература и современность», «Молодая гвардия», «Русская литература», «Собеседник», «В мире книг») уделили самое пристальное внимание...

Книги 1979 года:

Золотая жила. Поэма. М.: Современник.

Произведения 1979 года:

Сны поэта. Новеллы: «Чертово молоко», «Хромовые сапожки», «Мои метаморфозы», «Два видения и один сон», «Закон Дарвина», «В стратосферу и выше!», «Жар-птица», «Мне где-то сердце вручено...»,

«По следам Чингизхана», «Березовый рай», «Почти по Фрейду», «Двойник». –

Журнал «Москва». – № 8.

Новеллы: «Голова Земли», «К чему бы?..» –

Журнал «Москва». – № 9.

Новеллы: «Черный ангел», «Наташа», «Цыганская мадонна», «Лошадиный эмбрион». –

Журнал «Москва». – № 10.

Стихотворения:

«На Парнасе», «Бородатая собака».

НА ПАРНАСЕ

Потускнел,
Осиротел Парнас.
С юности стоявшие над нами,
Вы ушли, старейшины, и нас
Сделали до срока стариками.

Ваши троны
В честолюбье злом
Штурмовали неужки оравой.
Как птенцу бывает под крылом,
Было мне легко
Под вашей славой.

Слово,
А не звездный блеск венца,
Вашу правду не в угоду стилю
Я любить учился до конца,
Как умели вы любить Россию.

В дни
И ратных бед,
И в недород
Вы учили в назиданье плутням
Не по праздникам любить народ,
А по горьким и тяжелым будням.

Презирая легкое словцо,
Говорили вы без чертовщины,
Что Природа – Родины лицо,
Не прибавьте новые морщины.

Прорва дел!
Но как себя ни гробь,
Вряд ли будет чище век угарный.
У поэта мировая скорбь
В наше время
Стала планетарной.

Потускнел,
Осиротел Парнас.
В мудром слове бывшие отцами,
Вы ушли, старейшины, и нас
Не успели сделать мудрецами.

Между тем
Кипит раздоров ярь,
И уже – вы слышите ль, поэты:
По ночам космический звонарь
Глухо бьет
В колокола-планеты.

БОРОДАТАЯ СОБАКА (Шутка)

Не привычная к лучам,
Пострашнее вурдалака,
Ходит-бродит по ночам
Бородатая собака.

Злой собаке не до снов,
Тяготит ее утрата.
У собаки нет усов,
Хоть она и бородата.

Той породы злые псы,
Полуночники-бродяги
Свои грешные усы
Потеряли где-то в драке.

Но зато, подняв хвосты,
Усмехаясь перед псами,
Безбородые коты
Ходят с пышными усами.

Если ты услышишь лай:
Это, значит, пес-бродяга
Говорит коту: «Отдай
Ты усы мои, котяга...»

А услышишь мяу-мям,
Значит, кот, на крышу влаз,
Отвечает: «Не отдам,
Не отдам я, хоть залайся!»

Нет конца таким речам
Повсеместно,
Где среди мрака
Ходит-бродит по ночам
Бородатая собака!

1980

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

(Из воспоминаний П. М. Дорофеева)

...24 июля состоялся вечер поэзии Василия Фёдорова в Кемеровской филармонии.

Хотелось сказать об одной характерной черте этого человека – о его удивительной скромности. Один из самых популярных и читаемых поэтов страны, автор многочисленных сборников стихов и поэм, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, секретарь Союза писателей РСФСР, Василий Фёдоров был на редкость далек от всякой показной мишуры, пустословия и возвеличивания своей личности.

Будучи человеком большой внутренней культуры, он терпеть не мог чванства, угодничества, лести и страстно обрушивался на человеческие пороки, бичуя их беспощадно, не делая скидок, не идя на компромиссы. С каким смущением и волнением он получал Почетную грамоту обкома КПСС и облисполкома, которой был награжден за активную работу по пропаганде советской литературы и личный вклад в литературно-художественное воспитание трудящихся области.

Грамота вручалась при переполненном зале областной филармонии, где проходил авторский вечер поэта. В течение двух часов Василий Дмитриевич проникновенно читал свои стихи, отрывки из поэм, блистательно отвечал на многочисленные вопросы...

В заключение Василий Дмитриевич сказал:

«Спасибо вам, дорогие друзья, за ваше великое терпение. Два часа я держу вас в этом по-летнему жарком зале, испытываю сложные чувства: с одной

стороны, чувство глубокого удовлетворения от встречи с вами, своими земляками, с другой стороны, чувство опасения и сомнения: а доставил ли я вам хоть какую-нибудь радость?»...

(Книга «Воспоминания о поэте Василии Фёдорове»)

Стихотворения:

«1980 год»,

«Это, милые, не дискуссия...»,

«За юностью...»,

«В Любви мы, как дети беспечные...»

1980 год

Ты мне ужасен,
Новый год,
Как поздней истины приход,
Когда обманутую память
Смирять нелепее всего,
Когда и праздника не справить
И не исправить ничего.

Еще ужаснее прозреньё,
Что Новый год без обновленья.
Все та же рана, та же боль
За новогоднюю границу,
На ту же рану та же соль
Из той же горькой солоницы.

За мной
Из декабря в январь
Переползла все та же тварь.
Она, дыша дыханьем смрада,
Вино из той же чаши пьет
И, пополняя дозу яда,
Все те же злые кольца вьет.

А больше
Вот что устрашает:
Меняться мир не спешает.
О человечества заря,
Ты обещала нам немало.
И что ж?.. Дубинка дикаря
В наш умный век
Нейтронной стала!..

Нет новизны.
В людской половине
И умереть уже не внове.
Как часто на земных путях
В мечтах на высоту и дальность
Я умирал в чужих смертях,
Что умереть –
Почти формальность.

Та Жизнь,
Что нам прожить дано,
У Вечности – всего окно.
И без того обзор не дальний,
А тут еще она, Судьба,
Вдруг явится, закроет ставни
И приоткроет погреба.

Как мне узнать
По знакам сущим,
Что будет без меня в грядущем?
Хочу, когда сверкнет коса,
Когда во прах пойду, увечный,
Оставить на Земле глаза,
Чтобы на Мир
Глядели вечно.

Хочу, чтоб в те,
Иные дни
От счастья плакали они,
А в горестях совсем немного.

С Душой, где все наперекос,
До слез Любви,
До слез восторга,
Я в этой жизни не дорос.

Душа, гневясь,
Вдвойне бунтует,
Когда и красота плутует
Из-за рублей,
Из-за квартир,
Из-за минутного блаженства.
Пока несовершенен Мир,
Не будет в людях совершенства.

Ты мне ужасен,
Новый год,
Как поздней истины приход,
Что мы порой в прозренья слепы,
Что все провидеть не дано,
Что Жизнь моя в страстях нелепых
У Вечности – всего Окно.

* * *

Это, милые,
Не дискуссия
О довременной седине.
Старость – вроде бы
Как экскурсия
По какой-то чужой стране.

Жизнь чужая,
Чужая радуга.
Милых женщин чужой наряд.
Только знаешь,
Что все ненадолго,
Все на выслух
И все в погляд.

К поседевшему
В русской грамоте
Иностранная жизнь не льнет.
Что-то вдруг ударит по памяти,
Болью по сердцу резанет.

Вот стою
У чужого дома я,
Растерявшийся, как в беде.
А страна-то, гляди, знакомая
До подсолнушка
На гряде.

Ах, зачем я
Блуждаю в давности,
Своеволю в себе разлад?
Если жил без оглядки,
К старости
Не оглядывайся назад.

Если жил,
Не боясь и не трусая,
Не ищи себя в старине.
Старость – вроде бы
Как экскурсия
По давно знакомой стране.

* * *

За юностью,
За громкой струнностью
Я не успел проститься с юностью.

А там,
Когда пришла война
С ее дорогой жизни в надолбах,
Мне показалось, что она
Лишь отлучилась ненадолго.

За ужасающей войной,
За той победою –
Да здравствует! –
Все думал, что она со мной,
Не верил,
Что с другими празднует.

Ах, юность!
Вечный вздох седин,
Но оттого, что в час бессонницы
О ней вздыхаю не один,
Мне лично
Легче не становится.

За болями,
За горькой трудностью
Я не успел проститься с юностью.

* * *

В Любви мы,
Как дети беспечные,
В сокровища верим несметные.
Любовь – категория вечная,
А любят нас женщины смертные.

Забыв все обиды и шалости,
Все боли минут отчуждения,
В их лицах
С годами все жалостней
Мы видим свое отражение.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ПОЭТА НА НАЗАРКИНОЙ ГОРЕ

...Здесь со мной происходит что-то похожее на процесс обновления. В первое время энергия как бы покидает меня. А потом осмотруюсь и вроде начинаю все заново. Тогда весь мир будто исчезает для меня, я забываю столичную сутолоку, споры, речи. И вот когда я здесь «отсижусь», у меня, как у начинающего, появляется жажда работы, жажда творчества. И что важно: здесь, в Марьевке, я как-то яснее ощущаю, вижу то, что я называю для себя государственной клеткой...

...Я не смотрел на творчество, как на личное дело. Не стремился непременно печатать все, не стремился стать известным. Процесс творчества был для меня неизбежным. Печатали бы или нет меня, я все равно бы писал...

...Я никогда не писал с оглядкой на редакции. Писал лишь о том, что меня волновало.

...Массовость немножечко принижает качественность. В таком густом потоке стихов, имен порою трудно разобраться... стихи многих молодых поэтов смахивают на нашу «массовую» архитектуру, им иногда не хватает терпения на большой труд.

...Говоря о молодой поэзии, я упустил вот что: многие молодые слабо работают над формой стиха. Мы мало и не всегда умело пользуемся даже теми формами, которые открыты давно, формами классическими. Я опубликовал свои «Терцины» в «Новом мире», в «Современнике». Так, очевидно, будет складываться какой-то цикл, главы какой-то крупной вещи. Может быть, это будет своеобразная поэтическая сюита.

И еще. Работаю над новой книгой стихов. Их пока не печатаю, так как взял себе за правило публиковать

стихи из будущей книги только тогда, когда их
наберется достаточно для выбора.

Стихи: Русские плотники,
«Мастерство заразительней многих зараз...»,
«В горячий век среди лесов и нив...».

* * *

В горячий век
Среди лесов и нив
Быть недосуг
С неспешною молитвой.
Прости меня, мой бог,
Я тороплив,
Как ангел,
Пролетающий над битвой.

Друзей-бойцов
На смертном поле том,
В боях за веру
Павших в неурочье,
Не успеваю
Осенить крылом,
Полуоткрытые
Закреть им очи.

Мой бог,
Не отсылай их далеко,
Их новый путь
Не начинай с лишений.
Пусть будет им
Свободно и легко
В круговороте
Вечных превращений.

* * *

Мастерство
Заразительней многих зараз,

Когда вирус прекрасного
Душу нам точит.
Тот, кто в жизни
Красивое сделал хоть раз,
Сделать что-нибудь плохо
Уже не захочет.

Доброта
Еще выше земной красоты,
Она Души людские
По-своему метит.
Даже капелька
Поздней твоей доброты
Все, что сделал недоброго,
Сразу осветит.

Всех простил,
Мне простили, кого огорчал,
И казалось уже,
Что, вплетенные в строчку,
Красоту с Добротой
Я давно повенчал,
Но они, как и прежде,
Идут в одиночку.

РУССКИЕ ПЛОТНИКИ

От житейской экспрессии
В поредевших лесах
Умирают профессии
У меня на глазах.

Мастера и работники,
Рукотворцы хором,
Где вы, русские плотники,
С золотым топором?

Вот средь бойко оплаченных
Дом, как нищий в гостях,
Весь в дровах измахраченных,
Весь на ржавых гвоздях.

Где ж вы, бревноукладчики,
Воздвигавшие дом?
Где вы, где, конопатчики,
С конопляным жгутом.

Этих «где» – изобилие,
Для ответов на них
Нам остались фамилии
От профессий былых.

Где вы, тоже не лодыри,
В деле знавшие честь?
Нет вас, звонкие бондари,
Только Бондарев есть!

Не поможет в экспрессиях
От бетонного ига
Уходящим профессиям
Даже Красная книга!

Марьевка

* * *

История нам говорит,
Наука утверждает с верой,
Что эра камня – неолит
Сменилась бронзовою эрой.

А нынче оборот иной:
Вступая в этот мир отважно,
Мы повстречали век стальной,
А будем покидать бумажный.

1982

ГОД ЖИЗНЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ

...Печальный июль 1982 года. Василия Дмитриевича привезли из Яи в Кемерово в тяжелом состоянии и сразу – на операционный стол областной больницы. Операция прошла успешно. ...При встрече в больнице поэт как-то виновато улыбнулся, сказал полусутоливо:

«Понимаешь, и болезнь-то меня редкая настигла. Говорят, только в каких-то японских медицинских справочниках описана... Гордиться можно...»

Он рвался на волю, в свою Марьевку, на Назаркину гору: «Там я быстро пойду на поправку. Таблетками меня не вылечить». И еще его расстраивало: через несколько месяцев его снова ждал операционный стол, операция проводилась в два этапа...

Остаток лета Фёдоровы провели в Марьевке. Все шло вроде бы хорошо, но случилось непредвиденное – инфаркт. Поэт мужественно перенес все испытания болезнями и, что достойно удивления, находил в себе силы для работы над стихами. А может, стихи, жажда творчества укрепляли его дух, поднимали душевные силы?

...Именно в эти тревожные дни Василий Дмитриевич написал такие строки: «Время село на плечи мои...»... Прочитав их, он спросил, нравятся ли они мне? И на мой утвердительный ответ вдруг неожиданно заявил: «Я хотел бы эти стихи посвятить вам».

...Он, улыбаясь, пошутил: «К тем стихам, которые вы знаете наизусть, придется добавить еще одно, посвященное вам лично»...

*(Из воспоминаний В. Махалова, П. М. Дорофеева.
Книга «Воспоминания о поэте Василии Фёдорове»)*

Книги 1982 года:

Женитьба Дон Жуана. М.: Сов. Россия (75 тыс. экз)
Как цветы на заре. Стихотворения и поэма
«Женитьба Дон Жуана». – М.: Сов. писатель (50 тыс.
экз.)

Произведения 1982 года:

Стихи: «Время», «Звездная память», «Мир», «Есть
книг тома...», «Люблю я день после дождя...»,
«В край родимый ехать...», «О дальнем».

В журнале «Москва», в № 7, из цикла «Сны по-
эта» напечатаны три новые новеллы: «С Пушкиным
на балу», «Катаклизм», «Черная прядка букета».

ВРЕМЯ

Н. М. Дорофееву

Время село на плечи мои.
Как живое,
В извечном полете,
На одном, роковом обороте,
Время село на плечи мои.

Время тот сторожило момент,
Когда Жизнь моя
В беге запнется,
Скорость века с моей разойдется.
Время тот сторожило момент.

Стал я ниже и ближе к земле.
Время давит.
С него-то и случилось,
Что и в росте уменьшился малость –
Стал я ниже и ближе к земле.

Не ветвями – корнями расту.
Есть у Жизни
Почти до погоста

Хитрый фокус обратного роста.
Не ветвями, корнями расту.

Время село на плечи мои.
Говорю я,
Любивший запойно,
Хоть и грустно, а все же спокойно:
Время село на плечи мои.

ЗВЁЗДНАЯ ПАМЯТЬ

Не пойму,
Что такое со мной?
Моя грусть,
Моя боль безутешней.
Я какой-то иной:
Хоть земной,
Но чужой
И почти что неместный.

Не пойму
Ваших жестов и слов,
Когда разум
Скорбит, потрясенный.
Я от звезд,
Я от гиблых миров
Чуждедальней пылью
Занесенный...

Не пойму,
Почему я такой,
Ножевой,
Безответно-вопросный,
Часто мучаюсь
Смертной тоской,
Весь измаянный
Памятью звездной.

Будто кто-то толкает:
Бери же разбег
И верни себя
Звездной пучине.
Может, память
Бросает на брег
И дельфина
По той же причине?

Не зову тебя,
Мрачный финал.
Боль и грусть
Мне давно надоели.
Может, это не грусть,
А сигнал
О невзгодах
В земной колыбели?

* * *

Ларе

Люблю я день после дождя,
Слезами божьими умытый,
За кроткий взгляд, как у дитя,
И простодушный и открытый.
Люблю я день после дождя.

В такое время мир мне мил,
Как Жизнь сама, как откровенье,
Когда среди враждебных сил
Царит Любовь и примиренье.
В такое время мир мне мил.

Такое время длит мой срок,
Судьбой подаренный не слепо,
За что с пригорка свой цветок
Земля протягивает небу.
Такое время длит мой срок.

Люблю я день после дождя,
Поля, успевшие омыться.
Земля смеется, как дитя,
Когда ей сон о детстве снится.
Люблю я день после дождя.

* * *

Есть книг тома
Древнее, чем дома,
В них как школяр-турист
Входил во все я.
Развалины великого ума
Печальнее развалин Колизея.

У мудрости
Всегда такой удел,
Когда великий свет
Дробят на нимбы.
Потомки на потребу мелких дел
Растаскивают каменные глыбы.

Затея реставратора пуста.
С чем прошлое сравню
И чем измеряю?
Не верю
В толкователей Христа
И в продолжателей его
Не верю.

О если б
Нам далась такая честь
В наш горький век,
Что праведен и ложен,
И слово уберечь, какое есть,
И камень сохранить,
Каким положен.

МИР

Как многозначно
Слово Мир.
И небеса
С их чудесами,
И все,
Что есть под небесами,
Мы называем
Словом Мир.

Как многослойно
Слово Мир.
У всех существ,
У всех растений.
Их жизнь
В любой ее ступени
Мы называем
Словом Мир.

Как многолико
Слово Мир,
Все вещи,
Названные нами
Пленительными именами,
Мы называем
Словом Мир.

Как разнятся
Его черты
В дистанции
Такой огромной:
Душевный мир
И мир загробный,
Мир ужаса
И красоты.

О, как желанно
Слово Мир!
Когда уже

Мильоны стубят
И ужасы войны отступят,
Приходит
Долгожданный мир.

Мир – мера
Чести и добру.
При неудаче
И удаче
Стоять перед народом –
Значит,
Стоять все то же –
На миру.

О ДАЛЬНЕМ

Весь в надеждах.
Лишь сердце затронь –
Даже мертвый воскресну,
Любя и надеясь.
Согреваюсь,
Пока высекаю огонь,
А когда, запылав, возгорится,
Не греюсь.

Головешки костров
Не люблю ворошить,
Вижу будний наш мир
Не глазами, а телом.
Не умею я
Памятью прошлого жить,
Тороплюсь
К небывалым пределам.

Суетливые цели
Не ставлю ни в грош,
Каждодневная радость
Мне даже постыдна.
Юный друг,

Вот когда ты с мое поживешь,
Заскучаешь о дальнем,
Чего и не видно.

В дальний век заглянуть
Сквозь сумятицу лет,
Сквозь туманы фантазий
Изустных и книжных –
Все равно что попасть
На одну из планет
И увидеть людей,
Для ума непостижных.

Друг, большая забота
Средь прочих забот
Начала меня мучить
Глухими ночами:
А туда ли иду,
Куда время зовет,
С тем ли нашенским грузом
Любви и печали?..

Есть и страж пострашнее...
Не дай же мне бог,
Ослабев, затоптаться
На старой дороге,
В неизвестное завтра
Увидеть порог
И зашнурься
На этом высоком пороге.

* * *

В край родимый
Ехать – не гадать.
От цветка везти
Одну тычинку.
Край родной,
Тебе хочу отдать
Свое Сердце
В добрую починку.

К НЕБЫВАЛЫМ ПРЕДЕЛАМ...

...А что если позвонить Фёдоровым? Вдруг дома? Они всегда мне говорили: будешь в Москве – не смей обходить наш дом. Трубку взял Василий Дмитриевич. Взял сразу, будто ждал звонка. Разговор был короткий. «Ты откуда?» – спросил он меня. «Из аэропорта».

«Приезжай к нам немедленно. Мы тебя ждем...»

Фёдоровы пресекли все мои попытки уйти от них. А Василий Дмитриевич сказал резко: «Уйдешь – обижусь по-настоящему». Все семь дней командировки я прожил у них... В эти дни он много говорил о Марьевке. Расстраивался, что не попал туда «на колбу». «К грибам – тоже опаздываю. Врачи держат».

Он давно вынашивал план перестройки террасы в доме на Назаркиной горе. «Сделаю – дом будет светлее. Можно будет на террасе принимать гостей!»

...Пробовали мы втянуть в «культурную программу» и Василия Дмитриевича. Он активно сопротивлялся: «Вы идите,ставляйтесь на люди, а я почитаю Дрюона. Любопытный писатель»...

...На исходе зимы 83 года в Москву, в ЦДРИ, приехала большая группа работников культуры Кемеровской области. В одном из залов была развернута небольшая выставка живописных и графических работ кузбасских художников. Выделялся яркостью исполнения портрет Василия Дмитриевича, написанный Германом Захаровым. Узнав о приезде, пришел повидать земляков и на свой портрет взглянуть. Портрет Василию Дмитриевичу понравился... Около получаса были мы с Василием Дмитриевичем неразлучны...

...У самой двери он тоже поднял над головой руку,
как мы обычно делаем – и приветствуя, и прощаясь...

*(Из воспоминаний В. Махалова, В. Баянова.
Книга «Воспоминания о поэте Василии Фёдорове»)*

Книги 1983 года:

Поэмы. М.: Художественная литература,

Произведения 1983 года:

Терцины: Завоеватель и мастер.

Стихи: «Рождение стрекозы», «Кедровая доска»,
«Звезда на небе...», «Я снова жив...», «Все седые –
семьи одной...», «В небесах не витаю...», «Испанская
метрика» (1937–1983 гг.), «К западной Европе»,
«Крутая мудрая природа...», «Когда снега метут,
шурша...», «Как чудом...», «Мать качала зыбку...».

РОЖДЕНИЕ СТРЕКОЗЫ

Прекрасен день,
Открывший мне глаза,
На жизнь и мир
Глядевшие спросонок.
Я видел,
Как рождалась стрекоза,
Высвобождаясь
Из своих пеленок.

От корневища
С илистого дна,
Еще бескрылая,
По камышинке
От ночи к свету
Выползла она
И задержалась
В чашечке кувшинки.

Был срок воды.
Теперь и солнцу срок.
Перстами света
В теплоте и ласке
Развязан был
Волшебный узелок
На темной
Стрекозиной опояске.

И был порыв,
И спинки бирюза
Вся выгнулась
По тайному подсказу.
Как бережно
И долго стрекоза
Вытягивала
Крылышки из пазух.

Те крылышки,
Два легких веерка,
Вдруг распахнулись
И заглянцевели,
Качнулись по воле ветерка,
Затрепетали в блеске
И запели.

И вот летит,
Стрекочет над водой,
И кружится вокруг,
И петли вяжет.
В экстазе
Над кувшинкой золотой,
Вся в трепете
Комаринскую пляшет.

В ней жизнь поет,
О чем поет, бог весть,
И торжествует

Над своей утратой.
А что же смерть?
Быть может, смерть и есть
Высвобождение
Души крылатой!

КЕДРОВАЯ ДОСКА

Усохла плоть,
А воздух так смолист!
Люблю момент,
Когда своей изнанкой
Доска кедровая
Из-под рубанка
Откроется глазам,
Как нотный лист.

У музыки есть цвет.
Держу пари,
Нет цвета
Полнозвучнее среди прочих,
Когда лесной туман
В прохладе ночи
Сольется в нем
С полосками зари.

Смотри
И вековую жизнь читай.
Точней и нотнее,
Чем на бумаге,
Читаются
Трагические знаки,
Означенные
Явно и впочай.

Читай, читай!
Был некий час грозы,

Что отразился
Выше на полтона
Зигзагом молнии,
Ожогом стона
И дробным следом
Золотой слезы.

Читай, читай!
Был некий год беды,
Когда, все хлопотливее
К зимовке,
Не появились
Белки и кедровки
В бесплодной кроне,
Сникшей без воды.

Читай, читай!
Он умирал в тот год,
Униженный, без ветра,
Без качанья.
И наступило
Скорбное молчанье
В древесных линиях
Кедровых нот.

Вот новый знак,
Как перелом судьбы,
Вновь грозовые
Слышатся раскаты,
Сильней раскатов
«Аппассионаты»
В порыве новой жизни
И борьбы.

И входит свет
В холодный мрак тоски:
Сегодня в мире

Нет еще маэстро, –
Да что маэстро! –
Нет еще оркестра,
Чтоб разыграть
Симфонию доски.

Когда ж постигнешь
Тайны всех замет,
Всю музыку,
Весь аромат живицы,
Благодари
Кедровую страницу,
Погладь рукой
Малиновый рассвет.

Сама земля
О кедре боль таит,
Не зря ему
В березовом подросте
На месте, где он рос,
Как на погосте,
Нерукотворный
Памятник стоит.

* * *

Звезда на небе,
Как цветок,
Поднявшийся
В саду небесном.
Когда зацвел,
Нам неизвестно,
Но отцветет и он
В свой срок.

Звезда цветет,
Затем она,

Как плод цветка,
Кубышкой бренной
Взорвется вдруг
И по Вселенной
Свои разбросит семена.

* * *

Я снова жив.
Того не чаю,
Как встречусь с вами,
Не почив.
Не трогайте меня печалью,
Я слишком счастлив тем, что жив.

Что вспоминать,
Как меркло зренье,
Как память застилала мгла,
Как трудно по сердцу текла
Кровь гибели
И кровь спасенья.

В ожившем сердце
Счастьем тесно.
Скажу вам,
Как не говорил,
О том, как жилы отворил
В мое спасенье
Друг безвестный.

Скажу о мирной,
О всеильной,
О крови,
Подоспевшей в срок.
Ее я подвести не мог
Уступкой
Гостье замогильной.

И вот я жив.
Я вас встречаю,

Не позабыв,
Не разлюбив.
Не трогайте меня печалью,
Я слишком счастлив тем,
Что жив.

Все седые – семьи одной.
Было запросто, как родне,
Исповедаться ей, седой,
Моей пасмурной седине.

Под осеннюю листоверть
Закружились ее слова:
– Не успела Любовь разглядеть,
А проснулась – уже вдова.

Мне ровесница по пути
Душу жалостью обожгла:
– Не успела двор перейти,
Оглянулась – а Жизнь прошла.

Не утешить и не избыть
Слов, дошедших мне до нутра:
– Остается тихо закрыть
За собой
Калитку двора.

* * *

Когда снега
Метут, шурша,
Как деревья садов,
Тоскует и моя Душа
Без отданных плодов.
Но пусть, шурша,
Снега метут,
Души не застегну.

В ней почки замысла живут
И ждут свою весну.

* * *

В небесах
Не витаю,
Не жду запредельных идей,
Даже книг не читаю,
А сразу читаю людей.

И сегодня,
И завтра,
Как начетчик страницами,
Знать не зная, кто автор,
Залюбуюсь их лицами.

Вот
Зачинщица в играх,
Провозвестница новости,
Вся она как эпиграф
Из неначатой повести.

Весь играет игрою
Облик радостно девичий
Озорною строкою
Александра Сергеича.

А вот та
Не балует,
С детства бредит Камчатками,
Не глядит – штемпелует
Голубыми печатками.

Вот,
Взглянувшая страстно,
С обещанием гибели,
Обожгла и погасла,
Как цитата из Библии.

Вон старик на заметке,
У которого всполохом
Наградные планшетки
Отдают еще порохом.

Где ж вот этому место?
Кто он, горько согбительный,
Без открытого текста,
Словно знак вопросительный?

А вот юный и русский,
Весь открыт,
Как на знамени,
До отметки «пять с плюсом»
На труднейшем экзамене.

Славлю новое словом,
Только больно до жалости,
Что и в юном, и в новом
Вижу много от старости.

Все беру
С их настроем!
Пусть кого ни увижу я,
Обернется героем
Моего троекнижия.

* * *

Крутая,
Мудрая Природа
Еще на памяти моей
Была учителем людей
От их рожденья
До исхода.

Но вот за срок,
Что мною прожит,

Родная так искажена,
Что, искаженная, она
Учить людей
Уже не может.

ИСПАНСКАЯ МЕТРИКА
(Семейная легенда)

Я в Испании родился,
Я родился в Санто-Яго,
В той Испании прекрасной,
Где рожден и Дон Кихот.

Я родился на рассвете
В доме гордого идалго,
И бесплодная цыганка
Ночью выкрала меня.

И тогда, страшась погони,
Скрыв меня, цыганский табор
С песнями и бубенцами
Покатился на восток.

Пароконная кибитка
Перескакивала горы,
Перемахивала страны,
Торопясь – вперед, вперед!

Пароконная кибитка
Докатилась до Урала
И скатилась с гор Урала
В благодатную Сибирь.

Пароконную кибитку
Занесло, как ветром шалым,
В неказистую деревню,
В ту, что Марьевкой зовут.

За околицей деревни
Бородатые цыгане
Распрягли коней усталых
И поставили шатры.

И когда костер веселый
Заиграл в глазах цыганских,
Мне устроили смотрины
У высокого костра.

Тот цыган, что собирался
Стать отцом,
В меня вгляделся
И свои косые брови
Черной молнией сомкнул.

Стал печальным взгляд цыгана,
Голос хриплым –
«Он же русский!..» –
Закричал цыган во гневе
И отрезал: «Нам не в масть!»

С тайным умыслом цыганка,
Завернув меня в тряпицу,
Через день пошла со мною
Побираться по домам.

Высмотрев,
Зашла плутовка
В многодетный дом Ульяны,
Прозываемой «шигарской»,
И – подкинула меня.

Возвратясь с полей, Ульяна
Даже глазом не моргнула,
Потому что не умела
Сосчитать до десяти.

Все же добрая Ульяна
Что-то вспомнить попыталась,
А потом рукой махнула:
«Не упал же он с небес!»

Так сибирскую крестьянкой
Был я принят и обласкан
По извечному закону
Материнства и любви.

Так, в Испании рожденный,
В том далеком Санто-Яго,
Я в семье сибирской вырос
Коренным сибиряком.

Но в крови моей горячей
Есть испанская кровинка,
И оливковая роцца
В темной памяти моей.

До сих пор мне снится небо,
Небо дальше и море,
До сих пор меня качает
Средиземная волна.

(1937–1983)

* * *

Как чудом,
Как женщиной в танце,
Красивым люблюсь цветком.
Цветы для меня – иностранцы
С каким-то своим языком.

На зависть всему разнотравью
В приливе нездешней тоски

Лепечут, склоняясь:
«Ай лав ю»,
Роняя на луг лепестки.

Повеет так страстно и нежно
Высокая музыка слов,
Так чисто, по-детски безгрешно,
Как можно лишь в мире цветов.

Как только
Цветы я увижу,
Мне станет с полетом стрижа
И небо высокое ближе,
И к истине ближе Душа.

* * *

Мать качала зыбку,
Взяв за край,
Гнулся шест у потолка,
В прихватах,
И качалась зыбка, –
Баю-бай, –
Колыбель сынов ее
Крылатых.

Не великою
Была изба,
Пахнувшая травами и хлебом.
Мать качала зыбку –
И судьба
Мальша уже
Роднила с небом.

Не высок был
Взъем до потолка,
Но в окно,
Распахнутое шибко,

Белые летели облака,
Будто вровень
Со взлетавшей зыбкой.

Мать качала зыбку,
Легкий стриж
Пролетал,
Как чудное мгновенье, –
Баю-бай, –
И засыпал малыш,
Пережив восторг
И упоенье.

Засыпал малыш –
И ни гу-гу.
А потом, потом...
Потом в раздышке
В русской зыбке
На тугом стягу
Просыпался
Александр Покрышкин.

К ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Да, азиаты – мы...
А. Блок

Мы азиаты?..
Что же!
Добрым делом
Крепили мы
Статут наш вековой.
Да, да, мы азиаты
Нашим телом,
Но европейцы
Русой головой.

Как долго ты
Воинственно кичилась,
И неспроста
Наш меч тебя карал.
О сколько раз
Ты нас
Заставить тщилаась
Втянуться головою
За Урал.

И днесь
Не рой
Ракетного окопа,
Не вороши
Решенного давно.
Ты все еще
Пытаешься, Европа,
Закрыть к себе
Петровское окно.

Иль снова мир
Погостами погостить,
Топить в крови,
Позоре и стыде?
Ты все еще
Пытаешься отбросить
Наш серп и молот,
Взвитье к звезде.

Не тешь себя
В ребяческом огляде,
Не обольщай надеждой,
Что потом
Твой добренький
Заокеанский дядя
Тебя прикроет
Атомным щитом.

Одумайся
И не балуйся Этной,
В ее огне
Дано лишь раз сгорать.
Со смертью не играй,
Игрою смертной
Победы нашей
Не переиграть.

ТЕРЦИНЫ

ЗАВОЕВАТЕЛЬ И МАСТЕР

Лишь мастерству
Провозглашаю славу
И поклоняюсь только мастерству,
Владеющему истиной по праву.

Любезное природе по родству,
По красоте и силе устремлений,
Оно не изменяло естеству.

Хвала тебе, тот безымянный гений,
Сказавший миру первые слова
Для первых чувств Любви и вдохновений.

Для первых злаков, что дала трава,
Для плоти их, почти что неразварной,
Ты первые придумал жернова.

В той сумрачной поре первоначальной
Для глины, взятой с илистого дна,
Ты изощрился сделать круг гончарный.

И в лебедином горле кувшина
Заголготали поклики и клики
Тогда еще безгрешного вина.

С ликующей душою ты, великий,
Умом для мудромыслия воскрес,
Листнув еще страницу вечной книги.

Тебе открылся новый мир чудес,
Когда ты поднял на пустынном поле
Кусок железа, брошенный с небес.

Ты стал ковать мои земные боли
И заострять страдание мое
Уже тогда, хотя и поневоле.

Ты отковал то самое копьё,
Днесь ставшее ракетой крылатой,
Как нам теперь остановить ее?..

И виноватых нет, хоть есть утраты,
А виноват ли я, не живший всласть,
За все плативший горестною платой?

А ты?.. Ты, напрягая ум и страсть,
Науки породил в потемках века,
Но дал и разрушительную власть.

Та власть, пробившись слабеньким побегом,
Потом веками на крови росла,
Чтоб человек взошел над человеком.

Та власть свои корысти вознесла,
И стало ремесло твое, кователь,
Позорною прислужницею зла.

Как первого оружия создатель,
Ты, хитроумный мастер, виноват,
Что вслед тебе пришел завоеватель.

Пришел. Облекся в царственный наряд,
И вождь, и благодетель, и спаситель,
Раздатчик наказаний и наград.

А коли так, божественный Пракситель
С небесною архитектурой лба
Уже не чудотворец, а проситель.

О, мастера печальная судьба,
Когда он среди многих унижений
Становится униженной раба,

Когда вся красота его творений
Дойдет, низринутая с высоты,
Обломками для поздних поколений.

И как всегда, из праха красоты
В окраске привлекательной и броской
Восходят ядовитые цветы.

Так в отблеске искусств, цветущий плотски,
В сиянье шлема и дамасских лат
На сцену мира вышел Македонский.

Гордец, честолюбивый психопат,
Проживший по тщеславному девизу:
Для славы не жалеть чужих утрат,

Друзей своих губивший по капризу,
Индийские сжигавший города
Для фона заполночному стриптизу.

В нем не было ни чести, ни стыда,
Но вот что странно, если строже вникнем
В несправедливость позднего суда.

Уж не за то ль, что был во гневе диким
И безрассудным, этот сумасброд
Молвою рабской наречен великим?

Придумали, что он любил народ,
Дань отдавал и мастерку и плугу,
Не знал предела для своих щедрот,

И даже Аристотеля в заслугу
Ему поставят, как ученику,
Любившему искусства и науку.

Лишь к Диогену нежность сберегу
За попросту отвергнутое счастье,
Предложенное щедро бедняку:

«Проси, получишь все, что в царской власти!»
Да славится мудрейший из людей,
Ответивший владыке: «Свет не засти».

Черным-черно предательство царей,
Но из предательств подлых и подлейших
Предатель революции подлей.

Не жаль мне честолюбием болевших,
Людей толкнувших в нестерпимый ад,
Огонь раздувших и в огне сгоревших.

Наполеон откроет этот ряд,
Что обагрил себя из-за короны
Всей двусторонней кровью баррикад.

Потом он будет сочинять законы
Холодным стилем шпаги и пера,
Раздаривать пустующие троны.

Все та же золотая мишура
Смутила вас, искусные в работе,
Художники, поэты-мастера.

Не кто-нибудь, а седовласый Гете,
Мудрейший муж, сказать ему в укор,
Стоял пред ним по собственной охоте.

Обманчив был удачливый позер,
Еще не битый палкою славянской
За честь России и ее разор.

Лишь мать творца империи гигантской
Входила в златолепные дворцы
В своей простой одежде корсиканской,

Смотрела, как деляги и дельцы
Выслуживались службою в бесчестье,
И стягивала на груди концы

Своей домашней шали козьей шерсти.
К ней липла лесть, но, надо ей воздать,
Летиция не поддавалась лести.

Умевшая в семье повелевать,
Суровая, она при всех соблазнах
Не изменяла званию – просто Мать.

О, сколько было их, дурных и разных,
Сжигавших и топивших мир в крови,
Порождено утробой жен прекрасных!

Все гитлеры с девизом «жги и рви»
Рождались и рождаются на свете,
Зачатыми не по людской любви...

Они чисты, пока всего лишь дети,
Но в жизни, где порокам нет числа,
В них пробуждаются пороки эти.

Рожденные в любви не знают зла,
И потому даются им не в сраме
Дары искусств и тайны ремесла.

За то и нарекли их мастерами,
Творящими и крылья, и полет
По трассам с неизвестными мирами.

Но почему в скрижалях жив и тот,
Кто души растлевал и портил нравы,
Кровь проливал, ужесточая гнет.

До сей поры историки неправы,
Хваля их, окоlesiцу несут
И отравляют ядом ложной славы.

Будь справедлив,
Наш запоздалый суд!

1984

ГОД ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

...В середине марта 1984 года в Москве, в большом зале Центрального дома литераторов, проходил очередной пленум правления Союза писателей СССР.

Василий Фёдоров появился незадолго до окончания пленума после медицинского обследования. Увидившись со мной, и на мое обычное: «Ну, как?», что можно было расценить и как вопрос о состоянии здоровья, и как вопрос относительно мнения о последних выступлениях в зале... Он понял это так, как и следовало понять.

«Ты понимаешь, – ответил он, стряхивая пепел с сигареты, – был сейчас у своего бога-профессора... Разрешил жить...»

И он полуиронически-полузаговорщицки улыбнулся...

...Весной 1984 года Василий Дмитриевич снова засобирался в свою Марьевку. Врачи настояли на Ессентуках. Внушало опасения здоровье поэта.

«Меня вылечит только Марьевка», – упорствовал он...

...В памятный вечер перед отъездом мы, родственники, собрались у Фёдоровых. Василия Дмитриевича дома не было, он ушел гулять. Через некоторое время он вернулся, вошел к нам и сказал: «Вы тут сидите, чай распиваете, а я, пока гулял, вот такие стихи сочинил:

Я уже не с вами,
Я уже не тут,
Я в садах, где птицы
Райские поют.

Нам стало как-то не по себе, а сестра сказала: «Чего это тебе такая чепуха в голову пришла?» «Откуда я знаю, – ответил поэт, – вот пришла и все.» И ушел в свой кабинет. На следующее утро он уехал, а через три дня его не стало...

(Из воспоминаний Л. Решетникова, В. Махалова, А. Быкова.

Книга «Воспоминания о поэте Василии Фёдорове»).

Стихи: «Отшатнулся, будто спятил...», «Есть и на ярком солнце пятна...», «Олимпийский мотив», «Я уже не с вами...».

Терцины «Мать и сын».

* * *

Отшатнулся,
Будто спятил:
Что зачать и что родить?
Лист бумаги как распятые,
Чтобы Душу пригвоздить.

От листа,
Не веря в чудо,
Отвожу трусливый взгляд,
Жалкий, сам себе Иуда,
Косный, сам себе Пилат.

Неужели
В черной злости
Буду мучиться, как тать?
Боже, надо даже гвозди
Самому изобретать.

* * *

Есть и на ярком солнце пятна,
А музам все равно, небось...
Поэзия, не будь всеядна,
Поскольку пятна
Пятнам рознь.

Поэзия,
От боя к бою
Ты задушевней к Жизни, но...
Все, что отвергнуто тобою,
В конце концов обречено.

ОЛИМПИЙСКИЙ МОТИВ

Куда спешим?
Зачем?
Застать ли новый век
Или поспеть в беде,
К ковчегу Ноеву,
У каждого из нас
Свой олимпийский бег
И каждый спотыкается
По-своему.

Казалось бы,
И вовсе не отстал,
А лишний раз вздохнул,
Зовя остуду,
И вот второй встает
На пьедестал,
На этом вздохе
Выиграв секунду.

Но ты, поэт,
Не бойся опоздать,

Любя Отчизну,
Как свою невесту,
Успей, Мой Друг,
Ей новый мир создать,
Чтоб не пришла она
К пустому месту.

Но ты, поэт,
В бряцанье ложных лир
Иль в ярких красках,
Отданных химерам,
Ты в горестях
Зачавший новый мир,
Каким измеришься
Секундомером?

* * *

Я уже не с вами,
Я уже не тут.
Я в садах,
Где птицы
Райские поют...

*(Василий Фёдоров
прочитал эти строки
родным и близким в воскресенье
15 апреля, за день до отъезда на юг,
за четыре дня до ухода в Вечность...)*

ТЕРЦИНЫ

МАТЬ И СЫН

Сном-чудодеем
В детство обращенный,
Я оказался маленьким опять,
Но с памятью, годами отягченной.

Так пролетев полвека жизни вспять,
На деревенских очутясь полатях,
Увидел возвратившуюся мать.

Себя крепивший на сосновых глядах,
Спустился к ней я на руках тугих
И сладко замер у нее в объятьях.

Мое стучало сердце на двоих.
Должно, у возвратившихся из мрака
Стук сердца еле слышен. Так он тих!

Мне становилось жутко, И, однако,
Свой взор ко взору мамы обратив,
Вдруг понял, что загробным это – благо.

Прекрасен был лица ее отлив,
Так нежно цвел, что я его потрогал,
Как нечто дивное из многих див.

Сквозь вроде б витражи, от зимних стекол
Струились блики, матово мягки.
Она меня спросила: «Что, мой сокол?»

И вытерла ладонью со щеки
Слезу восторга и слезу печали
Идущему в неизвестные круги.

Мне снова стало жутко, как вначале.
«Хочу спросить...» –
«А ты спроси, сынок...»
Мы, глядя друг на друга, замолчали.

Мой голос еле страх перевозмог.
«Там страшно?» – я спросил и неотважно
В тревожном ожиданье сердцем дрог.

Мать голову откинула вальяжно,
С улыбкою глаза полусмежив,
Качнула головою: «Нет, не страшно!

Там страха нет, рассказ о страхе лжив,
Но есть межа бесстрашия и страха,
Так не ходи по ней, пока ты жив!

Коль я пришла, то, значит, нет и праха,
Хотя и грешной плоти нет уже.
Есть чистота, не знающая краха.

Сон – это место встреч на той меже,
Живых и мертвых полоса свиданий,
Ну, вроде школы бы живой Душе.

Мне боль была слышна твоих страданий,
А это здесь дано лишь матерям,
Чтоб вас, живых, остерегать заране.

Ты часто безрассуден и упрям,
Все время лезешь в ножевые драки,
Счет умножая своим черным дням.

Тебе во сне я подавала знаки,
Входила в круг твой из иных кругов,
Ты умерял ли пыл своей отваги?»

«Да, мама, да, но изо всех врагов,
По именам неведомым донине,
Я опасался только дураков!»

«Мой сын, – сказала Мать, – в такой гордыне
Ты радости и счастья не найдешь...–
И тут пахнуло горечью полыни,–

Слух и ко мне дошел, что много пьешь!
С отцом жила я, тем же горем маясь,
Неужто по стопам его идешь?!»

Ответил ей, не мучась и не каюсь,
Но с болью за отца с его бедой:
«Нет, мама, я не пью, а увлекаюсь...»

Мать ахнула: «Да ты уже седой,
А я учу тому, чему не сбыться...» –
И улыбнулась с прежней добротой.

Над нами тенью пролетела птица,
И тотчас между мамою и мной
Раскалываться стала половица.

Так на море, подмытые волной,
Расходятся надломленные льдины,
Скрываясь за туманной пеленой.

У края материнской половины,
Все дальше расходившейся с моей,
Я долго видел мамины седины.

Чем хуже становилось мне видней
И маму, и над мамой те полдома,
Тем больше я тянулся сердцем к ней.

Душа моя была к ней так влекома,
Что я чуть не ступил на грань живых
И не сорвался в темноту надлома...

О, Матери!.. В чем тайна силы их
Биомагнитного сопритяженья
С Душой и Сердцем сыновей своих?

В нас тот же ритм свои побудки бьет,
Родимой крови музыка живет,
Услышанная нами до рожденья.

В нас тот же ритм свои побудки бьет,
А перед сном, как бы из дали дальней,
Мать ту же колыбельную поет.

Во сне мы дети, даже идеальней,
Очищенной от скверны бытия.
Сон – это Жизнь Души, она – реальной.

Недаром в сон пришел я, как дитя,
Недаром Сердце Матери прослушал,
Бесстрашие на страхи обрета.

Дух Данта жил во мне, крепя мне Душу,
И ежели стихами «Мать и сын»
В своей Душе дух Данта я разрушил,
То сохранил суровый строй терцин!

*СТИХИ ДУШМ,
УВИДЕВШИЕ СВЕЛ...*

(1984–1987)

Из творческого наследия
Василия Фёдорова
в периодической печати впервые
обнародованы неизвестные
и последние стихи поэта...

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Они Судьбу не выбирали,
Судьба их выбрала сама
За блеск таланта и ума,
В момент, когда они сгорали.

К их гордой жизни без кривуль
Страшит непонятая блажь их.
Увы, ни собственных, ни вражьих
Поэты не боялись пуль.

Они весь Мир
Объять могли.
В них удивительно,
Как чудо,
Высот надземных амплитуда:
От бога
До – щекой земли.

Они в Судьбе своей большой
Непостижимые в размахе,
Глубокой думой –
Патриархи,
Гусары
Сердцем и Душой.
Они у смерти на виду
Бывали пагубно охочи
Ходить по краю дня и ночи,
Чтоб видеть Солнце
И Звезду.
Как необъятное объять,
Затмить вражду
Своей Судьбою?..
Вам, дальним,
Занятым собою,
Поэтов Русских
Не понять.

КАК СДЕЛАТЬ РАДУГУ

Я секрет не берегу,
Научись всему.

Можно раду-ду-ду
Сделать самому.

Все преграды обойдя,
Встань в жаре дневной,
Чтобы солнце у тебя
Было за спиной.

Здесь нужна и прямота,
Чтоб не очень низко
Полетели изо рта
Водяные брызги.

И тогда ненадолго
Зародится радуга.

* * *

Прилетел я доподлинно
Голубыми путями.
Меня встретила Родина
Проливными дождями.
Туча к туче летела,
Дождик лился и лился,
Видно, очень хотела,
Чтоб я сразу отмылся.

БЮРОКРАТ И ДЕМОКРАТ

Как у русского народа
Уживаются подряд
Два врага, два антипода –
Демократ и бюрократ.

Бюрократов нам хватает,
Потому как в сфере благ
Снега меньше выпадает,
Чем исписанных бумаг.

Не найдешь для точных справок
Всех главенствующих мест –
Министерство,
Главк,
Подглавок,
Управление
И трест.

В этажах еще пониже –
Дескать, милый, наших знай! –
Есть для местного престижа
Что-то «обл» и что-то «рай».

Словом, в лучшем идеале
Возникает вертикаль.
В нижней точке вертикали
Есть своя горизонталь.

Никаких тебе качаний,
Твердо знай – откуда, чей.
Виза есть для оснований,
Для бумаг и для речей.

Наделяют, оделяют,
Вниз да вверх...
Ни дать ни взять
Бюрократы начинают
В демократию играть.

О-хо-хо!..
Не скоро виза
С этакого висока

Приопустится до низа
И дойдет до колоска.

Бюрократы не внакладе,
Бюрократу все равно,
Что на золото в Канаде
Купим нужное зерно.

Только все ж,
Нуждаясь в средствах,
Уплывающих от нас,
Начинают в министерствах
Пробуждать сознание масс.

Здесь теперь,
Как мудрый личит
Не пугаться мелочей,
Демократа даже ищут
Для критических речей.

Вопрошают:
«Кто виновник?»
Нет виновника, а жаль!»
Распаляется чиновник,

Потрясая вертикаль.
Гнет размашисто и круто,
Гнет со всею страстью, но
Вздрагивает почему-то
Только нижнее звено.

Завершились передраги,
Стихли выгромы грозы,
И опять летят бумаги
В эти самые низы...

Жизнь, она – не по плакату,
Для какого же рожна
Истинному демократу
Бюрократия нужна?!

Демократ – борец, оратор,
Нарушающий уклад,
Демократ, он реставратор,
Богу брат
И черту сват.

Демократ, он тесто месит
С горькой выпечкой в народ,
Демократ из формы лезет,
Бюрократ – наоборот.

Для любого содержания
Форма – норма для него.
Ведь чиновник послушанье
Ценит более всего.

Как-никак, а выгиб спинный
Доблестью не назовешь.
Послушанье с дисциплиной
Путать все-таки негож.

Не на службу стрелы точим,
Не на звания и чин.
Что ж, когда-то, между прочим,
Был чиновником Щедрин.

Тот Щедрин, как знаем все мы,
Тем и знаменитым стал,
Что на родственные темы
Злые сказочки писал.

В силу же каких реалий
Тот щедринский чиновдел
Из губернских канцелярий
В наши, братцы, пересел?

И опять летят бумажки
Абы есть и абы пить.
Быть чиновником не тяжко,
Трудно деятелем быть.

* * *

Как прекрасен
Над лесом
Зари оком,
Как любезны в песках берега,
Как прекрасны
В наряде венчальном своем
По весне заливные луга.

И стою я
Притихший,
Смирняя свой нрав
Песнопением марьевских птиц,
И глядят на меня
Из некошенных трав
Голубые глаза медуниц.

Здравствуй, милый
Кедрово-березовый край.
С этим лугом, где ноша легка.
Если есть в небесах
Хоть какой-нибудь рай,
В нем должны быть
Такие луга.

* * *

Когда люблю,
Побочных мыслей нет,
Сама Любовь
Мне кажется великой,
Лишь ею я возвышен и согрет.

Когда пишу –
Мне строчки застыт свет,
Войди Любовь,
Мой взор и не заметит,

Мне в этот миг
Во тьме кромешной светит
Печальный отблеск
Позабывших лет.

* * *

Из-за причины
Непонятной
Бывает в чуткости ко лжи
Грубее кожи сыромятной
Изнанка черствая Души.
В желаньях
Ставшая невнятной,
Она, пригретая в лучах,
Осталась Жизнью недомятой
И недомытой в щелочах.

Отзывчив,
Долго Душу мявший,
И если в Жизни что не так,
Подобно выделанной замше
Душа сжимается в кулак.

* * *

Любовь – восторг,
Любовь – печаль,
Любовь всем бедствиям родня.
Увы, не радости ее,
А беды пали на меня.
Из десяти, затмивших свет,
Я, сырый, принял девять бед,
Да и десятой половину
Понес, в пути не оброня.

Потом,
Когда остатки их
Любовь бросала на других:

На джинов, на творцов и прочих,
Опять не обойден был я.
Мне снова, будто был я вол,
Досталась половина зол.
Что было делать? Взял я эти,
Ни в чем Аллаха не вина.
А люди в страхе от Любви
Мученья бросили свои.
Я подобрал людские муки,
Устало голову клоня.

Награда есть ли?
Не видна.
Всем людям Бог налил вина.
А у меня бушует в чаше
Угар кровавого огня.
О, Навои, не прекословь,
Все благо, что дает Любовь:
Любовь-тоска,
Любовь-мученье,
Любовь-копье,
Но и броня.

*(Стихотворение впервые
опубликовано в 1998 году)*

* * *

Надо мной
Нельзя смеяться –
Я могу еще бодаться
И заклятого врага
Приподнять и на рога!

* * *

А я сошлюсь
На опыт личный:
В делах Любви
Лицо – вторично.

* * *

Звереют жены,
Дети плачут,
Мужья жестоко пьют со зла.
Как пьянство выросло!
А значит,
Несправедливость возросла.

*(Впервые опубликовано
в 1998 году)*

* * *

Замеченный в людских рядах,
Осенней славою согретый,
Поэт, подвигнутый в годах,
Я часто слушаю советы:
– Дерзай!..
– Зачем себя ершить?..
– Молчи, моя-де хата с краю...
Все знают,
Как мне надо жить,
И только я один – не знаю!

* * *

Не заметил,
Где продрог,
Где тепло оставил.
Первый снег на Душу лег,
Лег и не растаял...

*(Впервые опубликовано
в 1998 году)*

БЕРЕЗОВЫЙ СВИТОК

Опять гоненья на березу,
Опять поклонники поэт
Вернулись к праздному вопросу:
Каков ее удельный вес?

Она полна заслуги древней,
Хотя бы даже берестой,
Перед мальчишками деревни
С их грамотою непростой.
Мы, будущие стихотворцы,
По бедности, по простоте,
Как древние новгородцы,
Писали стих на бересте.

Иных еще возьмут завидки,
Когда, воскресив эпох слои,
Найдут березовые свитки
И грамотки прочтут мои.

* * *

В надежде робкой,
Как юнец,
Отдав себя
Любви и прочему.
Вернулся я к столу рабочему
С Душой измученной вконец.

Ты снова будешь ли по мне,
Мой старый стол,
Пегаса пряслина?
Так возвращаются боязненно
К давно покинутой жене.

И было бы
Войти в настрой
Намного легче,
Будь бы грешница...
Мне улыбается столешница
Улыбкою, увы, пустой.

* * *

Мне жалко улетевших птиц,
Мне жаль особенно синиц,
Не попрощавшихся со мною...

Как странно? –
На дворе весна,
Со гряд нисходит белизна,
Но птиц любимых нет весною.

Куда исчезли мои птицы,
Мои веселые синицы?

* * *

Я повстречался
С женщиной одной,
Той, что меня давно
Когда-то знала...

Та женщина,
Здороваясь со мной,
Мою ладонь
В пожатье задержала,
И удивилась:

– Как она мягка!..
Должно быть – слышишь! –
Жизнь твоя легка!..

Легка ли Жизнь,
Когда мягка рука?
И я сказал,
О всех припомня болях:

– Да, милая,
Рука моя мягка,
Зато Душа Поэта
Вся в мозолях.

* * *

Он свой крест несет
Не праздно,
Он страдает оголтело
И почти что сладострастно
Обнажает язвы тела.

* * *

Весь отцвел,
Поседел, постарел...
До того постарел –
Если женщина
Ночью приснится,
То поутру болит поясница.

* * *

К чему скрывать,
Что я влюблен,
Когда раскрыта
Сердца карта.
Все тайны вылетели вон
Сквозь дырку
Моего инфаркта.

* * *

С. И. Шуртакову

Чужому
В мире прошлого,
Мне в годах, как в часу.
Я человек без прошлого,
Я все с собой несу.

Я, ошалев от бремени,
И действием и сном
Весь в настоящем времени
И ни в каком ином.

Вы все-то вспоминаете,
А мне с Душой сквозной
Не надо даже памяти,
Поскольку все со мной.

Мне с мыслями нестарыми
И в пору седины
Не бегать с мемуарами
В издательства страны.

Мне времена,
Что времечко,
Хоть вышел из веков...
Вот так,
Мой милый Сенечка,
Дружище Шуртаков!

* * *

Сегодня мысль необычайная
Меня раздумью предала,

Что радости мои – случайные,
Что их ты – нехотя дала.

Уйдешь дорогой проторенною,
Не унося с собой вины.
Лишь только сердцем покоренные
Бывают до конца верны.

* * *

Цветы стыдливости полны,
Порой они лишь слабо брезжут.
В дни горя, бедствий и войны
Они нам на глаза не лезут.

Уйдет разлучница-беда,
Цветы приходят с доброй вестью.
Есть торжество цветов, когда
Цветы и люди снова вместе.

* * *

Что-то мучит меня,
Что-то гложет,
В думах ум
Не осилит тумана.

Моя мысль
Разродиться не может,
Как пигмейка,
Зачав великана.

РЕКВИЕМ

Я устал сражаться с химерами.
Ж.-П. Марат

Пусть!..
Мы друг друга
Разлюбили.
Но Жизнь мою,
Любовь мою
Не торопись
Толкать к могиле, –
И так качаюсь
На краю.

Мне было трудно,
Но упрямо
Я долго ждал
Судьбы иной...
Не вышло.
Пусть из темной ямы
Повеет смертной тишиной.

Я, в Счастье
Веривший глубоко,
Себя от счастья
Отрешил.
Уйду из Жизни
Без упрека,
Довольный тем уже,
Что жил.

Все унесу:
Свои страдания,
Виной которых – я и ты,

Неутомленные желанья
И оскорбленные мечты.

Все унесу,
Как добрый гений,
Привыкший к тяжести земной.
Всю горечь
Многих заблуждений
Ты можешь схоронить
Со мной.

И не жалея!
В потере – малость!
Не мучь себя
И не вини.
Свою коротенькую жалость
Со мною вместе схорони.

Забудь могилу –
Будь же стойкой!
Когда-нибудь, ломая твердь,
Вблизи ее начнется стройка
И ты приедешь...
Поглядеть,

Как экскаватор
Полной горстью,
Легко разворошив погост,
Мои изломанные кости
Швырнет
На глинистый откос.

Тогда, выдерживая почерк, –
Да снизойдет

К тебе твой дар! –
Напишешь ты
Свой лучший очерк,
Потом...
Получишь гонорар.

*(Данный вариант стихотворения
впервые опубликован
в книге Василия Фёдорова
«Судьба мне подарила Русь»,
в 1998 году)*

* * *

Не все вам выдал, я
Не весь раскрылся вам:
Лишь хворост выгорел,
Пора гореть дровам...

* * *

Что смерть моя?..
Она в беседе дружной
Не вызовет особых пересуд.
Друзья мои мой гроб единодушно
Поднимут за углы и понесут...

И понесут туда неторопливо,
Где от ветров состарились кресты...
Процессии навстречу выйдешь ты
И, как дитя, уставившись пытливо
На длинный гроб.
Уста наивно спросят:
– Не скажете ли мне,
Кого выносят?..

На твой вопрос
Наивный, но сердечный

Один, быть может, искренне вздохнет:
– Ах, этот Мир, в котором все не вечно!
Хорошая, здесь уместился тот,
Которому повсюду было тесно,
Так тесно было, так нехорошо...

Он широту искал – и вот нашел.

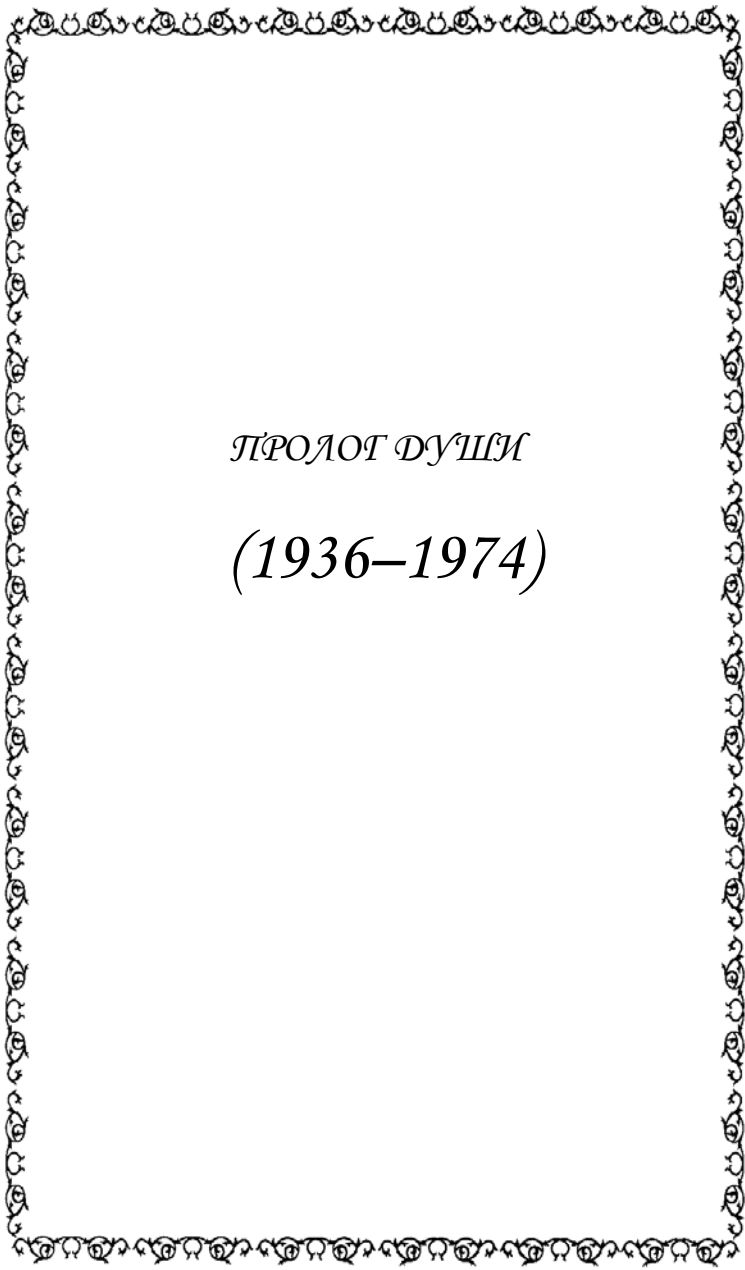
А что еще, не знаю, но известно,
Как с нежностью почти что неземной
Он говорил о Девушке одной...
Ты бред мой
В изложении убогом,
Лишенным даже малых подошлек,
Завистливым, быть может,
Встретишь вздохом,
Хотя тебе и будет невдомек,
Что это я в предгробовой судьбе
На смертной грани думал о Тебе.

*(Стихотворение впервые
опубликовано в 1998 году)*

* * *

Как стану умирать,
Бог даст, не на миру,
Не подходи ко мне,
Являя сердца живость,
Не оживляй во мне
Мою стыдливость,
Вдруг застыжусь тебя
И – не умру!

*(Стихотворение
впервые опубликовано
в 1998 году)*

ПРОЛОГ ДУШИ

(1936–1974)

СТИХИ РАННИХ ЛЕТ
(1936–1945)

* * *

Имел бы я
Всеведший ум пророка,
Я б заглянул
В грядущие года:
Куда меня,
Взметенная высоко,
Пригонит Жизни
Быстрая волна.

Имел бы я
Магические призмы,
Я подсмотрел бы
Вопроки годам,
Что даст мне Мир,
В который был я призван,
И что я сам
За это Миру дам.

Хотя б на миг
Из тех далеких далей
Единый миг
Приблизился ко мне,
Чтобы понять,
Зачем меня призвали,
Что должен я
Исполнить на Земле.

* * *

Кто б
Жизнь мою

Окинул оком
И кто бы
Догадался сам,
Что я стою
Живым упреком
Несправедливым небесам.

И кто бы
Проявил участие,
Постигнув
Главное одно:
За что
Рожденному для счастья
Любви и Счастья
Не дано?..

ПЕРЕПУТЬЯ
(1945–1950)

Любовью,
Гневом
Сердце мая,
Людей
Привык я разделять
На тех,
Которых я не знаю,
И тех,
Которых смог узнать.

И этих,
Что узнал поближе,
Я, приглядевшись,
Так делю:
Одних
До радости люблю,
Других
До боли ненавижу.

* * *

Я жил – не заметил
Ни дня,
Ни причину,
Что первую мне
Прописала морщину.

Я жил – не заметил,
Пора спохватиться,
Что было мне двадцать,
Что стало мне тридцать.

Я жил – не заметил;
Заметив, не плачу,
Что много утратил,
Что больше утрачу.

Желанному счастью
Шагая навстречу,
Я, может быть,
Встретив его,
Не замечу.

МАРЬЕВСКИЕ ЗВЕЗДЫ
(1950–1955)

ИМЯ

Как только станем взрослыми,
Займем какой-то пост,
Начнут долбить вопросами:
– Где жил?
– Как жил?
– Как рос?

И кто бы ни расспрашивал,
Я честно отвечал:
– Жил бедно.
Все донашивал
Со старшего плеча.

Рос быстро.
Скажем, валенки.
Войдешь в их пустоту
И сразу видишь – маленький.
А делать что?
Расту!

По слову
Жизнь мне давшего
В торжественной ночи,
Вот так от брата старшего,
Меня не увидавшего,
Я имя получил.

А имя то хорошее,
Браток звался Василь,
Немного было ношено.
Отец сказал:
– Носи.

На мне одежда латана
Сгорала, как в огне,
И только имя братово
По-прежнему при мне.

Его точили недуги,
Не деля старей,
Его трепали недруги,
А имя все добрей.

КОРНИ

Сибиряк,
Я рос в лесном краю,
Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
Знаю родословную свою
Только до четвертого колена.

Что за ним –
Не слышал ничего я.
Прадед был,
И – помню из преданий –
Он ходил по Волге с бечевою
От верховья
К Астрахани дальней.

В некий час
Не Волга ли внушила
Прадедовой силе богатырской,
Чтоб она не мешкая спешила
К вольным рекам
Стороны сибирской.

Он простился с лямкою тугою
И проехал полземного шара...
По утрам над мрачною тайгою
Полыхали зори, как пожары.

Говорят,
В дороге лошадь пала.
И тогда, в тоске о горизонте,
По-бурлацки сорок верст без мала
Вез телегу
Прадед мой Левонтий.

А потом,
Суровый и могучий,
Горький пот смахнув с лица устало,

Он взошел на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.

Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О, мои решительные деды –
Знатоки земли и рудознатцы!

Их нога ступала,
Где от века
Не вила гнезда себе орлица.
Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.

Жены-горевухи голосили,
А они, прощаясь в поле с рожью,
Что-то про судьбу свою базили
И опять пускались в бездорожье.

Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем еще подростком
Строить стал сибирскую дорогу.

Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

* * *

Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто верст кругом.

С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьет в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.

Любые страхи нипочем,
Но я страдал,
Когда внизу
Река казалась мне ручьем,
А пруд похожим на слезу.

И даже город мой мельчал
И становился все бедней.
Я с высоты
Не замечал
Снующих по нему людей.

Я с неба совершил побег.
Меня оттуда вниз несло,
И все, что создал человек,
Опять росло,
 р о с л о,
 р о с л о...

Я не завидую орлам.
Земной – с земли не убегу.
Я человеческим делам
Не удивляться
Не могу.

ДИКИЙ МЕД
(1955–1958)

СЕРДЦА

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг,
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

РАБСКАЯ КРОВЬ

Вместе с той,
Что в борьбе проливалась,
Пробивалась из мрака веков,
Нам, свободным,
В наследство досталась
Заржавелая рабская кровь.

Вместе с кровью
Мятежных,
Горячих,
Совершавших большие дела,
Мутноватая жижица стряпчих,
Стремянных
В нашу жизнь затекла.

Не ходил на проверку к врачу я,
Здесь проверка врача не нужна.
Подчиненного робость почуяв,
Я сказал себе:
Это она!

Рос я крепким,
Под ветром не гнулся,
Не хмелел от чужого вина,
Но пришлось –
Подлецу улыбнулся
И почувствовал:
Это она!

Кровь раба,
Презиравшая верность,
Рядом с той,
Что горит на бегу, –
Как предатель,
Пробравшийся в крепость,
Открывает ворота врагу,
Как лазутчик,
Что силе бойцовой
Прививает трусливую дрожь.
Не убьешь ее пулей свинцовой
И за горло ее не возьмешь.

Но борюсь я,
Не днями – годами
Напряженная длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добиваю раба.

НЕ ЛЕВЕЕ СЕРДЦА
(1958–1960)

* * *

Мне Жизнь моя –
Не темный лес,
Но странно иногда до жути,
Как будто с голубых небес
Спустился я на парашюте.

Как будто жил в других мирах
И все, что вижу, – неизвестность,
Как будто где-то в дальних снах
Я смутно видел эту местность.

И здесь,
Отмеченный судьбой,
Любуюсь я травой в росах,
Березами за городьбой,
Кукушками на тех березах.

Живу,
Влюбляюсь
И дивлюсь,
Что, разлучая с небесами,
Судьба мне подарила Русь
С ее полями и лесами.

И это все
День ото дня
Люблю все искренней и пылче,
Но скептики твердят,
Что я
Годами жизни ограничен.

– Да, да! – твердят. –
Как ни ликуй!
И я кричу в листве плакучей:
– Кукушка, друг, перекукуй
Мне молодость
На всякий случай.

* * *

Предо мною
Новый трудный путь.
Помоги усталость мне стряхнуть,

Помоги от прошлого забыться,
Новые желанья пробуди,
Помоги Душою обновиться
Для большого, трудного пути.

Обнови
От недугов и хворей
И от наговоров обнови,
Ты моя,
Испытанная в ссоре,
В добром мире,
В неутешной горе,
В беспокойном счастье
И Любви.

* * *

Верю в Жизнь, но такую,
Чтоб как реки – с разливом...
Загрущу,
Затоскую,
Если стану счастливым.

Если стану счастливым,
Если стану спокойным,
Если стану ленивым,
Для борьбы недостойным.

От полднейной истомы,
От вечерней прохлады,
От уютного дома,
От цветущего сада
Унесут меня с топотом
Кони огненной масти...

Пропадай оно пропадом,
Мое тихое счастье!

ЛИЦО ВЕКА
(1960–1961)

* * *

Наше время такое:
Живем от борьбы
До борьбы.
Мы не знаем покоя, –
То в поту,
То в крови наши лбы.

Ну а если
Нам до ста
Не придется дожить,
Значит, было непросто
В мире
Первыми быть.

* * *

Как в чаще,
В юности тревожной,
Не глядя слишком далеко,
О Жизни думается сложно,
А совершается легко.

Зато теперь,
Как в старой роще,
Просторней стало и видней.
О Жизни думается проще,
А совершается трудней.

ЛИЦО ВЕКА

По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кротости матери бедной

Достались мне
Крепкие руки бойца
И Сердце
Сестры милосердной.

Мне с веком моим
Поседевшим в бою,
Нетрудно в суровости спеться.
И все ж когда бью,
То как будто бы бью
Свое обнаженное сердце.

Быть строгим велит
Атакующий класс,
Но доброе солнце над нами.
Оплакал друзей я...
Припомнил и вас,
Погибших слепыми врагами.

Не я ли о братстве
Во трубы трубил,
Лихую предвидя годину...
Мне Сердце давали
Для полной Любви,
А любит оно вполовину.

Все Сердце Любви
Я отдать не могу,
Какой бы она ни явилась.
Оставил я место, на горе врагу,
Чтоб ненависть
Там поместилась.

Неверная злоба,
Как маска, черна
На мудром лице человека.
Мне с Жизнью моею
Была вручена
Святая трагедия века.

К СТИХАМ

Не радуясь
Высокому родству,
Смотрю я с болью
На поэмы эти.
Так смотрит мать,
Когда в семье растут
Большой любви
Глухонемые дети.

Не знаю,
Время ли тому виной,
Моя ли кровь,
Как знать,
Мое ли имя?
Вы научились
Говорить со мной,
Но, дети,
Надо ж говорить с другими.

Не избежать
Ни равнодушных глаз,
Ни строгих глаз,
Что видят все пороки.
Хорошие мои,
Быть может, вас
В чужой Душе
Задержат на пороге.

Не обижайтесь,
Добрый мир широк,
Не бойтесь
Ни дождя,
Ни зимней стужи.
Возьмите от меня
Терпенья впрок,
К другим идите
И стучитесь в Души.

* * *

Где-то ходим,
Чем-то сердце студим,
Ищем сказку
Не в своей судьбе.
Лет с двенадцати
Пошел по людям
И в конце концов
Пришел к себе.

И всего на свете интересней
Стало то,
Что было от сохи...
Здравствуйте,
Покинутые песни!
Здравствуйте,
Забывшие стихи!

* * *

В небесах
Монотонные песни разлук...
От пустынных полей,
От холодной земли
Улетают на юг,
Улетают на юг,
Улетают на юг журавли.

Если Сердце устанет
Стучать для людей,
Если Страсти во мне откипят,
Призову лебедей,
Попрошу лебедей –
Пусть мне осень мою
Протрубят.

КНИГА ЛЮБВИ
(1961–1963)

* * *

Куда я – такой,
Кому я – такой,
От горькой Любви
Потерявший покой?

И взгляд мой безумен,
И вид мой ужасен.
Спокойным и тихим
Я просто опасен.
Опасен я тем,
Что мечтой увлекаю,
Что страстью своей
На Любовь обрекаю,
Что делом и словом
Творю поневоле
В Любви не согласных
На малую долю.

Куда я – такой?
Кому я – такой?

* * *

Не пора ли,
Не пора ли
Нам игрушки собирать.
Мы все игры доиграли,
Больше не во что играть.

И в Любви
Не портить крови,
Ибо знаю наперед,
Что количество любовей
В качество не перейдет.

* * *

Жизнь поэта –
Непростая штука,
Если он страстями опален,
Жизнь поэта,
Да не жизнь, а мука,
Если он влюблен, –
А он влюблен.

Пошутил
Веселой эпиграммой,
Подмигнул звезде –
И мир разъят.
Вот уже ему
Семейной драмой,
Мировой трагедией
Грозят.

Милая моя,
Мы счастьем бредим
Большим,
Чем встречаем наяву.
В наших Душах
Тысячи трагедий...
И еще одну
Переживу.

ВТОРОЙ ОГОНЬ

Любовь горела,
А не тлела.
И все же, к радости моей,
Не до золы она сгорела,
Но, как береза,
До углей.

Она,
Ничем не оградима,
Переменяя страсть и гнев,
Вся изошла огнем и дымом
И вся распалась,
Почернев.

Погибла?
Нет.
Вернее прочих
Я знаю цену угольку
И каждый черный уголек
В Душе холодной берегу.

В моей Душе,
Как в горне грубом,
Небесполезно им лежать.
Лишь только б огонек...
Да губы...
Да губы,
Чтобы подышать.

Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь.
Пусть не лукавят.
Любовь горит
Вторым огнем.
В таком огне
Железо плавят.

* * *

С Душой,
Не созданной
Для драк и споров,
С неробкою,
Но доброю Душой,
Я в этот мир

Печалей и раздоров,
Должно быть,
Преждевременно
Пришел.
И потому,
Чтоб недругу
Не вторить,
Я научился
Гневаться
И спорить.
Для той Любви,
И светлой
И наивной,
Был создан я
На празднике ночей,
А приходил лишь
На ее руины
И склеивал
Обломки кирпичей.
И склеил я.
Не оробел.
Не сник.
Своей Любви
Я здание воздвиг.

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ
(1963–1966)

* * *

Не собираюсь
Жить в раю,
Да и в аду, поверьте,
Но, смертный,
Все же признаю
Своей Души
Бессмертье.

Она, как тело, не умрет,
Она за телом не пойдет,
Зачем Душе такое тело?
Она, как Душам долг велит,
Покинув тело, отлетит,
И примется за то же дело.

Начнет она везде летать,
Мои творенья объяснять.
Чужда дешевенькой эстрады,
Начнет она творить добро
За критиков и за бюро
Литературной пропаганды.

Итак, Душа
Живет дыша,
Бунтуя в смертном теле.
Умру,
Но будет жить Душа
При том же
Умном деле.

ПРОРОЧЕСТВО

Я жить
И мыслить устаю.
Я, сделав шаг
От легкой грусти
В мир
Ужасающих предчувствий,
Над черной бездною стою.

Меня охватывает дрожь,
Когда смотрю
В провал заклятый.
О, человечество,

Куда ты,
Куда ты, милое,
Идешь?

Меня охватывает страх.
Небрежно
К собственному дому,
Ты к счастью
Не пришло земному,
Что ищешь ты
В других мирах?

Меня охватывает гнев.
Утраты восполняя скудно,
Ты истребляешь
Безрассудно
Природы
Вековой посев.

Меня еще потрянет не раз.
Ты жадное,
Алкая пищи,
Глядишь на мир,
Как жирный нищий,
Украдкой
Евший про запас.

Земли
Не вечна благодать.
Когда далекого потомка
Тыпустишь по миру
С котомкой,
Ей будет
Нечего подать.

Прости
Настойчивость мою.
Уже в плену
Тех дальних сроков.

Твой самый добрый
Из пророков,
Я жить
И мыслить устаю.

* * *

Душа родная,
Что с тобой?!
Наш горький век –
Не век Перикла,
Наш горький век –
Все время бой.
Ты ужаснулась
И притихла.

Душа родная,
Будь собой!
Не заблуждай себя
Минувшим.
В минувшем был
Все тот же бой
И боль была.
Так перед лучшим,
Душа родная,
Будь собой!

* * *

Между нами
Только камни
В этой жизни городской.
Дай мне речку с берегами,
Дай мне озеро с волной.

Дай мне таволги пахучей,
Дай мне, памятных Душе,
Под высокой
Белой тучей

Разыгравшихся
Стрижей.

Дай калиновую крону,
Как весенний
Пышный дар,
Дай мне,
Дай мне
Хоть ворону
С примитивным криком
«Кар-р!»

Дай коня мне
В красной гриве
Проскакать в лучах
По дню,
И тогда
В одном порыве
Все в Душе
Соединю.

КАК ЦВЕТЫ НА ЗАРЕ
(1968–1970)

* * *

Так мне велит
Души моей настрой:
Пусть буду
Испытаньям я подвержен,
Пусть Жизнь со мною
Поступает тверже,
Но только не обходит
Красотой!

27.11.1972
(Написано во сне)

* * *

Как Душою ни бьюсь,
Ни кричу
От ударов изменческих,
Ничего не боюсь –
Глаз боюсь человеческих.

Есть,
Не спору, – идешь,
И, как часто бывает с поэтами,
Взгляды нежные рвешь
И уносишь букетами.

Есть такие,
Что жуть,
Даже нет никакой
В них подробности.
Не успеешь взглянуть,
Как увидишь две пропасти.

* * *

Боюсь не смерти я.
М. Ю. Лермонтов

Боюсь не смерти я.
Нет, нет!
И не предсмертного мученья,
Боюсь до смерти отлученья
От увлечений юных лет.

Не то боюсь,
Что Жизнь утрачу,
Но без Любви и без Огня,
Боюсь того, что не заплачу,
Когда разлюбишь
Ты меня.

Не страшно,
Что приду к излому,
Что стану нем и недвижим.
Страшней всего
Всему живому
Вдруг сразу
Сделаться чужим!

РАСПАХНУТОЕ СЕРДЦЕ

Не веря
Сказочному берегу,
Не веря
Собственным глазам,
Меня откроют,
Как Америку
Открыли
Сотни лет назад.

Обидно мне,
Что не подслушаю,
Когда уж буду
Глух и нем,
Как хлынет
Над полынной сушею
Живой поток
Моих поэм...

НАЗАРКИНА ГОРА (1970–1973)

МЫ САМИ

Мы из крестьян.
Скажу начистоту,
Не пожалев

Ни образа,
Ни слова.
Мы знали красоту,
Мы пили красоту,
Мы ели красоту,
Как сено ест корова.

Как будто жили
Слишком далеко,
Эстетика о нас
И слыхом не слыхала.
В нас нашей красоты
Живое молоко,
Как у дойных коров,
Веками присыхало.

И времена не те,
И мы не те.
Не надо
В назидательном кураже
Нам толковать о нас
И вечной красоте.
Мы сами о себе
Напишем и расскажем.

* * *

Мне куда-то надо скрыться,
Мне куда-то надо спрятаться,
Чтобы словом не раскрыться
Для того, как слово скажется.

Мне куда-то надо деться
От пророчества вороньего,
Чтобы новой песне спеться
Без припева постороннего.

Но зато, чтоб сталоь это,
Сталоь так, как должно статьсь,
С гордым именем поэта
Надо чаще расставатьсь.

* * *

Жизнь все громче,
Все необычайней.
Мне пожить бы,
Как живут сельчане.

Я давно мечтал
В такой поре
Справить дом
На солнечной горе.

А еще,
Мечтаний не мельча,
Пригорюнить баньку
У ручья.

От стихов
И городских истерик
Выйти с удочкой
На тихий берег.

И, отвагой
Творческой горя,
Выловить
Простого пескаря.

* * *

Давно ль
Гордился сам,
Что я деревне близкий.

Завидую певцам,
Поющим без прописки.

Им равно
Где брать мед,
Была бы лишь охота
Да был бы самолет
Для дальнего облета.

О Марьевка моя,
Догадкой оглоушен:
Ты родила меня,
А я тебе не нужен.

Ну что моя строка
Для всех твоих рассветов!
Сам вижу, что пока
Тебе не до поэтов.

Тебя я не виню,
Ведь надо ж не по слову
Выкармливать свинью,
Выдаивать корову.

Ведь надо ж для потреб
Космического века
Натружный сеять хлеб
И убирать до снега.

Но были же дела
И в той поре кипучей,
Когда ты родила
Меня на всякий случай.

Но я же твой, как свет
От твоего же пыла,

Иль случая все нет,
Что обо мне забыла.

Не время,
Ну и что ж,
Одно мне сердце студит:
Боюсь, что позовешь,
Когда меня не будет.

* * *

Нет, братцы,
Спешность не по мне.
Иной поэмит повсеместно,
А у меня в моей квашне
Еще пыхтит тугое тесто.

Вот тут ему
Не дай опась,
Накаливай до зноя Душу,
Дым выпусти,
Чтоб встрасть да власть
Хлеб выпекеся
Как можно лучше.

И хорошо Душе моей.
Смеюсь я, счастья не скрывая,
Когда воскреснет дух полей
В моем румяном каравае.

И рад,
Что созывать пора
Всех, вплоть до резвого пиита,
На светлый праздник аппетита,
На праздник
Жизни и добра.

ПРОМЕТЕЕВ ЦВЕТ
(1969–1974)

МУЗЫКА

Моя Душа,
Иссохшая в гордыне,
Горячих звуков
Впитывает дрожь,
Как влагу
Опаленная пустыня,
Когда на ней шумит
Спаситель-дождь.

И в свежести,
И в солнечности восточной,
И в чувстве
Убывающей тоски
Моя Душа,
Как влажные пески,
Становится живой
И плодородной.

* * *

Мне б,
Не горбясь под ношею,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну хотя бы до восхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

* * *

Прозябаю на ветру,
На миру, словам внимая.

Истин сверху не беру,
Я их снизу поднимаю.

Испытанья не страшны.
Чтобы светом возгораться,
Наши истины должны
Только снизу подниматься.

Истины не входят в стих
От общения с богами.
Нет, я каждую из них
Отрабатывал боками.

* * *

В многомудром кураже
Знатоки и слов, и слога
Говорят, что о Душе
Говорю я слишком много.

Мудрость века вороша,
Похваляясь эрудицией,
Говорят, что ты, Душа, –
Не Душа, а только фикция.

Чем же ты нехороша
Тем, которые в бесстрастности
Говорят, что ты, Душа,
Кем-то выдумана
В праздности.

Как им втиснуть
В мысль и в страсть,
Что в далекой смутной Вечности
Ты, Родная, зачалась
Ради высшей Человечности.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В. Д. ФЁДОРОВА

1935

Стихотворения: «Серебрится водяная гладь...», «Пусть в тебя влюбится дракон...».

1936

Учеба в Новосибирском авиатехникуме. Очерк о брате. Стихотворение «Три товарища».

1937

Продолжение учебы. Начало написания стихотворения «Испанская метрика» («Я в Испании родился...»).

1938

Окончание Новосибирского авиационного техникума. Мастер Иркутского авиационного завода.

1939

Напечатаны стихи и очерки в Иркутской заводской многотиражке. Стихотворение «Муза» («Поле было спокойно...»).

1940

Стихотворение «К Матери» («Говорила о юности...»), Иркутская областная газета «Советская молодежь».

Стихотворение «Надо видеть» («Удивляться – мало...»),

Многотиражная заводская газета «Сталинец».

Очерки о рабочих Иркутского авиационного завода.

1941

Маленькая поэма «Свадьба».

Новосибирский авиационный завод, старший мастер сборки истребителей.

1942

Стихи о войне и о любви.

1943

Начало написания поэмы «Лирическая трилогия».

1944

Родина. Стихи молодых поэтов. Новосибирск. В сборнике опубликовано девять стихотворений:

«Прощай село!», «Родина», «Даже в праздник», «Будь счастливым», «Сосна», «Колос», «Учитель через много лет», «Письмо», «Завещание».

1945

Завершена поэма «Лирическая трилогия».

1946

Поэма «Марьевская летопись».

1947

Лирическая трилогия. Первая книга. Новосибирск.

На Белой Гриве. Очерк. Новосибирск.

Золотые звенья. Новосибирск.

Стихотворение «Встреча» («Приход любви необычаен...»).

Сонет «Когда судьба с тобой меня свела...».

Участник Первого Всесоюзного совещания молодых писателей.

1948

Учеба на очном отделении Московского литературного института имени Горького. Стихотворения: «Другу»

«Ты шепчешь, что в моей груди...», «Найду ли я дорогу на Москву?...».

1949

Маленькая поэма «Птичий сад».

1950

Окончание Московского литературного института имени Горького.

1951

Очерки. Проза. Журналы: «Сибирские огни», «Новый мир», «Огонек», «Смена», «Крестьянка».

1952

Маленькие поэмы: «Пурга», «За рекою ключевой». Стихотворение «Мне с каждым днем труднее жить...». Повесть «Светлый залив».

1953

Зрелость. Повесть. (М.: Молодая гвардия). Маленькая поэма «Ленинский подарок».

1954

Маленькие поэмы: «Обида», «Далекая».

1955

Добровольцы. Повесть. М.: Молодая гвардия.

Лесные родники. М.: Молодая гвардия. Марьевские звезды. Новосибирск.

Стихотворение «Сердца».

1956

Принят в члены Союза писателей СССР.

Маленькие поэмы: «Первые слезы», «Белая роща». «Проданная Венера».

1957

Маленькие поэмы: «Дуся Ковальчук», «Золотая жила».

1958

Белая роща. М.: Молодая гвардия.

Дикий мед. М.: Советский писатель.

1959

Золотая жила. М.: Правда.

Начало написания поэмы «Седьмое небо».

1960

Не левее сердца. М.: Советская Россия.

Маленькие поэмы: «Пролог», «Муза», «Хозяйка».

1961

Лирика. Гослитиздат.

Белая роща. 2-е изд. доп. М.: Молодая гвардия. Маленькая поэма «Бетховен».

1962

Седьмое небо. Стихи и поэмы. М.: Советский писатель.

1963

Лирика. День поэзии. М.

Маленькая поэма «Гамлет в совхозе».

1964

Книга Любви. 1-е издание. М.: Московский рабочий.

Маленькие поэмы: «Совесть», «Аввакум».

1965

Второй огонь. М.: Художественная литература.

Маленькая поэма «Отец».

1966

Третьи петухи. М.: Молодая гвардия.

1967

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Стихотворения. М.: Художественная литература.

Завершена поэма «Седьмое небо».

1968

Лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького.

Книга Любви. 2-е издание. доп. М.: Московский рабочий. Седьмое небо. М.: Советский писатель.

Избранная лирика. М.: Молодая гвардия.

Маленькая поэма «Карой Лигети».

1969

Стихи. День поэзии. М.

1970

Стихотворения и поэмы: в 2 т. М.: Худож. лит-ра.

Поиск прекрасного. М.: Советская Россия. Третьи петухи.

Седьмое небо. М.: Советская Россия.

Стихотворение «Распахнутое сердце».

1971

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Седьмое небо. Новосибирск.

Крылья на полдень. М.: Воениздат.

Маленькая поэма «Человек».

1972

Седьмое небо. М.: Современник,

Избранные стихотворения. Кемерово.

1973

Книга Любви. 3-е издание, доп. М.: Молодая гвардия. Наше время такое. М.: Современник.

Начало написания поэмы «Женитьба Дон Жуана».

Замысел написания «Био-Банка» (Сны поэта).

1974

Книга Любви и Веры. М.: Современник.

Как цветы на заре. М.: Советский писатель.

1975

Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия.

1976

Награжден орденом Октябрьской Революции.

1977

Завершена поэма «Женитьба Дон Жуана».

Женитьба Дон Жуана. Ироническая поэма.

М.: Современник. Терцины: Видение, бывшее мне в метро имени Маяковского. Стихи: Диалог, Бессоница, «Пока горит моя заря...», «Когда раздоры раздиром...».

1978

По главной сути. М.: Современник,

Избранное. М.: Советская Россия.

Стихи. М.: Художественная литература.

Женитьба Дон Жуана. Иронич. поэма. Роман-газета. № 18. М.: Художественная литература.

Стихотворения. Поэмы. Мурманск. Терцины: Боткинский лист, «Жизнь суетна...». Стихи: В защиту

поэмы, «Нас грешник учит больше, чем святой...», «В гордости, в надеждах и страданиях...», «Я не старый...».

1979

Лауреат Государственной премии СССР.

Золотая жила. Поэма. М.: Современник.

Сны поэта. Новеллы: «Чертово молоко», «Хромовые сапожки», «Мои метаморфозы», «Два видения и один сон», «Закон Дарвина», «В стратосферу и выше!», «Жар-птица», «Мне где-то сердце вручено...», «По следам Чингизхана», «Березовый рай», «Почти по Фрейд», «Двойник».

Журнал «Москва». № 8.

Новеллы: «Голова Земли», «К чему бы?...»

Журнал «Москва». № 9.

Новеллы: «Черный ангел», «Наташа», «Цыганская мадонна», «Лошадиный эмбрион».

Журнал «Москва». № 10.

Стихотворения: «Бородатая собака», «На Парнасе».

1980

На Парнасе: Стихи. День поэзии. М. Стихи. Альманах. М. Стихотворение «1980 год».

1981

Седьмое небо. Омск.

Стихи: Русские плотники, «Мастерство заразной многих зараз...», «В горячий век среди лесов и нив...».

1982

Женитьба Дон Жуана. Иронич. поэма. М.: Сов. Россия.

Как цветы на заре. М.: Сов. писатель.

Сны поэта. Новеллы: «С Пушкиным на балу», «Катаклизм», «Черная прядка букета».

Журнал «Москва». № 7.

Стихи: Время, Звездная память, Мир, «Есть книг тома...», «Люблю я день после дождя...», «В край родимый ехать...», О дальнем.

1983

Поэмы. М.: Художественная литература.

Терцины: Завоеватель и мастер.

Стихи: Рождение стрекозы, Кедровая доска, «Звезда на небе...», «Я снова жив...», «Все седые – семьи одной...», «В небесах не витаю...», Испанская метрика (1937–1983 гг.), К западной Европе.

1984

Последние произведения.

Терцины: Мать и сын.

Стихи: «Отшатнулся...», «Есть и на ярком солнце пятна...», Олимпийский мотив, «Я уже не с вами...».

Р. С. Последние две новеллы из цикла «Сны поэта»

«Человек из портрета», «Сны с Тартюфом» напечатаны посмертно в журнале «Наш современник». 1985. № 4.

КНИГИ, УВИДЕВШИЕ СВЕТ...

- «ДУША ЕЩЁ ПОЛНА ЗАБОТЫ...».
Кемеровское книжное издательство, 1986. (25 тыс. экз.)
«СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ»: в 5 т.
Современник, 1987–1989. (50 тыс. экз.)
«СТИХОТВОРЕНИЯ».
Детская литература, 1987. (100 тыс экз.)
«ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ ВАСИЛИИ ФЁДОРОВЕ».
Кемеровское книжное издательство, 1987. (15 тыс. экз.)
«И ВЕРОЮ И ПРАВДОЮ».
Кемеровское книжное издательство, 1988. (10 тыс.экз)
«НА РОДИНЕ МОЕЙ ПОВЫПАЛИ СНЕГА». Новосибирское книжное издательство, 1988. (25 тыс.экз)
«СНЫ ПОЭТА».
Советский писатель, 1988. (50 тыс. экз.)
«СНЫ ПОЭТА».
Кемеровское книжное издательство, 1989. (10 тыс. экз.)
«ЧЕЛОВЕК».
Молодая гвардия, 1989. (100 тыс. экз.)
«СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ В. Д. ФЁДОРОВА».
Современный писатель, 1998. (4200 экз.)
«СУДЬБА МНЕ ПОДАРИЛА РУСЬ».
Кемерово. «Сибирский писатель», 1998. (2 тыс. экз.)
«НА РОДИНЕ ПОЭТА ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА».
Кемерово. «Сибирский писатель», 1998. (200 экз.)
«ПО ГЛАВНОЙ СУТИ ЖИЗНЬ ПРОСТА...».
Московская городская организация Союза писателей России, 2009. (5 тыс. экз.)
«КНИГА ЛЮБВИ».
Издание четвертое, дополненное.
Нижний Новгород, 2009. (345 стр.)
«ЖЕНИТЬБА ДОН ЖУАНА.
...НЕОКОНЧЕННАЯ КНИГА ДУШИ».
Нижний Новгород, 2009. (376 стр.)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора. Мой друг Жуан.....	5
<i>ЖЕНИТЬБА ДОН ЖУАНА ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА</i>	
Песнь первая.....	7
Песнь вторая.....	25
Песнь третья.....	47
Песнь четвертая.....	76
Песнь пятая.....	105
Песнь шестая.....	140
Песнь седьмая.....	177
<i>...НЕОКОНЧЕННАЯ «КНИГА ДУШИ»</i>	
От автора. Впереди – «Книга Души».....	209
1977	
«Когда раздоры раздиром весь мир терзали, я...».....	211
«Пока горит моя заря...».....	211
Бессонница.....	212
Диалог.....	213
<i>ТЕРЦИНЫ</i>	
Видение, бывшее мне в метро имени Маяковского.....	216
1978	
В. Д. Фёдорову – 60 лет.....	220
«Я не старый, я усталый...».....	221
В защиту поэмы.....	222
«В гордости, в надеждах и страданиях...».....	223
«Нас грешник учит больше, чем святой...».....	223
<i>ТЕРЦИНЫ</i>	
«Жизнь суетна, но место есть порядку...».....	224
Боткинский лист.....	228
1979	
Лауреат Государственной премии СССР.....	232
На Парнасе.....	233
Бородатая собака (Шутка).....	234

1980

Штрихи к портрету	236
1980 год	237
«Это, милые, не дискуссия»	239
«За юностью...»	240
«В Любви мы, как дети, беспечные...»	241

1981

Из интервью поэта на Назаркиной горе	242
«В горячий век среди лесов и нив...»	243
«Мастерство заразительней многих зараз...»	243
Русские плотники	244
«История нам говорит...»	245

1982

Год жизненных испытаний	246
Время	247
Звёздная память	248
«Люблю я день после дождя...»	249
«Есть книг тома древнее, чем дома...»	250
Мир	251
О дальнем	252
«В край родимый ехать...»	253

1983

К небывалым пределам	254
Рождение стрекозы	255
Кедровая доска	257
«Звезда на небе, как цветок...»	259
«Я снова жив. Того не чаю...»	260
«Когда снега метут, шурша...»	261
«В небесах не витаю...»	262
«Крутая, мудрая природа...»	263
Испанская метрика (Семейная легенда)	264
«Как чудом, как женщиной в танце...»	266
«Мать качала зыбку...»	267
К Западной Европе	268

ТЕРЦИНЫ

Завоеватель и мастер	270
----------------------------	-----

Год памяти народной.....	276
«Отшатнулся, будто спятил...»	277
«Есть и на ярком солнце пятна...»	278
Олимпийский мотив	278
«Я уже не с вами...»	279

ТЕРЦИНЫ

Мать и сын.....	279
-----------------	-----

СТИХИ ДУШИ, УВИДЕВШИЕ СВЕТ

(1984–1987)

Русские поэты.....	285
Как сделать радугу.....	286
«Прилетел я доподлинно...»	286
Бюрократ и демократ	286
«Как прекрасен над лесом зари оком...»	290
«Когда люблю, побочных мыслей нет...»	290
«Из-за причины непонятной...»	291
«Любовь – восторг, Любовь – печаль...»	291
«Надо мной нельзя смеяться...»	292
«А я сошлюсь на опыт личный...»	292
«Звереют жены...»	293
«Замеченный в людских рядах...»	293
«Не заметил, где продрог...»	293
Берёзовый свиток.....	294
«В надежде робкой, как юнец...»	294
«Мне жалко улетевших птиц...»	295
«Я повстречался с женщиной одной...»	295
«Он свой крест несет не праздно...»	296
«Весь отцвел, поседел, постарел...».....	296
«К чему скрывать, что я влюблен...».....	296
«Чужому в мире прошлого...».....	297
«Сегодня мысль необычайна...»	297
«Цветы стыдливости полны...».....	298
«Что-то мучит меня...».....	298
Реквием («Пусть!.. Мы друг друга разлюбили...».....)	299

«Не все вам выдалил...»	301
«Что смерть моя?...»	301
«Как стану умирать...»	302

ПРОЛОГ ДУШИ

(1936–1974)

СТИХИ РАННИХ ЛЕТ (1936–1945)

«Имел бы я всеведущий ум пророка...»	304
«Кто б Жизнь мою окинул оком...»	304

ПЕРЕПУТЬЯ (1945–1950)

«Любовью, гневом сердце мая...»	305
«Я жил – не заметил ни дня...»	306

МАРЬЕВСКИЕ ЗВЁЗДЫ (1950–1955)

Имя	306
Корни	308
«Я не завидую орлам...»	310

ДИКИЙ МЕД (1955–1958)

Сердца	311
Рабская кровь	311

НЕ ЛЕВБЕЕ СЕРДЦА (1958–1960)

«Мне Жизнь моя – не темный лес...»	312
«Предо мною новый трудный путь...»	313
«Верю в Жизнь, но такую...»	314

ЛИЦО ВЕКА (1960–1961)

«Наше время такое...»	315
«Как в чаще, в юности тревожной...»	315
Лицо века	315
К стихам	317
«Где-то ходим, чем-то сердце студим...»	318
«В небесах монотонные песни разлук...»	318

КНИГА ЛЮБВИ (1961–1963)

«Куда я – такой? Кому я – такой...»	319
«Не пора ли, не пора ли нам игрушки собирать...»	319
«Жизнь поэта – непростая штука...»	320

Второй огонь	320
«С Душой, не созданной для драк и споров...»	321
<i>ТРЕТЬИ ПЕТУХИ (1963–1966)</i>	
«Не собираюсь жить в раю...»	322
Пророчество	323
«Душа родная, что с тобой?!»	325
«Между нами только камни...»	325
<i>КАК ЦВЕТЫ НА ЗАРЕ (1968–1970)</i>	
«Так мне велит Души моей настрой...»	326
«Как Душою ни бьюсь, ни кричу...»	327
«Боюсь не смерти я...»	327
Распахнутое сердце	328
<i>НАЗАРКИНА ГОРА (1970–1973)</i>	
Мы сами	328
«Мне куда-то надо скрыться...»	329
«Жизнь все громче, все необычайней...»	330
«Давно ль гордился сам...»	330
«Нет, братцы, спешность не по мне...»	332
<i>ПРОМЕТЕЕВ ЦВЕТ (1969–1974)</i>	
Музыка	333
«Мне б, не горбясь под ношею...»	333
«Прозябаю на ветру...»	333
«В многомудром кураже знатоки и слов, и слога...»	334
Творческий путь В. Д. Фёдорова	335
Книги, увидевшие свет	341

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ

ЖЕНИТЬБА ДОН ЖУАНА

* * *

... НЕОКОНЧЕННАЯ «КНИГА ДУШИ»

Редактор *А. С. Басалько*
Составитель *А. А. Кочетков (А. Северный)*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 19.12.2012. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Georgia», «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 7,0. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 200 экз. Заказ № 1030

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kenguki.ru